

81.2
A95

З.К. Ахметжанова

**Новые направления
социальной лингвистики**

Алматы 2011

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Университет им. Сулеймана Демиреля

З.К. Ахметжанова

Новые направления социальной лингвистики

Алматы, 2011

Рекомендовано Ученым советом Университета им. Сулеймана
Демиреля.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Пак Н.С.
доктор филологических наук, профессор Мирзоева Л.Ю.

Ахметжанова З.К. Новые направления социальной лингвистики.
Учебное пособие. – Алматы, 2011 – 120 с.

Учебное пособие посвящено таким новым направлениям социолингвистики, как исследование витальности языка, языковая ситуация, языковое планирование, социальная идентичность (этническая, гендерная, возрастная идентичность), и ее отражение в языке и коммуникации, коммуникативное поведение, билингвизм и интерференция.

Учебное пособие предназначено для студентов, магистрантов и может быть использовано при чтении курсов по социолингвистике, теории коммуникации, гендерологии.

От автора

Традиционно объектом социальной лингвистики выступала проблематика взаимоотношений языка и общества, в русле которой разрабатывались такие вопросы, как влияние на развитие языка социальной системы общества, влияние на развитие языка демографических изменений общества, влияние на язык уровня развития материальной и духовной культуры общества.

Лишь в последнее время начинают актуализироваться вопросы, связанные с проблемой «язык и личность», «язык и государство», по которым имеются отдельные исследования.

К сожалению, в имеющихся учебниках и учебных пособиях по общему языкознанию, социолингвистике эта проблематика не получила достаточного освещения. В учебное пособие нами включены несколько тем, которые, по нашему мнению, отражают определенные изменения в ракурсе лингвистических исследований нашего времени.

Мы сочли необходимым при подаче информации использовать и материал исследований казахстанских ученых, поскольку именно в казахстанской социолингвистической науке вопросы, связанные с проблематикой «язык и государство», «язык и личность», «язык и этнос» активно исследуются на конкретном фактическом материале с позиций современной языковой политики Республики Казахстан и отражают динамику трансформации языковой жизни нашей страны.

Учебное пособие подготовлено в лаборатории «Язык. Культура. Коммуникация» при филологическом факультете Университета имени Сулеймана Демиреля.

Витальность языка и языковое взаимодействие.

Одним из наиболее значимых понятий социолингвистики в сфере взаимоотношений языка и общества является понятие витальности, т.е. жизнеспособности языка, актуальность которого усиливается в настоящее время.

Исследователь корейского диалекта юкчин, последние носители которого проживают в Казахстане, Н.С.Пак характеризует общую языковую ситуацию в мире следующим образом: «В настоящее время в мире насчитывается, согласно большинству справочников, опубликованных в 80-90-х годах, от 6.000 до 7.000 языков. Цифры последнего десятилетия колеблются от 3.000 до 10.000 [Комри 1998, 13-14; Леман 1996, 181]. Причины столь большого расхождения заключаются, во-первых, в отсутствии ясных критериев разграничения языка и диалекта, вследствие чего увеличивается количество языков. С другой стороны, благодаря предпринятым в последнее время срочным мерам выявлены многие ранее неизвестные языки. Следует учесть еще и то обстоятельство, что политические границы государств не совпадают с этническими, и миноритарные языки, т.е. языки малочисленных народов, отодвигаются под давлением государственных и официальных языков на второй план. И хотя это давление часто не носит законодательного характера, функциональная нагрузка миноритарных языков сохраняется обычно только на уровне семейного общения. Этим явлениям способствуют также процессы глобализации, связанные не только с экономической и культурной экспансией, но и с языковой.

Сегодня на 8 языках мира: китайском, испанском, английском, бенгальском, хинди, португальском, русском, японском говорят около 2,4 миллиарда человек, т.е. в среднем на каждом языке – более 100 млн человек. Половина человечества на земном шаре – 3,2 млрд. человек – говорит на 20 самых распространенных языках мира, что составляет 96 процентов всех языков. Другая половина населения земного шара говорит всего на 4 процентах оставшихся языков. На четверти языков мира говорят менее чем по 1 тыс. человек, на половине языков мира – менее чем по 10 тыс. человек: на 500 языках – менее чем по 100 человек, на 1.500 языках – по 1.000 человек, на 3.340 языках – менее чем по 10.000 человек [Кристал 2002, 14-15].

Приведенные данные убеждают нас в том, что тревога лингвистов относительно подятой проблемы имеет свои основания. Предполагается также, что через 100 лет 90 процентов языков мира либо совершенно исчезнут, либо будут находиться на грани исчезновения».

Автор в емкой форме особо подчеркивает роль языка и языков как в становлении отдельного этноса, так и в развитии всего человечества: «Язык отражает историю этноса. Язык – хранилище истории народа, ее архив. ... Народ общается со своим прошлым через язык. Если исчезает язык, то

исчезает связь с прошлым. ...Язык отражает накопленный человечеством общественный опыт. Почти все научные и практические знания хранятся и передаются от поколения к поколению в языковой форме, поэтому каждый член общества использует язык для овладения этими знаниями. Посредством языков создается общая копилка человеческих знаний. Только все вместе они [языки – З.А.] отражают по закону дополнительности наиболее полно окружающий мир, человеческое общество, живую и неживую природу. Именно поэтому исчезновение языков представляет собой более серьезную опасность, чем вымирание животных или растений.

Язык есть средство идентификации этноса, его первичный признак. Отражая миропонимание, мироощущение предшествующих поколений, язык становится средством самовыражения этноса.

Язык не только элемент культуры, он есть базис, основа культуры. Люди наследуют культуру через язык и языковая смерть влечет за собой исчезновение культуры», – отмечает ученый.

Еще более ярко роль языка в жизни этноса характеризует молодой ученый-казаховед А.Әмірбекова: «... эр тіл - өз бойында ұлт тарихын, төл мәдениетін, таным мен талғамын, мінезі мен санасын, кәсібі мен салтын, дәстүрі мен даналығын тұтастықта сақтаған таңбалық жүйе. Осындай мазмұнды құрылымына сәйкес, ол – жай таңбалық жүйе емес, мәдениет». Эта же мысль рефреном звучит во многих исследованиях, посвященных проблематике языка и этноса. Так, З.К.Тарланов пишет «Язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых людей, в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающей в себе исторически складывающийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектическом противоречии»

Анализируя проблему вымирания корейского диалекта юкчин. Н.С.Пак указывает на следующие условия, ведущие к вымиранию языков:

1. Положение языка в обществе (непрестижный язык). Одной из основных причин вымирания языков является игнорирование языками, считающимися непрестижными. Это относится, как правило, к миноритарным языкам, когда наряду с ними функционирует язык или языки более престижные, с высоким социальным и политическим статусом. К их числу относится и диалект юкчин.

2. Отсутствие письменной традиции. Письменная традиция позволяет не только передавать речевую информацию на расстоянии, но и закреплять во времени, т.е. передавать от одного поколения к другому. Именно мастера слова в художественных текстах на данном языке способствуют сохранению и развитию любого языка. Что касается диалекта

юкчин, то при наличии многовековой традиции корейского письма отсутствует традиция фиксации диалектной речи.

3. Ограниченная сфера функционирования (не преподается в школе, не используется в СМИ (печать, радио, телевидение)). Функционирование – один из признаков, по которому дифференцируются язык и диалект. Диалект, как известно, функционально ограничен. Однако подобное ограничение диалекта в миграции как миноритарного языка имеет более серьезные последствия, оно приводит к его угасанию. Дело в том, что язык и диалект находятся в отношении взаимодополнительности, они взаимовлияют и взаимоподдерживают друг друга, а миноритарный диалект лишен поддержки со стороны литературного языка. В этой ситуации находится диалект юкчин.

4. Не передается младшему поколению. Утрата родного языка неизбежна, если он не передается от поколения к поколению. Язык находится на начальной стадии разрушения, если первое поколение не может общаться с третьим поколением на родном языке, т.е. если дедушки и бабушки не могут говорить с внуками на родном языке. Данная ситуация характерна для большинства семей корейской диаспоры Казахстана. [4]

Жизнеспособность, устойчивость языка к выживанию и развитию, именуемая в современной социолингвистике термином *витальность языка*, измеряется рядом параметров как объективного, так и субъективного характера. Отметим, что основной научно-понятийный аппарат современной социолингвистической науки хорошо разработан казахстанской социолингвистической школой во главе с Э.Д. Сулейменовой и представлен в «Словаре социолингвистических терминов» (авторы Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, Д.Х. Аканова), неоднократное переиздание которого свидетельствует как о высоком качестве словаря, так и востребованности социолингвистических знаний в современном обществе.

В указанном словаре термин и понятие *витальность языка* занимает ключевую позицию и вместе с рядом связанных с витальностью языка других понятий, таких, как *возрождение языка, вытеснение языка, исчезающий язык, мертвый язык, миноритарный язык, смена языка, смерть языка, потеря языка, умирающий язык, утрата языка*, составляет особый проблемный блок «сохранение и смерть языка». В нашей работе мы неоднократно будем пользоваться материалом данного словаря.

Итак, авторы словаря выделяют следующие параметры витальности языка:

Витальность языка (от лат. *vitalis* жизненный) каз. *тілдің өміршеңдігі*, англ. *vitality* – жизнеспособность (жизненность), выживаемость, устойчивость, способность языка к выживанию и развитию. *Витальность языка* измеряется совокупностью объективных и субъективных параметров: 1. **Социально-политические параметры**, в том числе проведение целенаправленной Языковой политики в области Статусного планирования языка и Корпусного планирования языка, наличие действенных

Государственных программ поддержки и развития языка, развитие социальной инфраструктуры полноценного функционирования языка (образовательные учреждения, органы печати, радиосеть, телекомпании и телепрограммы, книгоиздание и т.п.) и др. 2. **Социально-демографические параметры**, в том числе количество носителей данного языка по отношению к другим языковым коллективам в пределах государства, количество носителей данного языка по отношению к общей численности данной *Этнической группы*, количество носителей данного языка (как Родного языка) среди младшего поколения, соотношение количества Билингвов и Монолингвов (носителей данного языка), степень *Двуязычия* среди носителей данного языка и др. 3. **Собственно лингвистические параметры**, в том числе наличие *Литературного языка*, степень разработки и стабильности языковой *Нормы* как совокупности наиболее унифицированных, устойчивых и обязательных реализаций, внутривидовые параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, наличие отраслевых терминологий, динамика развития лексикона и др.), наличие *Диалектов* и их отношение к литературному языку и др. 4. **Социально-функциональные параметры**, которые измеряются количеством социальных *Функций* языка и интенсивностью его использования в наиболее важных сферах жизни общества, в первую очередь, в образовании (основной сфере формирования *Языковой компетенции*), науке (гуманитарной и естественно-технической), *Средствах массовой информации*, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, промышленных предприятиях и других сферах производства. 5. **Национально-культурные параметры**, в том числе национальное искусство, театр, кино, религия, различные виды литературы (художественной, лексикографической, религиозной, деловой, учебной, терминологической и пр.), традиционные промыслы и др.

Проблема жизнеспособности, выживаемости языков в последнее десятилетие все больше занимает и казаховедов. Так, в журнале "Известия НАН РК" (серия филологическая, 2009. №4 – с. 15-19) Н.Уалиев и А.Фазылжанова прямо пишут о том, что опасность стать миноритарным языком в своем отечестве, на своей исконной земле в большой степени грозит и казахскому языку [1].

Человеку, недостаточно знающему языковую ситуацию в Казахстане, данное утверждение может показаться безосновательным, поскольку казахский язык имеет статус государственного языка, принята Государственная программа развития казахского языка, время от времени проходят конференции, на которых на слушателей выливается весь спектр эмоций: от резко отрицательно – пессимистических до откровенно бравурно-оптимистических. И в этом хоре голосов не услышанными остаются ученые – лингвисты, которые давно говорят о том, что, во-первых, Государственная программа развития казахского языка нуждается в серьезной коррекции; во-вторых, только статусным планированием нельзя решить проблему

государственного языка (Э.Д.Сулейменова), статусное планирование должно подкрепляться корпусным планированием, которое, в свою очередь, может быть реализовано как путем крупных финансовых затрат со стороны государства, так и сознательными усилиями лингвистов, педагогов, журналистов и т.д; в-третьих, проблема казахского языка в настоящий период состоит не в простом его сохранении, а в придании ему динамики мощного развития, с тем, чтобы он, отвечая запросам современной жизни, мог полноценно выполнять все функции не только государственного и национального языка, но и стать фактором консолидации казахстанского общества в единое целое. Э.Д.Сулейменова, выделяя три периода в общественной оценке языкового планирования в РК, приводит ряд аргументов в пользу оценки осуществляемого в Казахстане языкового планирования как эффективного. Ученый отмечает, что настоящий период характеризуется пониманием того, что «никакие изменения в функционировании языков не декретируются, не происходят сами собой и в строго указанные сроки, а инерционность языковых процессов – это объективный фактор, который следует обязательно учитывать при языковом планировании» [2, с. 6].

Соглашаясь в целом с позитивной оценкой реализуемой в стране языковой политики, что особенно отчетливо чувствуется в сравнении современной языковой ситуации с исходной ситуацией, наблюдавшейся в период до получения Казахстаном независимости, мы считаем, что настало время для некоторой корректировки корпусного планирования в соответствии с новыми реалиями жизни и, прежде всего, с проблемой витальности казахского языка.

Остановимся на каждой группе параметров, влияющих на витальность языка.

1. Социально-политические параметры. Статус казахского языка законодательно определен, принят ряд законодательных актов, предусматривающих развитие и совершенствование социальной инфраструктуры функционирования языка. Э.Д.Сулейменова следующим образом характеризует меры, принятые для соответствия государственного языка объявленному статусу: повсеместное открытие казахских дошкольных учреждений и школ; казахский язык становится обязательным предметом в школах с русским языком обучения; на многих факультетах открываются казахские отделения; на страницах республиканских газет и журналов широко обсуждаются вопросы функционирования и культуры казахского языка; открыто объявляется требование о знании казахского языка при приеме на государственную службу; возникает острый интерес к работе Государственного терминологического комитета и Ономаσιологической комиссии; издаются академические грамматики и словари разных типов; открываются курсы и вводится изучение казахского языка во всех вузах; усиливается издательская деятельность по подготовке словарей, учебников казахского языка и на казахском языке,

энциклопедической, детской, научно-популярной и иной литературы на казахском языке; объявляется паритетность (50 % на казахском языке и 50 % на русском языке) эфирного времени на радио и телевидении; делопроизводство постепенно переводится на казахский язык и т.д. [2, С. 4-5].

Однако все вышеперечисленные меры оказались недостаточно эффективными и не достигли основной цели: сформировать мотивацию к овладению казахским языком и создать языковую среду. Назрела необходимость коррекции функционирования государственного языка в системе образования, поскольку введение курса практического казахского языка в русскоязычные школы и вузы дает поверхностное знание разговорно-бытового языка, которое используется только в рамках учебной аудитории, но не мотивирует использование казахского языка в других сферах.

1) В связи с этим мы вносим предложение: в учебных заведениях, где преподавание ведется не на государственном языке, ввести преподавание одного-двух предметов общественно-гуманитарного цикла на казахском языке, что нацелено: а) на расширение границ общения на казахском языке и формирование навыков и умений общения на основе знаний, полученных в курсе практического казахского языка; б) на расширение объема лексикона, активно используемого в казахскоязычной коммуникации.

2) Объявленная паритетность эфирного и телевизионного времени соблюдается чисто формально. Как отмечают Н.Уалиев и А.Фазылжанова, выделенное для телевидения на казахском языке время заполняется концертными программами и сериалами, дублированными на казахский язык, малосодержательными и низкоэстетичными, пропагандирующими несовместимые с нашими национальными духовными ценностями идеалы типа эгоизм, индивидуализм, потребительское отношение ко всему, жестокость, насилие [1, 16с.].

В связи с этим мы поддерживаем предложение Н.Уалиева и А.Фазылжановой о необходимости создания телеканала, полностью функционирующего на казахском языке и специализированного на программах научно-познавательной, общественно-политической и историко-культурной проблематики. Эти программы не должны быть переводными.

3) Э.Д.Сулейменова подчеркивает, что одним из основных объектов языковой политики и языкового планирования должно стать подрастающее поколение, а эффективным средством получения информации являются СМИ. В связи с этим мы поддерживаем предложение Н.Уалиева и А.Фазылжановой о создании особого детского телеканала на казахском языке, на котором осуществлялось бы патриотическое, морально-нравственное воспитание, велись программы учебно-познавательного характера, для каждого возраста были интересные программы.

3) При этом особое внимание должно быть уделено созданию мультфильмов на казахском языке на основе как фольклорных мотивов казахской культуры, так и реалий современной жизни, в которых в

интересно-игровой форме и в то же время ненавязчиво доводилась до сознания детей информация об основных духовных ценностях казахского народа.

4) Одним из мощных средств как получения информации о чем-либо, так и возможности распространения информации о себе, круглосуточной и бесперебойной связи, не имеющей границ, является Интернет. В этой связи мы считаем крайне актуальной и значимой проблему активного вхождения казахского языка в систему Интернет. Нужны самые разнообразные по тематике, оформлению и направленности сайты на казахском языке: по истории и культуре, по каждому конкретному историческому периоду и событию, по выдающимся деятелям казахского народа, по географии, флоре и фауне каждого региона Казахстана, по крупным художественным произведениям, по фольклору и др.

Причем здесь главную роль должны играть государственные учреждения. Они должны выступать и в качестве заказчиков, финансируя данные проекты.

II. Социально-демографические параметры связаны не только с чисто количественно-демографическими параметрами, но и их характеристиками в языковом отношении. Проводимая политика РК по привлечению казахов из ближнего и дальнего зарубежья приносит свои плоды, увеличивается число носителей казахского языка, хорошо владеющих родным языком.

Принятые меры по охране материнства, материальной и моральной поддержке многодетных семей означают возрастание внимания государства к проблеме рождаемости. Здесь требуют особого внимания со стороны государства следующие проблемы.

1. Для увеличения количества носителей государственного языка как родного среди младшего поколения следует увеличить количество казахоязычных дошкольных учреждений, с тем чтобы система родного языка (лексика, грамматика - наиболее частотные и простые формы, простейшие формы коммуникации) была сформирована в первую очередь. Введение русского и английского языков должно осуществляться во вторую очередь. Возрастной ценз для введения указанных языков в систему обучения младшего поколения должен быть согласован со специалистами по детской психологии, по методике обучения иностранным языкам (10-11 лет).

Обучение второму-третьему языкам ни в коей мере не должно затруднять либо препятствовать формированию и развитию навыков общения на родном языке и получению полноценного национально-культурного воспитания на родном языке.

2. В отличие от ряда других стран (США, Франция, Великобритания, Россия) население Казахстана в языковом отношении характеризуется массовым двуязычием. Рассматривая билингвизм как возможность получения информации по двум каналам и дополнительное средство коммуникации, мы тем не менее должны четко представлять и негативные последствия массового билингвизма.

В настоящее время сформированы и наблюдаются на территории РК следующие типы двуязычия: **массовое** казахско-русское, национально-русское двуязычие, т.е. знание и использование двух языков большинством этноса, **естественное** казахско-русское двуязычие, при котором знание и использование двух языков является следствием непосредственного взаимодействия носителей этих языков.

В Казахстане очень широко представлено **смешанное** двуязычие, когда элементы двух языков выступают в единой речевой горизонтали во взаимодействии друг с другом, например, лексемы одного языка вкрапляются в предложение на втором языке. **Координативное** двуязычие встречается намного реже, когда в одной коммуникативной ситуации человек говорит на одном языке, в другой коммуникативной ситуации – на втором языке, системы обоих языков сформированы в сознании человека как бы автономно. При **субординативном** двуязычии система одного языка выступает как доминанта.

Двуязычие, сформированное в советский период и продолжающее по инерции функционировать в настоящий период – это **замещающее двуязычие**, когда билингв по мере овладения вторым языком теряет языковую компетенцию в первом. При **дополнительном двуязычии** билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом языке.

В связи с вышесказанным, для усиления витальности казахского языка следует предпринять меры для:

- а) формирования русско-казахского и инонационально-казахского массового двуязычия;
- б) формирования координативного и субординативного двуязычия (с доминантой казахского языка у носителей казахского языка и культуры, с доминантой родного языка у инонациональных казахстанцев);
- в) принять меры к тому, чтобы наблюдаемое в настоящее время замещающее двуязычие, при котором билингв по мере овладения вторым языком теряет языковую компетенцию в первом языке, постепенно сменилось дополнительным **двуязычием**, когда билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом языке;
- г) интенсифицировать работу по углублению языковой, культурной и коммуникативной компетенций казахов, характеризующихся частичной языковой и коммуникативной компетенцией на родном языке.

III. Собственно лингвистические параметры:

Наличие современного казахского литературного языка, структурно-семантические и функционально-семантические аспекты которого получили достаточно глубокую разработку (10-томный толковый словарь казахского языка, 15-томный толковый словарь; Академическая грамматика казахского языка. – Астана, 2002г. Функциональная грамматика казахского литературного языка в двух томах; наличие терминологических словарей по многим отраслям знания, наличие фразеологических, орфографических,

орфоэпических словарей свидетельствуют о достаточно прочных позициях казахского языка в сфере лингвистики.

Недостаточность информации о грамматическом строе, словарном богатстве, образных средствах казахского языка иногда дают почву для "муслирования суждений о том, что казахский язык якобы не готов выполнять предназначенную ему роль государственного языка" [2, с.5].

Хороший ответ на эти слухи содержится в словарной статье "Возрождение языка", "Словаря социолингвистических терминов".

"Расхожее утверждение о том что какой-либо язык не способен выступать в качестве языка общественно-политической жизни, науки, техники, искусства и проч., поскольку он не обладает достаточным словарем и грамматической структурой. Т. Скутнабб-Кангас относит к "лингвистическим предрассудкам": **не внутренняя структура языка определяет ее функциональные возможности, а наоборот, расширение функций влияет на расширение и усложнение языковой структуры.** [выделено нами – З.А.]Причем, как показывает опыт целого ряда бывших колоний и вновь образовавшихся стран, как только какой-либо язык начинает функционировать в сферах, в которых он ранее не функционировал, в нем очень быстро появляются новые необходимые для этой сферы слова, усложняется грамматический строй" [3, с.41-42]. По данным «Библиографического указателя литературы по терминологии» Ш. Курманбайулы (Астана, 2008), до настоящего времени создано и опубликовано свыше 270 терминологических словарей по 80 отраслям знания и сфер производства [4].

Однако, чисто количественные показатели не должны нас успокаивать.

Во-первых, терминосистемы на казахском языке по ряду сфер знания и производства находятся на стадии формирования и вне зоны внимания как со стороны специалистов, так и со стороны лингвистов-терминологов. Доказательством служит отсутствие либо малое количество (1-2 небольших по объему) словарей по таким отраслям, как культура, искусство, компьютерная отрасль, психология, таможенное дело, педагогика, банковское дело, социология, радиотехника, связь, энергетика, авиация, архитектура и т.д.

Во-вторых, большинство терминологических словарей не соответствуют требованиям современной лексикографической науки, ограничиваясь лишь приведением казахских эквивалентов к русским терминам.

В-третьих, по охвату всей терминосистемы конкретной сферы имеющиеся словари не выдерживают критики.

В-четвертых, создается ощущение, что наблюдаемый в настоящее время «терминологический бум» выходит из-под контроля Терминкома, который ослабил свою работу, в результате чего в употребление входят термины, не соответствующие параметрам точности, однозначности, отсутствия ненужных ассоциативных связей и т.д.

И, наконец, необходимо указать на малые тиражи выпускаемых терминологических словарей, вследствие чего через полгода-год эти словари переходят в разряд остродефицитных.

Следует особо подчеркнуть такие параметры, как **большая скорость распространения языковых инноваций** (неологемы, неологизмы, изменения в коммуникативном поведении и др.), **наблюдаемый терминологический бум**, связанный, во-первых, с необходимостью именования новых явлений и понятий в разных отраслях знания, во-вторых, с сознательным желанием переименования научных понятий исконно казахскими лексемами; **значительную устойчивость казахского языка к иноязычному влиянию** (заимствование, калькирование), что связано с психологической установкой общества на сохранение чистоты казахского языка; **высокая скорость пополнения лексикона** казахского языка, это можно проиллюстрировать тем фактом, что 10-томным толковым словарем казахского языка было охвачено 67.000 лексем и 30.000 словосочетаний. Большой 15-томный словарь охватывает 93.000 лексем и \approx 60.000 словосочетаний.

Тем не менее, требует решения ряд таких насущных проблем, как

а) разработка норм орфографии, орфоэпии, синтаксиса, стиля с учетом инноваций и изменений, происшедших за последние 15-20 лет в казахском языке;

б) изучение функционирования языка в разных дискурсах: научном, политическом, дипломатическом, туристическом, компьютерном, рекламном, художественном, религиозном, спортивном, деловом и т.д.

Исследования подобного рода нацелены на выявление функциональных характеристик казахского языка как средства коммуникации в соотнесенности с конкретными типами коммуникативных ситуаций. В практическом отношении ценность таких работ состоит в возможности использования их результатов в практике обучения в сфере профессионального общения.

Кроме того, следует учесть, что современный казахский язык в статусе государственного языка значительно расширил спектр функциональных возможностей, что естественно повлекло и изменения в лексике, грамматике, интонации. И это тоже необходимо изучать;

в) изучение семантико-прагматического аспекта казахского языка. Одной из важных функций любого языка является функция воздействия на коммуниканта, которая может быть реализована через отбор языковых средств в соответствии с целеустановкой коммуниканта. Результаты указанных исследований необходимо учитывать в практике обучения казахскому языку, с тем чтобы коммуникация на казахском языке была эффективной;

г) и, наконец, как подчеркивают авторы «Словаря социолингвистических терминов», крайне необходимо создание корпуса казахской терминологической лексики [3, с.113]. Для этого, на наш взгляд,

Минтерминком, во-первых, должен быть преобразован в самостоятельное, независимое учреждение, а его функции должны быть расширены: не только утверждение терминов, а прежде всего организация и координация работы по подбору терминов, составлению терминологических словарей, участие в которых в обязательном порядке должны принимать профессионалы-специалисты данной конкретной сферы и лингвисты-терминологи. Во-вторых, в научный обиход, в использование должны вводиться только утвержденные Минтерминком термины. В настоящее время мы наблюдаем составление и публикацию словарей, которые являются плодом измышлений одного автора. Мы должны четко представлять, что терминологический словарь – не художественный текст, где многое зависит от воображения и знания языка автором, тут нужен профессиональный подход.

IV Социально-функциональные параметры. В данной группе параметров мы хотели бы остановиться на четырех сферах: управление, СМИ, наука, образование, которые, на наш взгляд, в совокупности определяют динамику развития языка.

Наблюдение и анализ документации как внутриведомственной, так и межведомственной, по вертикали и по горизонтали, свидетельствуют о том, что функционирование казахского языка в сфере управления ограничено. Во многих случаях учреждения осуществляют перевод на казахский язык первоначально составленных на русском языке документов. Кроме того, особую тревогу вызывает тот факт, что казахский язык не стал рабочим языком управленческих структур, который должен использоваться при проведении собраний, совещаний, советов, при обмене мнениями. И, наконец, вызывает сожаление сознательное или бессознательное игнорирование казахского языка в сфере дипломатических контактов. Для дипломатов государственный язык – это один из символов государственности независимого Казахстана и использование русского, английского или французского языков вместо казахского на официальных встречах, переговорах мы считаем недопустимым. Во время неофициального общения дипломат может проиллюстрировать свое знание иностранных языков, а при официальном общении он выступает как представитель РК и, соответственно, обязан использовать казахский язык.

Значимость функционирования казахского языка в сфере управления очень высока, поскольку определенная часть взрослого населения задействована в этой сфере и оказывает влияние на большинство казахстанцев.

Сфера СМИ по своей воздействующей на казахстанцев функции находится на одном из первых мест. СМИ, особенно телевидение создает свое коммуникативное пространство. Поэтому активное введение казахского языка в СМИ – это настоятельная потребность, без этого мы не можем говорить о языковой среде.

Особо следует обратить внимание на качество передач на казахском языке как в плане содержания, так и в плане языка. Нужны регулярные лингвистические экспертизы языка газеты, телевидения, радио на соответствие их нормам современного литературного языка, на предмет препятствия иноязычному влиянию, пополнению лексикона за счет внутренних ресурсов казахского языка и т.д. Нужны регулярные экспертизы теле -, радиопередач и газет на предмет содержательной направленности и качества программ. На наш взгляд, увеличилось количество чисто развлекательных бездумных программ, рекламных клипов, которые направлены на восприятие жизни как удовольствия, развлечения, на формирование потребительского общества, что идет вразрез с духовными ценностями казахского народа. Справедливости ради следует отметить и интересные передачи: «Атамекен», «Біз айтсақ», «Сиқырлы әріптер» канала «Хабар», «XXI ғасырдың көшбасшысы» в канале «Ел арна», которые активно формируют, воспитывают сознание молодых казахстанцев.

Относительно казахского языка в системе образования РК хотели бы высказать одно замечание. В последнее время наблюдается некоторая тенденция к ограничению функционирования казахского языка даже в казахоязычных школах, где отдельные предметы ведутся на русском, английском языках, что, естественно сужает функциональную мощност казахского языка.

Увеличивается количество школ с английским языком обучения, начиная с 1 класса. Мы считаем, что выпускники подобных школ, возможно, и будут знать и говорить хорошо на английском языке, но языковая и коммуникативная компетенция на родном казахском языке будет недостаточной, так же, как и культурная компетенция.

А ведь одним из параметров, определяющих витальность любого языка являются демографическая мощност языка, определяемая числом лиц, владеющих данным языком, а не количеством лиц, входящих в этническую группу [5, с. 36].

При слабой витальности языка начинается процесс аккультурации. Термин *аккультурация* в словаре социолингвистических терминов под ред. Э.Д. Сулейменовой определяется как. 1) Взаимное уподобление и приспособление различных культур и их фрагментов при возможном доминировании культуры более развитого в общественном отношении народа; 2) процесс усвоения личностью, сформировавшейся в одной культуре, элементов другой культуры, том числе, прецедентных текстов, стереотипов речевого поведения и др. Аккультурация имеет особое значение при изучении иностранных языков [с. 17-18]

В рамках межкультурной коммуникации аккультурация рассматривается как особая форма социального взаимодействия, в ходе которого коммуниканты адаптируются к новой культуре и усваивают ее путем формирования вторичного языкового сознания, овладения вторым языком и

другой культурой. Разные исследователи выделяют разные стадии аккультурации. Н.Броух и В.Дуглас выделяют четыре стадии аккультурации:

1. Стадия возбуждения и эйфории от нового культурного окружения;
2. Стадия культурного шока вследствие понимания личностью различия между своей и чужой культурами, что приводит к возникновению чувства незащищенности;
3. Стадия культурного стресса, на этой стадии личность начинает вникать и понимать различия в мышлении и чувственной сфере, более терпимо относиться к людям другой культуры. Иначе говоря, намечается выход из кризиса;
4. Стадия адаптации либо ассимиляции, принятия новой культуры, обретение уверенности в самом себе, осознание себя как новой личности, развивающейся в этой культуре.

Т.Г. Грушевицкая, В.Д.Попков, А.П.Садохин выделяют четыре типа аккультурации: 1. ассимиляция, когда человек полностью принимает нормы и ценности иной культуры, отказываясь от норм и ценностей своей культуры;

2. сепарация, когда человек сохраняет свою культуру, полностью отрицая чужую;
3. маргинализация (человек теряет идентичность с собственной культурой, но в то же время не приобретает идентичности с новой культурой);
4. интеграция, при которой человек идентифицирует себя как с собственной, так и новой культурами.

Указанные выше этапы и типы аккультурации выделяют относительно к социумам, находящимся длительное время в тесном контакте. Когда же речь идет о межкультурном взаимодействии отдельных коммуникантов, вынужденных в силу различных причин (учеба, работа, служебные командировки и др.), находиться в инокультурной и иноязыковой среде определенное время и для которых на первом месте стоит проблема успешности коммуникативного акта, то, целесообразно, вслед за К.М.Абишевой, рассматривать аккультурацию как форму такого адаптационного взаимодействия коммуникантов, когда коммуниканты признают различия между культурами (своей и коммуниканта) и понимают необходимость адаптации к иной культуре для успешности коммуникативного акта.

Процесс аккультурации на начальном этапе обычно сопровождается культурным шоком. Терминосочетание *культурный шок* в словаре социолингвистических терминов под ред Э.Д.Сулейменовой [с. 163] дефинируется как острое психическое состояние, которое человек переживает в процессе аккультурации. Культурный шок может вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции и физические ощущения [с. 163]

К.М. Абишева также рассматривает культурный шок как особое психологическое состояние, но более детально характеризует это

психологическое состояние, в развитии которого можно выделить несколько фаз, иллюстрирующих переход от тревожного состояния стресса до понимания другой культуры и языка. [с. 189]. На первой фазе культурного шока другая культура воспринимается сквозь призму собственной культуры, представляется чужой, враждебной, в результате проявляется либо этноцентризм (защита своей культуры и отторжение чужой), либо открытый конфликт вследствие непонимания стандартов иной культуры, иного языка.

В процессе развития культурного шока коммуниканты могут испытывать не только стресс, тревогу и недоумение, но и положительные эмоции, когда, преодолев культурный шок, личность становится толерантной к другой культуре и языку, он начинает понимать другую культуру. При этом коммуникант признает культурные различия в поведении, в культурных ценностях, проявляет терпимость к иной культуре.

С проблемой витальности языков тесно связана проблема языковой экспансии, ибо если язык имеет слабую витальность, то всегда существует угроза вытеснения другим языком. В «Словаре социолингвистических терминов» под ред. Э.Д.Сулейменовой *языковая экспансия* толкуется как распространение одного языка путем изменения Статуса языка на иную языковую общность [с. 292]. Языковая экспансия – вытеснение на исконной территории авхотонных языков и распространение пришлого языка – осуществляется параллельно с культурной экспансией. « Культурная экспансия представляет собой расширение сферы влияния доминирующей (национальной) культуры за первоначальные пределы или государственные границы». Основными факторами, приводящими к языковой экспансии, О.Б.Ткаченко называет следующие:

1. количественное отношение смешивающихся народов;
2. временная протяженность и интенсивность взаимного соприкосновения и проникновения;
3. военное и политическое превосходство одного из народов;
4. культурное превосходство одного из народов;
5. социальное положение лиц, относящихся к смешивающимся группам и народам;
6. факторы, касающиеся религии;
7. психические особенности смешивающихся народов;
8. географические и транспортно-технические факторы;
9. структура сталкивающихся языков. [с. 18]

Не всякий язык способен на языковую экспансию. Это возможно для языков широкой категории, которые выполняют функции национального – межнационального – интернационального общения. Языки широкой категории (это в основном мировые языки) служат не только средством внутреннего общения, но и выполняют наднациональные функции – специфические, комплементарные функции, которые реализуются в ситуациях, связанных с международным и глобальным взаимодействием людей и социумов, с развитием высоких технологий и интенсификацией

информационно-коммуникационных процессов, пространственной распространенности В.Т.Костомаров указывает на следующие комплементарные функции мировых языков (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский):

1. функцию активного переводчика и посредника в распространении знаний, добытых в разных странах и на разных языках;
2. функцию языка обслуживания средств международной коммуникации и информации;
3. функцию языка общения глобального взаимодействия людей;
4. функцию языка, хранящего большие массивы информации.

К.М.Абишева добавляет еще две функции мирового языка: 1) аккультуративную и 2) субинструментальную, аргументируя это тем, что мировые языки используются и как язык общения, и как язык обучения, почему обладают достаточной педагогической оснащенностью, а также такими качествами языка, которые ориентированы на выполнение функций внешнекультурной коммуникации, а именно: характеризуются общей семантической базой со многими языками и межпереводимостью. В результате К.М.Абишева выделяет следующие комплементарные и специфические функции мирового языка:

- 1) функция глобальной включенности;
- 2) субинструментальная функция;
- 3) супераккумулятивная функция;
- 4) функция языка международной массовой коммуникации;
- 5) функция языка переводов в глобальном масштабе;
- 6) аккультуративная функция.

К.М.Абишева, анализируя с позиции выделенных ею шести специфических функций английский и русский языки, делает следующие выводы.

Оба эти языка выполняют как функции языка внутрикультурной коммуникации, так и внешнекультурной коммуникации. Выступая в пределах своего этнического сообщества как национальные языки, они с течением времени становятся языками, выполняющими функции языка внешнекультурной коммуникации, так как выполняют широкий объем комплементарных функций в рамках другого этнического сообщества, государства, обслуживая их языковые потребности и обладая свойством коллективной и индивидуальной включенности в условиях межкультурной коммуникации в иной социум.

Специфичность общественных функций данных языков проявляется, во-первых, в их способности обслуживать нужды средств массовой коммуникации и информации на международном уровне; во-вторых, они выполняют функцию активного переводчика (устный перевод, синхронный перевод) на различных симпозиумах, форумах, кулуарах, конференциях и др. в-третьих, это официальные и рабочие языки ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций, в-четвертых, они выполняют функцию

глобальной включенности в другие этнические сообщества, используя в качестве вторичного языка. В этом случае русский и английский языки являются компонентами аккультурационного типа двуязычия, при помощи которого билингвы интегрируются в иное лингво-культурное сообщество. Именно этот тип двуязычия, по мнению К.Р.Минасовой, способствует «врастанию» этнических меньшинств в доминирующую культуру. В-пятых, русский и английский языки реализуют макроаккумулятивную функцию, накапливая в своем словарном составе массивы общественно-политической, научно-технической терминологии, новую информацию. В-шестых, русский и английский языки выполняют субинструментальную функцию, выступая в качестве языка обучения, так как обладают культурным изоморфизмом и языковой адаптабельностью, что выражается в наличии в этих языках большого количества поликультурных слов, имеющих понятийно-семантическую общность со многими словами других языков, их понимаемости и «межпереводимости»; в-седьмых, эти языки выполняют аккультуративную функцию, так как предназначены обслуживать чужую культуру и выполнять внешнекультурные функции» [с. 198-199].

Однако не все мировые языки равны по своей экспансионистской мощи. Так, английский в этом ряду стоит на первом месте. Экспансионизм английского языка Б.Кагрю объясняет с позиции трех концентрических колец. Б.Кагрю выделяет три круга распространения английского языка: 1) внутренний круг (the inner circle), в который входит США, Великобритания, Ирландия, Канада, Австралия и Новая Зеландия, для которых английский язык является родным; 2) средний круг (the outer of) охватывает страны (Сингапур, Индия, Малави + 50 стран), где английский язык имеет статус официального языка; 3) внешний круг (the expanding circle), все более расширяющийся, охватывает государства, где английский язык выступает языком международного общения, где английский язык признается основным иностранным языком, изучаемым в образовательных учреждениях. Это Китай, Япония, Греция, Польша, Россия, Казахстан и др.

Концепцию языкового империализма выдвигает Р.Филипсон, который объясняет экспансию английского языка социально-экономическими и политическими факторами, продвижением национальных интересов самых мощных англоязычных стран – США и Великобритании. [Phillipson с-10].

Языковая экспансия осуществляется параллельно с культурной, что означает доминирующее влияние в современном мире той или иной культуры, в частности, англоязычной, американской. Культурная экспансия осуществляется через средства массовой информации, кино и видеопродукцию, рекламу, молодежную культуру, популярную музыку, через целенаправленное воздействие в области образования.

По мнению Б.С.Ерасова, в результате культурной экспансии меняется не только экономическая модель потребления, но и перестраивается система ценностных ориентаций, создается массовая культура, ведущая к

идеализации чужого образа жизни, идеологии, мировоззрения, искусства, в конечном итоге все это ведет к возникновению чувства неполноценности по отношению к своей культуре [с. 433-434].

К.М.Абишева отмечает, что культурно-языковая экспансия английского языка ведет к проникновению культурных черт и комплексов слов, грамматических элементов из одного языка в другой при культурном контакте языков. В процессе межкультурного взаимодействия коммуникантов актуализируются языковые контакты, ведущие к культурно – языковой диффузии. Новые слова, введенные в процессе индивидуальной речевой деятельности коммуникантов, далее входят в коллективную речевую деятельность и в языковую систему, которая характеризуется тенденцией к нивелировке, к интеграции, к конвергенции, то есть к смешению языковых систем, сближению, стиранию различий между ними.

В этом процессе А.Е.Карлинский выделяет две тенденции: 1) тенденцию к стиранию различий между взаимодействующими языками, установлению одно-однозначных соответствий как на уровне языковых единиц, так и на уровне правил их функционирования; 2) в процессе возникновения новых потребностей, связанных с изменением условий жизни, появляется и необходимость внутренней реорганизации языка как самонастраивающейся системы, таким образом проявляется тенденция к отбору тех или иных языковых изменений [с. 146, 147].

В результате реализации выделенных А.Е.Карлинским тенденций возникает языковая диффузия.

Исследователи выделяют огромное количество англицизмов, проникших в русский язык и активно функционирующих во многих сферах общения, так, К.М.Абишева указывает на 12 сфер, в которых наблюдается массовое вхождение английских заимствований:

- **сфера маркетинга, бизнеса:** чартер, сюрвейер, дилер, ремитент, продакшн, ноу-хау, хеджинг, лизинг и др;
- **сфера спорта:** Кегли, сноуборд, спидвей и т.д;
- **политическая сфера:** консенсус, имидж, пресс-релиз, электорат и др;
- **компьютерно-информационная сфера общения:** байт, бит, файл, сканер, он-лайн, флэш и др;
- **масс-медийная сфера и СМИ:** квиз, пиар, реалити-шоу, интернет-провайдер и др;
- **культура:** гламур, кастинг, фан, фолкстер, брейкбит, поп-арт, грандж и др;
- **деловая сфера:** фикшур, степлер, органайзер, булет и др;
- **бытовая сфера:** лифтинг-крем, термопот, драйв сэндвич и др;
- **строительная сфера:** сайдинг, кроссинг, молдинг, турн-кэй и др;
- **промышленно-техническая:** инжиниринг, адаптер, куптер, блюминг и др;
- **транспорт:** трамп, скутер, джиш, аутригер, триммер и др;

Экспансия русского языка менее интенсивна, чем экспансия английского языка. Здесь следует отметить прежде всего проникновение русизмов в национальные языки республик, ранее входивших в состав СССР и в силу этого тесно контактировавших с русским языком и с русской культурой.

Это можно проиллюстрировать материалом казахского языка, в частности, его словарным составом. К.М.Абишева приводит 28 групп, в которых отмечены вошедшие из русского языка либо через посредство русского языка либо через посредство русского языка из других языков слова и термины. Однако более глубокое влияние русского языка на казахский прослеживается в наличии в системе казахского языка калек: словообразовательных калек (артықшылық-излишки, берешек-задолженность, саясаткер-политик и др.), семантических калек (ұңғы-ствол, алау-факел, өзек-ядро и др.), фразеологических калек (жалпы табыс-валовой доход, дайын өнім-готовая продукция, іскерлер дүниесі-деловой мир и др.)

Влияние русского языка прослеживается и в возникновении таких способов словообразования, как аббревиация, аналитический способ словообразования, отдельные модели сложных слов.

Следует при этом отметить, что степень и глубина языковой и культурной экспансии зависят не только от мощи и значимости мировых языков, но и от характера языковой политики, от уровня культуры этноса, подвергающегося экспансии. Если со стороны этноса – объекта языковой и культурной экспансии наблюдается действенное противодействие, выражающееся в стремлении сохранить словарный состав и грамматический строй национального языка в его целостности и самобытности, а иерархию культурных и этнических ценностей в его соответствии с менталитетом, психологией народа, если работают языковые и коммуникативные нормы, регулирующие процесс заимствования, если молодое поколение с молоком матери впитывает любовь к родному языку и культуре, иначе говоря, витальность языка высокая, то никакая экспансия не страшна. Используя спортивную терминологию, современность весьма агрессивна по отношению не только к миноритарным, но и вообще к немировым языкам, поэтому нужно быть готовым и уметь держать удар.

Основными этнообразующими признаками в настоящее время признаются язык и культура. Поэтому, говоря об этнической идентичности, мы вместе с тем соотносим её с языковой и культурной идентичностью. Этническая идентичность предполагает, что индивид разделяет ценности этноса, основные мировоззренческие установки этноса, что является своеобразным стержнем, позволяющим человеку противостоять жизненным коллизиям. Утрата языка и культуры, потеря этнической идентичности зачастую ведёт к маргинализации.

Термин «маргинал» в «Словаре социолингвистических терминов» определяется как «человек», находящийся в промежуточном, пограничном положении между какими – либо языками, культурами, социальными

группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни. Чаще всего маргиналы – это представители мигрантов, этнических меньшинств, сельские жители, перемещенные в город, бомжи, бродяги» [с. 161].

Содержание приведенной словарной статьи не нуждается в комментарии, она звучит как предостережение. Этническая идентичность – один из важных параметров индивида.

Литература:

- 1) Уәлиұлы Н., Фазылжанова А. Қоғамдық сананың түрлері және тіл бірегейлігі // Известия НАН РК. Серия филологическая. 2009. №4. С. 15-16.
- 2) Сулейменова Э.Д. К оценке языкового планирования в Казахстане // Мир языка, II том. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию М.М. Копыленко. Алматы, 2005. с. 4-12.
- 3) Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. Изд.2., дополн. и перераб. отв. ред. Э.Д. Сулейменова. Алматы: Қазак университеті, 2007.
- 4) Құрманбайұлы Ш. Терминологиялық әдебиеттердің библиографиялық көрсеткіші. Астана, 2008.
- 5) Алтынбекова О.Б. Этнологические процессы в Казахстане. Монография. – Алматы: Экономика, 2006.
- 6) Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005. – 304 с.
- 7) Әмірбекова А. «Қазақ тілінің ұлттұтастырушылық қызметінің көрінісі» // Туған тіл. Алматы № 4 (12), 2009 – 74 б.
- 8) Гарланов З. К. «Язык, этнос, время». – Петрозаводск, 1993.
- 9) Brouh H, Douglas B. Principles of Language Learning and Teaching 2nd edition. – N. Y. 1986.
- 10) Грушевицкая Т.Г. Попков В.Д. Садохин А.П. «Основы международной коммуникации». Астана 2008.
- 11) Абишева К.М. «Основы теории межкультурной коммуникации». Астана 2008.
- 12) «Основы международной коммуникации». Москва : Гардарики, 2006.
- 13) Ткаченко О.Б. «Основы теории языкового субстрата» Киев: Наукова думка, 1989.
- 14) Костомаров В.Г. «Мир сегодня и русский язык» // «Русский язык в национальной школе» 1990. №1.
- 15) Абишева К.М. «Социально – языковая контактология» Алматы: Ғылым, 2001.

- 16) Миасова К.Р. «Двуязычие как способ культурной интеграции этнических меньшинств в многонациональном обществе» «Sociologicheske issledovania» М, 2002.
- 17) Kachri B. English us a rored Language». Ann Arbor, 1983.
- 18) Phillipson R. «Linguistic Imperialism., L., 1992.
- 19) Ерасов Б.С. «Социальная культурология» М., 1998.
- 20) Карлинский А.Е. «Основы теории языкового взаимодействия» Алматы: Ғылым, 1990.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое витальность языка?
2. Каковы социально-политические параметры витальности казахского языка? Русского языка?
3. Какова роль социально-демографических параметров в формировании витальности языка?
4. Охарактеризуйте собственно лингвистические параметры витальности казахского языка, английского, турецкого языка, русского языка.
5. Что такое аккультурация.
6. Охарактеризуйте типы аккультурации.
7. Культурный шок, что это такое?
8. Что такое языковая экспансия?
9. Какие факторы могут привести к языковой экспансии?
10. Какие комплементарные функции мировых языков вы можете указать.

Задания.

Задание №1: дайте социолингвистический комментарий к данному тексту.

Чукотский пенсионер, бывший учитель физики Григорий Рановрольтын возрождает исчезающий язык своего народа. Он создал первый в истории электронный чукотско-русский словарь. Современные жители тундры родной язык почти забыли. Сейчас на нем говорят лишь старики. Новый словарь не похож ни на одно из подобных изданий. Это электронная книга, содержащая 26 гигабайт информации и 8,5 тысячи чукотских слов, самый большой на сегодняшний день список. В словаре 11 тем или разделов. Слова подобраны так, что даже начинающий сможет без труда составить и произнести целое предложение. [26 чукотских гигабайт. Время, 12,01,2006,- взято из Сарыбай М.Ш.Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007. С.20]

Задание №2: какая социолингвистическая проблема затронута в данном тексте?

Другое дело, что в 90-е годы стало очень тяжело русскоязычным казахам в Казахстане. К нам ведь относились как к «пятой колонне» собственной нации и постоянно упрекали в манкуртизме.

И что интересно, ввел это слово в оборот Чингиз Айтматов, который также оказался не востребованным в собственной стране: он и сейчас живет за рубежом. Лично я считаю это явление искусственным понятием. Не может такое быть, чтобы у человека напрочь отшибло память, и всё родное стало для него абсолютно чуждым. Наоборот, русскоязычные казахи, насколько я знаю эту прослойку, являются наиболее патриотичной частью казахов.

Общее понятие о билингвизме.

Многие понятия о билингвизме и мультилингвизме были сформированы на ранних этапах изучения этих явлений и отражали несколько наивные, упрощенные представления исследователей. Стремительные темпы изменения современной жизни, повлекшие усложнение языковой ситуации разных стран, привели к тому, что значительно увеличилось число билингвов и мультилингвов. Лингвисты, социолингвисты единодушны в том, что будущее за массовым многоязычием, по статистике, таких людей в мире уже сейчас больше чем одноязычных. Естественно, что распространенность и сложность, многоаспектность проблематики билингвизма и полилингвизма, актуализация, как, например, в Казахстане, задач оптимизации многоязычного образования в соответствии с языковой политикой государства стимулировали не только исследовательский интерес, но и обусловили необходимость коррекции многих понятий, необходимость комплексного подхода к изучению билингвизма и мультилингвизма. Измерить многоязычие сложно. Проявления его разнообразны даже в одном человеке, а в обществе можно встретить самые разные конфигурации нескольких языков, причины и области существования мультилингвизма различны. Неверно будет считать, что, говоря о родном языке, мы имеем в виду только собственно язык, т.е. чисто языковые структуры и явления. С овладением и владением языком связано много проблем: социальных (общение с другими людьми, взаимопонимание, положение в обществе, способность взаимодействовать с окружающими и т.п.), психологических (самоощущение, самооценка, чувство собственного достоинства, душевный комфорт и т.п.), культурно-антропологических (самобытность личности, культурно-языковая и этническая идентичность, возможность самореализации, доступ к образованию и творческой деятельности и т.п.).

Как утверждает А.Е.Карлинский, многие понятия теории билингвизма нуждаются в определенной коррекции. В словаре социолингвистических терминов под ред. Э.Д.Сулейменовой *двоязычие (билингвизм)* определяется

как владение / использование индивидом или обществом двух / нескольких языков [с. 152] и далее характеризуются типы билингвизма (индивидуальное – массовое, региональное – национальное, естественное-искусственное, чистое (координированное) – смешанное, дополнительное и замещаемое, функциональное и этническое). Понятия языковых контактов и билингвизма связаны с именем У.Вайнрайха, который определил языковые контакты как попеременное использование двух языков одним и тем же человеком, а билингвизм как практику попеременного использования двух языков, то есть не разграничивая эти понятия. Отмечены попытки дифференцировать их как род и вид, как причину и следствие.

А.Е. Карлинский предлагает разграничить их следующим образом: «Языки находятся в контакте, если порождаемая речь (текст) возникает в результате взаимодействия языковых элементов, принадлежащих к двум разным системам А и Б, или элементы одного языка А проникают в систему языка Б. Результатом такого взаимодействия (контакте) являются интерференция, наблюдаемая в речи (тексте), и интеграция, обнаруживаемая в языке (системе)». Таким образом, термин «языковые контакты» предлагается использовать в чисто лингвистическом смысле для характеристики любых видов взаимодействия языков, причем не только в связи с текстом, но и в связи с системой. 2. Билингвизмом называется практика попеременного использования двух языков в процессе речевой деятельности одним и тем же человеком, принадлежащим к определенной языковой общности. ...термин билингвизм» приложим ко всем фактам взаимодействия языков, связанным с речевой деятельностью билингва, специфика которой определяется психолингвистическими и социолингвистическими, т.е. экстралингвистическими факторами... билингвом мы будем называть человека, использующего в своей речевой деятельности два языка и способного понимать и порождать новые высказывания на втором языке без учета их языковой правильности и сложности».

Можно считать необоснованным утверждение о том, что два языка могут быть сформированы в совершенно одинаковой степени, поскольку нет двух совершенно одинаковых языков, социальных сфер действия языков и представленных ими культур; поэтому и снято требование абсолютно свободного владения ими при билингвизме или полилингвизме. Если один язык не мешает второму, а этот второй развит в высокой степени, близкой к владению языком у носителя языка, то говорят о сбалансированном двуязычии. Тот язык, которым владеют лучше, называется доминантным; это не обязательно первый по времени усвоения язык. Соотношение языков может измениться в пользу того или иного языка, если будут созданы соответствующие условия; один из языков может частично деградировать (языковая аттриция), перестать развиваться (фоссилизация), вытесниться из употребления (смена языка), забыться, выйти из употребления (языковая смерть). Либо же, наоборот, и язык может возрождаться (ревитализация),

поддерживаться (сохранение), доводиться до уровня официального признания и употребления (модернизация). Эти положения касаются не только отдельных говорящих, но и языковых сообществ. (Протасова Е, Родина Н, Овчинников А. Как выжить с билингвом? Советы психолога).

При исследовании билингвизма обычно встает вопрос о том, какой язык считать доминирующим. Понятие доминирование языка может быть определено на основе психологических и социальных факторов. Психологическое доминирование одного языка над другим У.Вайнрайх предлагает выявить с помощью тестов: какой из двух языков более удобен для передачи срочных распоряжений и т.д. Доминирование языка, по мнению У. Вайнрайха, может быть следствием ряда социальных факторов, а именно:

степень владения языком (доминирует тот язык, которым носитель на данном отрезке жизни лучше владеет);

способ использования (зрительные реакции настолько важны для подкрепления устного пользования языком, что для билингва, владеющего письменной формой одного языка, этот язык и будет доминирующим),

порядок изучения (язык, которым овладевают в первую очередь и в раннем детстве, закрепленный каждодневной практикой, обычно имеет больше вероятности стать доминирующим, нежели язык, усвоенный в более позднем возрасте);

роль в общении, частота использования языка способствуют его продвижению в ранг доминирующего языка;

роль в общественном продвижении говорящего (если владение тем или иным языком становится важным для продвижения человека по общественной лестнице, то это тоже может служить источником доминирования языка) (с. 52-53).

С.Х.Амандыкова, рассматривая вопрос о соотношении психологических и социальных факторов при формировании доминирующего положения одного из языков билингва, считает, что первичными являются социальные факторы: «Если язык X был усвоен в раннем детстве, активно используется в каждодневной практике и, как первый усвоенный язык, обладает сильным эмоциональным ореолом, степень владения X высокая, то и в психологических тестах этот язык окажется доминирующим: именно на этом языке двуязычный носитель охотнее выдает ассоциации на стимулы, предъявляемые ему вразбивку на обоих языках; именно этот язык билингв укажет в качестве удобного для передачи распоряжений и т.п.» (с. 306).

А.Е.Карлинский приводит данные исследования 40 мультилингвов, проведенный В. Вилдолшем, согласно которым доминирующим языком первой степени бывает обычно язык, усвоенный первым (68% всех случаев).

Понятие доминирующий и родной языки билингва находятся в сложных отношениях. Понятие *родной язык* традиционно выступает в значении этнический язык, т.е. это язык этноса, представителем которого выступает человек. Однако в силу ряда факторов: проживание в иноэтнической среде,

принадлежность родителей к разным этносам, сильное влияние урболингвальной тенденции в городе, тяготеющей к формированию общесединого языка общения в рамках мегаполисов и т.д. – усвоенным первым является не язык этноса, а другой – психологически более престижный и социально более востребованный. Так сравнивая казахско-русский и русско-казахский билингвизм, С.Х.Амандыкова отмечает: «Если при исследовании казахско-русского двуязычия определение языковой доминанции представляется довольно сложным, ибо для определенной части городских казахов Я₁, усвоенным первым, был не язык этноса (казахский), а русский язык, до настоящего времени психологически функционально доминирующий среди граждан, то при изучении русско-казахского билингвизма в Казахстане этот вопрос решается достаточно однозначно – в пользу родного языка» (с. 306).

Речевая деятельность билингва неизменно сопровождается явлением переключения с одного языка на другой, обусловленным разными факторами. Г.С.Суюнова, исследовавшая речевое поведение казахов-билингвов и причины переключения с одного языка на другой в рамках одного речевого акта, выделяет следующие факторы:

1) на русский язык казахи-билингвы переключаются:

а) если имеют высокую меру приверженности к русскому языку, которым владеют лучше, чем казахским. Переход на русский язык здесь – средство достижения языкового комфорта;

б) если разговаривают с более молодым по возрасту собеседником. В этом случае значительно влияние фактора «незнакомый – знакомый собеседник». В общении с незнакомым казахом, который младше по возрасту, билингвы устойчиво выбирают русский язык.

Таким образом, ориентация казахов-билингвов на возраст собеседника связывается у них с ориентацией на уровень владения языком;

в) если ориентируются на широкое окружение, включающее не только казахов. Кодовое переключение в этом случае объективно оправдано;

2) на казахский язык казахи-билингвы переключаются:

а) если имеют высокую меру приверженности к казахскому языку, которым владеют лучше, чем русским. Стремление билингва говорить на языке лучшего владения естественно и способно вызывать активное переключение кодов;

б) если билингв ориентируется на старшего по возрасту собеседника. Фактический материал дает много примеров того, как билингвы, хуже владеющие казахским языком, в общении со старшими собеседниками стараются говорить на нем, демонстрируя тем самым уважение к старшему;

в) если ситуация общения является ритуализованной. Речевое поведение билингва в этом случае характеризуется определенной устойчивостью и стереотипностью в выборе языковых средств, употреблением речевых форм независимо от социально-демографических характеристик коммуникантов и уровня владения ими языком;

г) переключение на казахский язык наблюдается в эмоциональном общении билингвов: при изменении их эмоционального состояния и при стремлении билингва оказать эмоциональное воздействие на собеседника, что имеет в конечном счете прагматический характер. Зачастую изменение эмоционального фона общения приводит к изменению тональности общения, к сокращению дистанции общения;

д) переход на казахский язык связывается со стремлением билингва скрыть содержание разговора от окружающих. Это явление универсально и присуще билингвам с разным уровнем владения языком;

е) в общении с собеседником, национальность которого билингв не определяет (не видит его), он выбирает русский язык.

Все вышеуказанные факторы выявлены на материале устной спонтанной, зафиксированной скрытой записью речи, когда оба коммуниканта являются двуязычными. Однако многие из этих факторов отмечены и при анализе так называемых вкраплений в языке художественных произведений. Так, языковые единицы русского языка (словосочетания, речевые клише, отдельные предложения) в художественном тексте на казахском языке могут выступать как отражение плохого знания казахского языка одним из коммуникантов, как средство интимизации, как прямое отражение двуязычных коммуникативных ситуаций. Интересно проведенное М.М.Копыленко и С.Т.Саиной сопоставление русских вкраплений в казахском художественном тексте с немецкими вкраплениями в русском художественном тексте, анализу которых были посвящены работы Ю.Т.Листровой. Указанное сопоставление свидетельствует о функциональном различии указанных вкраплений: «... русские вкрапления, в отличие от немецких, в большей степени взаимодействуют с языком художественного произведения: среди них нет цитат, названий книг и музыкальных произведений, т.е. чисто внешних атрибутов иноязычной струи. Для русских вкраплений совершенно не характерна насмешка, ироническое отношение к иностранцам и их языку, которые подчас наблюдаются в немецких вкраплениях. Они не отражают, подобно немецким вкраплениям, социальной дифференциации (низшие и высшие слои)».

Явление билингвизма сейчас стало настолько распространенным и естественным, что нередко из поля зрения выпадают те проблемы, которые билингвизм в себе заключает. Двуязычию посвящено значительное число исследований, в частности, труды У.Вайнрайха, Э.Хаугена, А.Мартине, Р.Т.Белла, С.М. Эрвина, Л.В.Щербы, А.Д.Розенцвейга, А.Д.Швейцера, Ю.А.Жлуктенко, Ю.Д.Дешериева, В.Н.Аврорина, М.М.Михайлова, Е.М.Верещагина и др. Из казахстанских лингвистов следует отметить работы М.М.Копыленко, А.Е.Карлинского, Б.Х.Хасанова, М.К.Исаева, К.М.Байбульсиновой, М.Т.Тезекбаева, З.К.Ахметжановой, Д.Касымовой, А.Н.Кумаровой, Т.С.Суюновой, А.К.Шаяхметовой, С.Х.Амандыковой и др.

Г.Д.Алдабергенова выделяет три направления исследования билингвизма:

- билингвальное взаимодействие (социолингвистический аспект);
- билингвальные процессы (психолингвистический аспект);

- билингвальное развитие (вопросы становления билингва, статуса билингва и др.) и акцентирует внимание на проблеме детского билингвизма, которая включает в себе ряд важных вопросов не только интеллектуального развития двуязычной личности, но и вопросы ее этнопсихологического и этнокультурного развития как представителя определенного этноса.

Большой интерес представляет проблема влияния билингвизма на интеллект. Информация о внешнем мире, необходимая для формирования и нормального функционирования интеллектуально-познавательной системы индивида, может поступать в нее по нескольким каналам, наиболее важным из которых является речь. Усвоение второго языка равнозначно увеличению числа каналов, по которым поступает информация в систему. Этот факт должен положительно сказываться на качественном состоянии интеллекта, так как получаемая таким образом дополнительная информация через мышление попадает в память и увеличивает количество знаний, являющихся в свою очередь основой мыслительной деятельности. Это положительное влияние может быть большим или меньшим в зависимости от культурной и социальной ценности второго языка. [Карлинский, 2011. – с. 66].

Проблематика исследования Г.Д.Алдабергеновой, а именно, психологический, этнопсихологический, этнокультурный аспекты влияния двуязычия на развитие личности детей – представляет значительный интерес для теории билингвизма в целом, поэтому считаем необходимым остановиться на данной работе более подробно.

Исследование Г.Д.Алдабергеновой осуществлялось на стыке лингвистики-этнолингвистики, психологии-этнопсихологии, социологи - этносоциологии, культурологии, что дало возможность комплексного рассмотрения влияния двуязычия на развитие личности. Проведя серию экспериментов с разновозрастными группами детей-билингвов и монолингвов, ученый приходит к следующим выводам.

Результаты тестирования детей двух возрастных уровней (10-11 и 11-12 лет) показали, что в большинстве случаев по ряду тестов, направленных на определение уровня развития познавательных процессов, мышления, билингвы опережают своих сверстников – монолингвов. Это отчетливо проявляется при выполнении тестовых заданий, требующих лабильности мышления, выявления сложных логических отношений, способности к абстрагированию. Разница результатов по отдельным заданиям составила порядка 20%.

Менее отчетливо разница между билингвами и монолингвами проявляется при выполнении заданий по определению объема памяти (15%), операций сравнения, анализа и синтеза (10%). На более высокой возрастной ступени развития наблюдаемая между испытуемыми разница в выполнении заданий, выявляющих определенный уровень развития и отдельные характеристики мыслительных процессов (способность к обобщению,

абстрагированию), уменьшается, что свидетельствует о том, что билингвизм придает ускорение интеллектуальному развитию в детском возрасте. Со временем, если ускоренное интеллектуальное развитие не поддерживается, подъем развития мыслительных процессов снижается и билингвальная личность теряет свои преимущества в интеллектуальном развитии. Если же каждый из языков максимально полно используется подростком, то билингвизм становится основой эффективного общеинтеллектуального развития личности. Результаты исследования Г.Д.Алдабергеновой подтверждают положение, выдвинутое А.Е.Карлинским в качестве гипотезы: если второй язык выполняет меньшее или одинаковое количество общественных функций, чем родной язык, и обслуживает приблизительно одинаковую культуру, то его стимулирующее воздействие на интеллект будет минимальным, и наоборот, чем большую функциональную нагрузку имеет второй язык, тем сильнее будет его влияние на познавательные процессы индивида и общества в целом. Именно этим можно объяснить тот факт, что во всех странах мира в школе изучается ограниченное число иностранных языков, выполняющих в настоящее время по сравнению с другими языками максимальное число общественных функций [Карлинский, 2011, с. 23].

На основе анализа результатов экспериментов Г.Д.Алдабергенова приходит к выводу, что владение двумя языками способствует развитию гибкости мышления и интеллектуальной активности: «Сложность языкового окружения ребенка – билингва вырабатывает в нем способность к более четкому оформлению концептов, что является главным показателем активности интеллектуального развития».

В то же время исследователь делает вывод и о том, что билингвизм с доминирующим неродным языком может ощутимо отрицательно влиять на становление этнического самосознания личности, сохранения ею этнокультуры. Результаты тестов по определению этнических особенностей культуры личности и уровня знания ею этнокультуры в указанной выше возрастной группе детей показали, что почти у 100% детей- монолингвов и билингвов с доминантой родного языка в поведении четко прослеживаются национально-ценностные ориентиры. У билингвов с доминирующим вторым языком этот показатель составляет 60%. Иначе говоря, решение проблемы сохранения культуры этноса в условиях все более усложняющегося процесса взаимодействия и интеграций народов следует искать на уровне этнокультурного развития отдельной личности, начиная с детского возраста.

Детский билингвизм с доминантой второго языка влечет за собой сокращение функций первого языка, в особенности, такой из них, как передача и хранение этнокультуры, что, в свою очередь, становится почвой для формирования ущербного этнического самосознания, либо его полного отсутствия.

Обособляясь от общей проблематики билингвизма стоит проблема двуязычия, связанная с национальными диаспорами, находящимися в

инонациональной среде. А.Подгаевская отмечает, что проблематика русско-западноевропейского двуязычия в отечественной русистике долгое время находилась вне поля зрения исследователей. Только в 90-е гг. прошлого столетия стали выходить работы Е.Земской (Земская Е.А. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. – М. – Вена, 2001) о двуязычии первой волны эмиграции во Франции, Америке, Германии. Свообразию четвертой волны эмиграции, т.е. последних лет десятилетий, посвящены отдельные исследования Голубевой-Монаткиной (Голубева-Монаткина Н.И. Лексические особенности русской речи потомков Русского зарубежья во Франции. // Русистика сегодня. – 1995. Вып. 1. – С. 90-92; Она же. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. Вып. 1-2 – С. 88-96); Протасовой (Протасова Е. Особенности русского языка у живущих в Германии // Русистика сегодня. 1996. Вып. 1. – С. 51-71; Она же. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. Вып. 3-4, - С. 202-206) и некоторых других. При этом анализируются в первую очередь явления языковой аттриции (упрощения, выравнивание. перенос выражений из одного языка в другой, заимствования и кальки и т.п.) у взрослых носителей, язык которых уже сложился. Исследований, которые бы четко описывали различные фазы языкового развития ребенка-билингва, практически нет, за исключением статьи Пеетерс – Подгаевской, где представлены описание и анализ языковых компетенций двуязычного ребенка в возрасте 5-7 лет (Пеетерс – Подгаевская А. Проблемы освоения русского языка как второго родного детьми 5-7 лет и создание адекватного учебного пособия // Literature and Beyond. – Amsterdam, 2008. – с. 609-627.

Проблематика детского билингвизма и в казахстанской лингвистике относится к числу малоразработанных. Можно указать лишь на кандидатскую работу Г.Д.Алдабергеновой и несколько статей А.К.Шаяхметовой.

Представители старшего поколения казахской диаспоры в Европе бьют тревогу по поводу утраты этнического языка младшим поколением, которое не знает и не проявляет особого желания к овладению казахским языком. То есть, это происходит процесс ассимиляции, которое представители старшего поколения казахских диаспор пытаются хотя бы замедлить проведением краткосрочных курсов казахского языка. В целом, в казахском языкознании данная проблема неразработана.

Литература:

- 1) Алдабергенова Г.Д. Исследование влияния билингвизма на развитие личности детей. Диссертация ... канд. филол. наук. Алматы, 1991 г.

- 2) Алдабергенова Г.Д. Явление билингвизма в перспективе исследования // Язык: система, функционирование и моделирование. // Сб-к научных трудов. – Алматы, 2007. – С.179-185.
- 3) Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Пер. с. англ. – Киев, 1979. – 263 с.
- 4) Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974.
- 5) Хасанов Б.Х. Казахско – русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Алма-Ата: Наука, 1987. – 200 с.
- 6) Исаев М.К. Динамика фонетической интерференции при формировании казахско-английского билингвизма. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 100 с.
- 7) Хауген Э. Языковой контакт / Новое в лингвистике. – М, 1972. – Вып VI.
- 8) Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972.
- 9) Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М, 1972. – Вып VI.
- 10) Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) – М.: МГУ, 1969.
- 11) Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990.
- 12) Михайлов М.М. Двуязычие. – Чебоксары, 1969. – 164 с.
- 13) Кумарова А.М. Социально-лингвистические проблемы функционирования казахской языковой среды в РК. Дисс. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1996. – 160 с.
- 14) Шаяхметова А.К. Способы передачи метакоммуникативных особенностей речи казахов-билинггов в русскоязычных художественных текстах. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 157 с.
- 15) Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. – Алма-Ата: Наука, 1984.
- 16) Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. и др. Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов. – Алма-Ата, 1986.
- 17) Суюнова Т.С. Речевое поведение казахов-билинггов. Дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1995.
- 18) Сулейменова Б.Н. Лексико-семантическая интерференция в сфере многоязычных глаголов ал-брать. Дисс. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2000.
- 19) Амандыкова С.Х. Лексико-семантическая интерференция в казахской речи билинггов (на материале глаголов движения). Дисс. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2004.

- 20) Тулепова С.Б. Влияние казахского языка на английскую речь билингов на уровне простого предложения. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Алматы, 2010. – 25 с.
- 21) Амандыкова С.Х. Русско-казахское двуязычие как закономерный результат языковой политики независимого Казахстана // Язык: система, функционирование и моделирование. // Сб. научных трудов. – Алматы, 2007. – 306 с.
- 22) Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. и др. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 330 с.
- 23) Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 344 с.
- 24) Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка. Уч. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2006.
- 25) Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975.
- 26) Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. М.: Наука, 1965. – С. 111-124.
- 27) Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года // <http://www.stat.kz/perepis/Pages/default.aspx>.
- 28) Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития. – Алматы: Арда, 2007, – 384.
- 29) Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. (Теория и проблемы. – М.: Наука, 1976, – 168.
- 30) Быховец Н.Н., Гаркавец А.Н., Дерканбаева и.т. и др. Языковые ситуации и взаимодействия языков. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 204 с.
- 31) Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л. Наука, 1970. – 99 с.
- 32) Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы: Санат, 2001. – 608 с.
- 33) Балакаев М.Б. Қазақ әдеби тілі. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 472 б.
- 34) Калиев Г. Диалектное словообразование в казахских говорах: АДД. Алма-Ата, 1989. – 44 с.
- 35) Атабаева М.С. Диалектное значение слова в казахском языке: Дисс. ... канд. филол. – Алма-Ата, 1985. – 186 с.
- 36) Сауранбаев Н.Т.
- 37) Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. – Алматы: Экономика, 2006. – 416 с.
- 38) Указ Президента Республики Казахстан от 20 ноября 2007 г. № 444 «О внесении дополнений и изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 7 февр. 2001 года № 550 // САПП Республики Казахстан. – Астана, 2007. – № 43. С. 497. – С 107-109.

- 39) Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972 – Вып VI. – С. 25-60.
- 40) Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500 с.
- 41) Блумфильд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
- 42) Карлинский А.Е. Социально-экономическая структура общества и двуязычие // Языковые ситуации и взаимодействия языков. – Киев. Наукова думка, 1989. – С. 7-22.
- 43) Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.: Учпедгиз, 1947. – 96 с.
- 44) Ханазаров К.Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. – М.: Политиздат, 1982. – 224 с.
- 45) Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике: Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып VI. – С. 61-80.
- 46) Филин Ф.П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 13-26.
- 47) Исмагулова Б.Х. Драма: Проблемы художественно-литературного двуязычия. – Алматы: Алматы кітап, 2005. – 152 с.
- 48) Ахметжанова З.К. Қазақ тілінің өміршеңдігі туралы // Қазақ тіл білімінің өзекті мәселелері: Профессор Қ.Жұбановтың 110 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. – Алматы, 2009. – С. 242-248.
- 49) Чернышев В.А. К проблеме языка-посредника // Язык и общества. М: Наука, 1968. – С. 208-212.
- 50) Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
- 51) Ильин И.А. Путь духовного обновления // Сочинения. Религиозная философия. – М.: Медвум, 1994. –Т2. – 574 с.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое билингвизм?
2. Как можно определить доминантный язык?
3. Какие факторы определяют переключение с одного языкового кода на другой?
4. Детский билингвизм и связанные с ним проблемы

Языковая ситуация, языковое планирование (на примере Республики Казахстан)

В данном разделе нами использован материал исследования С. Тулеповой, выполненного под нашим научным руководством.

Э.Д.Сулейменова и Ж.С.Смагулова в монографии «Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане», подробно описывая актуальные

проблемы сегодняшней языковой ситуации в различных странах, раскрывают содержание и этапы языковой политики государств, определяют типы, способы реализации языковой политики и эффективность мероприятий языкового планирования, рассматривают важнейший спектр проблем, связанных с vitalностью языков народов Казахстана и многое другое.

«Языковая ситуация понимается в работе как контекст реального использования языка/языков в обществе, совокупность языков, форм существования языка, территориальных и социальных диалектов, койне, жаргонов, функционирующих в данном административно-территориальном объединении (в этнической общности) в определенный исторический период». Детальность данной дефиниции выигрывает на фоне следующей лаконичной трактовки, типичной для социолингвистических теорий:

«Под языковой ситуацией понимается набор и взаимоотношение используемых на данной территории различных средств коммуникации».

В.А. Аврорин определяет языковую ситуацию одноязычного народа как «выполнение функций всех наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» и отмечает, что рассмотренные характерные признаки одноязычной ситуации свойственны также и ситуации многоязычной. Однако, на наш взгляд, языковые ситуации моно- и многоязычной стран должны существенно различаться, хотя бы потому, что в многоязычной стране идет постоянный процесс межязыковых взаимодействий и борьба языков за доминирующее положение в обществе осложняет общую языковую ситуацию любой страны.

Л.Б. Никольский дополняет схожую с Аврориным дефиницию языковой ситуации формулировкой основных задач ее изучения, которыми являются: - установление общественных функций, выполняемых языковыми образованиями;

-определение иерархии языковых образований; -обнаружение тенденций развития языковых ситуаций;

-выделение перспективных языковых образований. От адекватности решения данных задач зависит эффективность работы над стабилизацией языковой ситуации в тех странах, где она осложнена полиязычием и определение правильного курса языковой политики.

Итак, языковая ситуация включает в себя следующие обязательные компоненты: 1) *социальные условия функционирования языка*; 2) *сферы и среды употребления*; 3) *формы существования языка*.

Рассмотрим данные компоненты применительно к Республике Казахстан:

I. В словаре социолингвистических терминов дается следующая характеристика языковой ситуации нашей страны: «Языковая ситуация в Казахстане характеризуется как экзогlossная, несбалансированная, дигlossная и демографически неравновесная. Казахстан представляет собой

многоязычную страну с населением, говорящих на языках разных генетических языковых семей и структурных типов языка...».

Республика Казахстан полиэтническая и многоязычная страна, где проживают представители около 130 этносов. «По состоянию на 1 января 2010 года численность населения республики по оперативным данным с учетом переписи населения 2009 года составила 16196,8 тыс. человек. Доля казахов на начало 2010 года составила 63,6%, русских 23,3%, узбеков - 2,9%, украинцев - 2,0%, уйгур - 1,4%, татар - 1,2%, немцев - 1,1%, других этносов - 4,5%.

Изменение численности отдельных этносов за межпереписной период характеризуется следующими данными:

Численность казахов увеличилась по сравнению с предыдущей переписью на 26,1% и составила 10098,6 тыс. человек. Увеличилась численность узбеков на 23,3%, составив 457,2 тыс. человек, уйгур - на 6%, составив 223,1 тыс. человек. Снизилась численность русских на 15,3%, составив 3797,0 тыс. человек; немцев - на 49,6%, составив 178,2 тыс. человек; украинцев - на 39,1%, составив 333,2 тыс. человек; татар -- на 18,4%, составив 203,3 тыс. человек; других этносов - на 5,8%, составив 714,2 тыс. человек.

Как видно из данного соотношения, в Казахстане представлен широкий спектр национальностей, что находит отражение в специфической языковой ситуации, отличающейся многообразием типов би- и полилингвизма. Наиболее широкое распространение получило одностороннее массовое национально-русское двуязычие, характерное для большинства стран СНГ. Определенный интерес представляет казахско-русское двуязычие, при котором степень владения обоими языками может варьировать в зависимости от различных факторов, основными из которых являются место проживания (городская или сельская местность), культурная среда (семейные традиции), бытовое общение, влияние СМИ и др. Следует отметить достаточно сильное отличие городского от сельского казахско-русского двуязычия. Хотя «на селе каждый третий казах владеет лишь языком своей нации», что говорит об относительном преобладании в сельской местности казахского моноязычия, нежели казахско-русского двуязычия, ситуация с городским двуязычием остается осложненной, так как наблюдается явление, характеризующееся преобладанием казахско-русского билингвизма с доминированием русского языка.

В настоящее время, когда в Казахстане произошли кардинальные изменения всей общественно-политической системы, языковая ситуация нашей страны требует осуществления языковой политики, которая учитывает как интересы государственного языка в качестве главного компонента, так и интересы языков этнических меньшинств и обеспечивает распределение общественных функций языков в соответствии с их востребованностью. Для этого, в первую очередь, необходимо расширение сфер функционирования государственного языка и проникновение его во все среды. Что касается

языков диаспор и иммигрантских языков, то поскольку «большинство языковых сообществ расселено дисперсно и не имеет своих национально-территориальных образований», на всей территории Казахстана в основном осуществляется функциональная реализация только государственного казахского языка и его официального партнера – русского языка.

Возникшая необходимость стабилизации языковой ситуации и реального упрочнения позиций государственного языка обусловлена, во-первых, нависшей угрозой сдвига титульного языка и замещением его функционально сильным русским языком; во-вторых, как следствие данного замещения, постепенным забвением богатейшей этнической культуры титульной нации и, в-третьих, прерыванием межпоколенной трансмиссии и языка, и культуры.

«До сих пор приходится признавать, что по-прежнему на фоне массового казахско-русского двуязычия (74,8%), которое не может быть коммуникативным противовесом в единой коммуникативной среде русско-казахскому двуязычию (14,9%), четверть казахского населения, не владеющая литературной формой родного языка, ограничивается при общении Разговорной или просторечной формой казахского языка». Такое неутешительное замечание лишний раз подтверждает необходимость повышения престижности государственного языка посредством распространения его на все пласты общественной жизни страны.

II. Важнейшими компонентами языковой ситуации государства являются среды и сферы употребления языка. У ученых нет единого мнения по поводу количества сфер и сред употребления языка. Например, Л.Б.Никольский различает сферы общения по числу частных коммуникативных функций (их всего 3) и по вхождению в те или иные сферы коммуникации (их 5). Ю.Д. Дешериев выделяет 22 сферы, причем если в качестве примера взять казахский язык, до революции он функционировал всего в семи из указанных сфер, в советское время - в 19-ти из 22-ух.

Б.Хасанулы, дефинируя сферу использования языка как «конкретную область социального взаимодействия людей, в которой вербальное общение осуществляется с помощью конкретного языка», выделяет 18 сфер и 70 подсфер функционирования языка в настоящее время и подчеркивает, что «казахский язык как государственный язык Республики Казахстан функционирует в свыше ста сферах, субсферах».

Э.Д.Сулейменова и Ж.С.Смагулова рассматривают сферы распространения языка в широком и узком понимании, включая в первое (широкое понимание -Т.С.) «все основные общественные институты: семья, работа, образование, религия, сфера развлечений и средства информации, политические партии, правительство и т.д. Узкое понимание сфер сводит их к микроструктурным отношениям, в семье -- это отношения: муж-жена, дети-родители, бабушки-дедушки-внуки; на рабочем месте: коллега-коллега, руководитель-подчиненный.

На наш взгляд, данные микроструктурные отношения следует отнести к средам использования языка, как это делает В.А.Аврорин, разграничивая среды использования языка и сферы использования языка, где под первым понимается «вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которого реализуется общение», а под вторым - «прежде всего тематика коммуникации». Исследователь выделяет 8 сред и 12 важнейших сфер общения, отмечая, что представляет далеко не полный перечень всех существующих сред и сфер. Сферы использования языка рассматриваются через призму сфер определенного вида общественной деятельности, иными словами, как непосредственное производное от сфер человеческой жизни. Например, в учебной среде используется, в основном, тематика сферы образования, которая, в свою очередь, делится на 3-4 подсферы: начальное, среднее, высшее обучение. Тематика обучения различается также в соответствии с предметом обучения.

Немаловажное значение для полноценного функционирования языка имеет семейно-бытовая среда и сфера повседневного быта человека. «Если язык перестает использоваться в семейно-бытовой сфере, он умирает». Такое справедливое утверждение вытекает из факта утери родного языка русскоязычными казахами как следствие неиспользования его в узком семейном кругу. И наоборот, этнический язык жив, пока на нем говорит хотя бы один представитель данного этноса. К примеру, в результате анализа итогов переписи населения Казахстана 1999 года были выявлены этнические группы численностью менее 10-ти человек, тем не менее указавшие свою национальную принадлежность и знание родного языка. К таковым относятся носители следующих языков: алеутский, ительменский, кетский, ливский, мансийский, негидальский, нивхский, ороцкий, саамский, селькупский, сербский, ульчский, энецкий, юкагирский и другие языки.

«Динамичность языковой ситуации усиливается тем, что в ее составе действуют и живые, активно используемые в общении языки, обладающие четкой перспективой дальнейшего развития, и языки, отошедшие в более узкие сферы общения, и языки, выходящие из живого употребления, языки, играющие чисто вспомогательную коммуникативную роль».

В целом, языки народов этнических групп в нашей стране неравнозначны по объему и масштабам применения, и «реальное распределение языков в коммуникативном пространстве осуществляется в пользу двух демографически и функционально мощных языков - казахского и русского...».

Э.Д.Сулейменова предлагает рассматривать функциональное взаимодействие не только самих языков, но оценивать функционирование языков в условиях казахско-русского и русско-казахского двуязычия. Именно при таком подходе ощутима положительная динамика функционирования казахского языка: устойчиво расширяется применение государственного языка в таких сферах, как государственные органы, образование, средства

массовой информации, культура и искусство, т.е. в тех сферах, в которых в большей мере возможна государственная поддержка. На том же уровне, где предпочтения в выборе языка менее регулируемы и определяются стихийно (бытовое обслуживание, торговля, здравоохранение, транспорт), наблюдается снижение степени его распространения.

III. Что касается форм существования языка, по определению А.Аврорина, это «самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования».

Казахстан, являясь полиэтническим, многоязычным и поликонфессиональным государством, переживает достаточно сложный период своего культурно-языкового развития, о чем свидетельствует сложившаяся языковая ситуация, требующая гибкой и продуманной языковой политики. Термин «языковая политика» используется в интерпретации, данной авторами словаря:

«Языковая политика определяется как неотъемлемая часть национальной политики, как теория и практика сознательного и целенаправленного воздействия определенных субъектов языкового планирования (государственной власти, социальных групп, элиты, партий, класса и др.) на ход языкового развития, как целенаправленное и научно обоснованное руководство функционированием существующих языков, созданием и совершенствованием новых языковых средств общения». В свете данной трактовки имеет смысл рассмотрение таких немаловажных понятий, как «языковое планирование», «субъект языкового планирования», «объект языкового планирования».

Языковое планирование определяется как «сознательные, конкретные мероприятия по воздействию определенных субъектов языкового планирования на языковое поведение объектов языкового планирования...».

З.К.Ахметжанова отмечает, что языковое планирование преследует две цели:

1. Язык должен служить средством политической интеграции, ведь государство должно управляться, действовать эффективно, а именно: центральные и местные органы должны функционировать без чрезмерных проволочек и расточительства, граждане должны быть обеспечены услугами системы образования и здравоохранения, торговля и средства сообщения должны развиваться как внутри страны, так и с ее соседями. Во всем этом важнейшую роль играет язык.

2. Язык должен способствовать национальному единству, давать ощущение «единомыслия».

Очевидно, что результатом эффективного языкового планирования является совокупность двух перечисленных функций в

одном языке, т.е. возможность выполнения данных функций посредством одного языка государственного.

Экзогенность языковой ситуации Казахстана является главной причиной формирования субъектов языкового планирования, Э.Д.Сулейменова и Ж.С.Смагулова, характеризуя языковую политику в республике как полисубъектную, представляют следующий перечень субъектов:

- главным субъектом языковой политики является государство, осуществляющее государственную поддержку казахского языка в соответствии со стратегическими интересами Казахстана;
- казахская интеллектуальная элита писатели, деятели культуры и искусства, журналисты, редакторы, лингвисты, литературоведы и проч., вплотную занимающиеся осуществлением языкового планирования;
- субъектами языковой политики являются представители «русскоязычной контр-элиты», стремящейся сохранить позиции русского коммуникативно-языкового пространства в стране;
- представители многочисленных диаспор Казахстана, главной задачей которых является сохранение собственных языков и языковых прав.

Являясь главным субъектом языковой политики, государство разрабатывает языковое планирование в соответствии с реальной языковой ситуацией страны в целях эффективного языкового строительства.

В свою очередь, казахстанская интеллектуальная элита претворяет в жизнь государственные проекты, проводя различного рода мероприятия, нацеленные на расширение сфер функционирования государственного языка и соответствие своему статусу.

Наличие субъекта языкового планирования подразумевает наличие объекта - в данном случае, носителя языка. Языковая политика нацелена на законодательное и правовое регулирование языковых отношений в полиязычном социуме, на основе которого разрабатывается языковое планирование, направленное на изменение языкового поведения объектов языковой политики.

Языковая политика Республики Казахстан нашла отражение в следующих законодательных документах: Закон «О языках в Казахской ССР», определивший статус казахского языка, был принят в 1989 году, в нем говорилось, что «государственным языком Казахской ССР является казахский язык».

В 1995 году была принята новая Конституция Республики Казахстан. В статье 7 Конституции по-новому определен правовой статус языков.

Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Русский язык получил статус официального, имеющего возможность наравне с казахским языком применяться в государственных организациях и органах местного самоуправления.

В 1997г. был принят новый закон «О языках в Республике Казахстан». Там же были намечены основные стратегические задачи по улучшению качества обучения государственному языку, обеспечению функционирования

государственного языка во всех сферах общественной жизни, повышение его роли как фактора укрепления межнационального согласия и казахстанского патриотизма.

В целях дальнейшей реализации «Закона о языках в Республике Казахстан» 7 февраля 2001г. была утверждена «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». В этой программе определены три основных направления стратегии государственной политики в области развития языков: расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение общекультурных функций русского языка; развитие языков этнических меньшинств.

30 мая 2006 года Президент РК внес дополнения в «Государственную программу функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». В них определен комплекс мер по внедрению казахского языка в сфере государственного управления, в законодательной власти, судопроизводстве, вооруженных силах, правоохранительных органах, в образовательных учреждениях, т.е. постепенно и последовательно казахский язык должен распространиться на все сферы жизни общества. «Всашле», т.е. зафиксированная дата завершения данного задания - 2009 год.

Сравнивая содержание вышелеречисленных законов, можно отметить следующее. Общеизвестно, что хотя юридически статус казахского языка как государственного был определен еще в 1989 году, фактически его применение ограничивалось семейно-бытовой средой, да и то в лучшем случае. Заметное улучшение состояния казахского языка как государственного началось с 2001 года, когда была утверждена «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». Хотя общая формулировка основных направлений «Государственной программы» совпадает с содержанием «Закона о языках» от 1997 года, все же наблюдается некоторая конкретизация и усиление содержания. Вместе с тем, разработка статусного планирования, заключавшегося в повышении престижности государственного языка и принятии мер по соответствию реального и юридического статуса казахского языка, подкрепленное корпусным планированием, дало ощутимые результаты в использовании государственного языка в большинстве сфер общественной жизни страны.

З.К.Ахметжанова считает, что языковая политика должна развиваться по ряду направлений, в рамках которых необходимо:

- 1) внедрять и всемерно развивать русско-казахское двуязычие;
- 2) интенсивно укреплять казахско-русское двуязычие;
- 3) изменить соотношение степени владения родным и вторым языком при любых видах двуязычия с акцентом на доминирование родного языка;
- 4) сформировать всеобщее психологическое доминирование родного языка над неродным;

5) усилить ориентированное обучение казахскому и русскому языкам в средних и высших учебных заведениях и ПТУ, обращая особое внимание не только на объем, но и на качество подготовки.

Л.Б.Никольский справедливо считает, что «эффективность языковой политики, ее способность достичь желаемых результатов не может определяться только, например, позицией государства в отношении языка, сколь бы правильной она ни была, ни логичностью и стройностью предлагаемых языковых мероприятий...». На наш взгляд, оно должно подкрепляться фактической реализацией этих законов в жизнь, что требует, в первую очередь, как значительных материальных затрат со стороны государства, так и сознательной мотивации каждого отдельного гражданина республики к изучению государственного языка.

О.Б.Алтынбекова, анализируя языковую ситуацию в нашей стране, подробно рассматривает текущую языковую обстановку в разных регионах республики и справедливо отмечает, что языковая политика страны должна быть максимально адекватной текущей языковой ситуации. В противном случае возможны значительные «лингвистические потери», требующие неотложного восстановления и принятия «компенсационных мер».

В целях применения таких компенсационных мер разрабатывается статусное и корпусное планирование развития государственного языка. По В.А.Аврорину, «языковая политика имеет своей целью регулирование как функциональной, так и структурной сторон языка», где под регулированием функциональной стороны мы понимаем статусное планирование, а под регулированием структурной стороны корпусное планирование. «Под статусным планированием понимается целенаправленное законодательное урегулирование статуса языков», которое подразумевает повышение престижности языка, принятие мер по сбалансированности реального и законодательного статуса языка и воздействие на языковое поведение объектов языкового планирования.

Статусное планирование, равно как и языковая политика в целом, носит политический характер. Данный тезис подтверждается многочисленными фактами объявления нескольких государственных языков в пределах одной страны (например, в Швейцарии немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки).

Корпусное планирование это «процессы сознательного и целенаправленного общественного воздействия на «корпус» языка - словарь, терминологию, грамматику». Необходимо отметить взаимозависимость статусного и корпусного планирования, которое проявляется в совершенствовании форм существования языка (улучшение корпуса языка) и приспособлении к различным сферам общения в целях расширения функций языка, как государственного и как следствие, повышения его престижа, на что сфокусировано статусное планирование.

Литература

1. Тулепова С.Б. Влияние казахского языка на английскую речь билингвов на уровне простого предложения. Дисс., канд. филол. наук. Алматы, 2010.
2. Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. – Алматы: Қазақ университеті, 2005.
3. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социалингвистики). – Л.: Наука, 1975.
4. Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие. // Язык и общество. М.: Наука, 1965.
5. Ахметжанова З.К., Копыленко М.М. Закон о языках и развитие двуязычия и многоязычия в Казахской ССР. // З.К. Ахметжанова. Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки. – Алматы, 2005. – С. 188-197.

Вопросы для самоконтроля :

1. Что такое языковая ситуация?
2. Что такое сфера использования языка?
3. Что такое среда использования языка?
4. Дайте определение языковому планированию.
5. Дайте определение языковой политике.
6. Приведите примеры, иллюстрирующие статусное и корпусное планирование.

Задания

Задание №1: о каких видах языкового и планирования идет речь в следующем отрывке. Подтвердите свою мысль примерами из языковой жизни РК.

Другой пример – Франция, страна, давшая миру демократию, в XXв. потеряла господство. Французский язык становился все менее популярным. Но 4 августа 1994г. Франция приняла закон языка, который предусматривал полную защиту языка от влияния англоязычной культуры. Нужно отметить, что это сработало.

Сейчас настал момент истины для развития казахского языка, необходимо принять меры, эксплицитно обеспечивающие использование казахского языка на казахстанской территории именно в тех сферах, где он сейчас конкурирует с русским и английским языками, а в будущем – и с китайским языком. Статусное планирование означает законодательную защиту казахского языка, а именно ИСИ (институт стратегических исследований) рекомендует принять закон «Об использовании казахского языка» по примеру вышеупомянутого французского «закона Тубона» (по имени автора – министра, лоббировавшего этот закон). Осуществление корпусного

планирования могли бы взять на себя терминологические комитеты и комиссии для выработки единой стандартной терминологии казахского языка в различных отраслях и сферах социума. [А.Алехова, Г.Исмуханова, Do you speak казахша? // Литер, 14.12.2006. – взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социалингвистике. Алматы, 2007-62с.]

Задание № 2: какая социалингвистическая проблема затронута в данном тексте?

Л.Аранышева (кинорежиссер): в моей творческой биографии была картина «Данекен» что означает примерно «спаянные». Фильм простой: живут в одном ауле дед и маленький мальчик, деду вдруг кажется, что он скоро умрет, он везет мальчика в город пристроить и ... начинается катавасия. Я сняла фильм на сломе – в 87-м году, в 90-м приезжает профессор Бостонского университета, он занимался советским кино. Он посмотрел мой фильм и говорит: вы считаете, что ваше кино национальное? Я говорю: ну, в принципе, да: место действия, персонажи – все суугобо наше. Он говорит: а я вот американец и мне здесь все понятно, значит, ваше кино какое? Общенациональное, говорю я. С Другой стороны, мой отец – абсолютный казах, он смотрит одну из моих картин и говорит: Лялька, откуда у тебя это – ощущение степи? Ты же никогда там не жила, ты же не знаешь, что это такое? Я не знаю, что это? Как это назвать? Оно есть у меня и все! Генетическая память? Я думаю, одна из главных трагедии наших – это язык, который мы потеряли. Но тенденция искусственного насаждения родного языка – она ложная. Язык – это органика, если дома с тобой не говорят, в какой бы ты интернат не отпавил своего ребенка, язык не приживается, потому что это нечто живое – на нем должна говорить семья. (Новое поколение, 27.09.2004., взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социалингвистике. Алматы, 2007, с.45)

Задание № 3: о каком виде языкового планирования идет речь в следующем отрывке?

На заре независимости, когда вопрос о государственном языке еще только обсуждался, многим казалось, что для его решения достаточно проявить политическую волю и придать этот статус казахскому языку. Предполагалось, что далее процесс сам пойдет в нужном направлении. При этом наиболее оптимистично настроенные аналитики, заглядывая в будущее, утверждали, к примеру, что победоносное шествие государственного языка завершится не позднее, чем через 7-10 лет. Был составлен даже своеобразный график перехода делопроизводства на государственный язык по регионам, с учетом их национального состава. Пессимисты же, наоборот, говорили, что

переход делопроизводства на государственный язык – дело далекого будущего, и в ближайшее десятилетие на это не строит тратить ни сил, ни средств. Были и те, кто выступал за решение проблемы радикальными методами – принятием законодательных актов, попросту обязывающих каждого казахстанца знать государственный язык. [С. Малдыбаев. Бессмертная душа народа. Каз. Правда, 11.10.2002., взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007. – с.47]

Типология билингвизма

Понятие «билингвизм» является одним из основных понятий, на которых базируется вся теория взаимодействия языков.

А.Е.Карлинский справедливо считает, что «специальная литература по двуязычию и языковым контактам изобилует разногласиями в толковании основополагающих понятий и терминов, что, несомненно, мешает выработке единого взгляда на данные явления». Действительно, разброс признаков, положенных в основу дефиниций, достаточно большой, начиная с самого широкого понимания билингвизма (любое знание каких-либо двух языков) до самого узкого понимания (владение двумя языками на уровне родного). М.К.Исаев считает, что «все остальные определения располагаются между этими двумя экстремальными точками зрения».

Рассмотрим некоторые из них, являющиеся наиболее употребляемыми в лингвистической литературе и взаимодополняющими друг друга. Одни имеют чисто социальную направленность и рассматривают взаимодействие языков на уровне языковой системы, как в следующих трактовках: «билингвизм – это коммуникативный мост между двумя разноязычными коллективами, появляющийся в связи с общественной необходимостью в экономическом, культурном и политическом взаимодействии»; «под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках «владение вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мнениями в процессе производства материальных и духовных благ».

С психологической точки зрения билингвизм – «это психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам».

Э.Хауген не разграничивает понятия языковой контакт и билингвизм: «языковой контакт определяется как поочередное использование двух или более языков одними и теми же лицами».

У.Вайнрайх определяет билингвизм как «практику попеременного использования двух языков». Многие лингвисты считают наиболее точной формулировку У. Вайнрайха, модифицированную А.Е. Карлинским: «под двуязычием мы понимаем практику попеременного использования двух

языков одним и тем же индивидом или группой индивидов в целях коммуникации».

Б.Хасанулы формулирует билингвизм, оперируя самыми современными терминами: двуязычие это синхронное (попеременное или смешанное) использование двух языков в гетерогенном социуме представителями одного этноса».

Таким образом, можно подытожить, что билингвизм - это владение, наряду со своим родным языком, языком другого этноса в пределах, обеспечивающих общение с представителями данного этноса в жизненно-важных сферах коммуникации. Билингвизм предполагает употребление разных языков в отличие от диглоссии, под которой в большинстве случаев понимается употребление различных подсистем одного и того же языка.

Несмотря на то, что научное исследование билингвизма началось сравнительно недавно в конце XIX века, многие лингвисты и историки уверены в том, что «двуязычие уходит своими корнями в глубокую древность». Вероятно, билингвизм существует с того времени, когда возникла необходимость общения двух или нескольких племен, каждый из которых обладал некоторым набором звуков и слов с определенным смысловым значением. Ведь не исключено, что некоторые племена также умели изъясняться между собой посредством простейшего языка. «По всей вероятности, в эпоху первобытнообщинного строя контакты между представителями различных языковых коллективов были спорадическими, а возникающее при данных обстоятельствах двуязычие носило единичный и временный характер, и следовательно, его социальная роль была незначительной.

В работе «Языковые ситуации и взаимодействие языков» подробно рассматриваются различные этапы развития и особенности билингвизма, начиная с первобытно-общинного строя и до настоящего времени. В основе гипотезы лежит полигенетическая теория происхождения человека.

О том, что двуязычие издавна присуще человеческому обществу как результат языковых контактов, свидетельствуют и труды В.К. Журавлева, А.В. Десницкой, Ю.В. Кнышенко и др.

Феномен билингвизма является предметом пристального внимания и многих казахстанских исследователей. Среди них следует отметить труды таких лингвистов, как М.М. Копыленко, А.Е.Карлинский, З.К.Ахметжанова, М.К.Исаев, Б.Хасанулы, Б.Х.Исмагулова и многих других.

Достижения современной науки позволяют четко разграничить теорию билингвизма по социолингвистическим и психолингвистическим основаниям, поскольку билингвизм, как явление многогранное, многоаспектное и сложное по своей природе, представляет собой предметную область многих наук: лингвистики, социологии, психологии и вследствие этого изучается социолингвистикой и психолингвистикой, каждая из которых раскрывает свои грани и вырабатывает свои подходы к его изучению. Так, Б.Х.Исмагулова отмечает, что если для языкознания

Билингвизм интересен с позиции конвергентно-дивергентных процессов, происходящих в длительно контактирующих языках, и интерференции двух языковых систем, для социологии - с точки зрения правил социального поведения в полиэтническом обществе, то для социолингвистики представляет интерес изучение функциональной дистрибуции языков по сферам общения, т.е. изучение факторов, определяющих выбор того или иного языка в зависимости от конкретной ситуации общения. Психолингвистика в свою очередь изучает механизмы кодирования и декодирования речи на втором языке.

А.Е. Карлинский подробно раскрывает сущность вышеназванных аспектов и характеризует их следующим образом: «социолингвистический аспект включает ряд проблем, связанных с изучением отношения «билингвизм -общество»... от социальных причин возникновения билингвизма и его зависимости от исторических и социально-экономических условий в жизни общества до вопросов возникновения и функционирования языков...; психолингвистический аспект охватывает проблематику «билингвизм-индивид»: особенности восприятия и порождения речи на Я2 билингвом, влияние билингвизма на личность, способность к изучению Я2 и ее изменение, психические механизмы речевой деятельности на Я2 и др.». Ученый отмечает, что обычно термин «билингвизм» используется как синоним термина «языковые контакты», как в определении Э.Хаугена (см. выше) и показывает, что понятия «языковые контакты» и «билингвизм» не являются тождественными, но они и не противопоставляются друг другу как род и вид. Это просто два разных аспекта одного и того же явления, а именно взаимодействия языков. Хотя оба эти явления теснейшим образом связаны друг с другом, объем отражающих их понятий различен. Языковые контакты всегда подразумевают наличие билингвизма, однако имеется такой тип билингвизма, когда языковые контакты могут отсутствовать, ибо в этом случае речевые произведения на любом из двух языков билингва могут не содержать в себе элементов и/или отношений другого языка. Видимо, здесь речь идет о двух основных типах билингвизма координативном и субординативном, которые будут рассматриваться подробнее ниже.

Билингвизм настолько многогранен, что выделяя его различные виды и типы, ученые до сих пор не выработали единую, общепринятую классификацию. В этой связи, проанализировав информацию, содержащуюся в разных источниках, мы попытались вывести наиболее полную классификацию типов билингвизма в зависимости от параметров, целей и аспектов его исследования.

Исходя из психолингвистического аспекта взаимодействия двух языковых систем в сознании и языковой компетенции билингва различают:

- **Координативный (чистый), субординативный, (смешанный) типы билингвизма.**

Впервые данные типы билингвизма были рассмотрены Л.В.Щербой с позиций соотнесенности двух речевых механизмов между собой, но их

дальнейшая разработка принадлежит американским психологам Ч. Остуд и С. Эрвин.

При «координативном» или «чистом» билингвизме билингв пользуется каждым из языков, не смешивая их, т.е. в его сознании два кода сосуществуют и не взаимосвязаны между собой, существуя в качестве одной системы ассоциаций. В этой связи при восприятии и порождении речи на каком-либо из двух языков не возникает интерферентных ошибок. Координативный билингвизм предполагает владение разными языками в равной мере свободно, так как каждому денотату соответствует свой сигнификат.

«Субординативным» является двуязычие, при котором в сознании билингва происходит переключение с одного языка на другой; две языковые системы билингва существуют в качестве двух отдельных кодов, которые смешиваются и порождают интерферентные ошибки при декодировании, причем ошибки носят в основном односторонний характер, т.е. наблюдается влияние Я1 на Я2. Иными словами, у носителя двух языков формируется общая картина мира, где одному элементу содержания соответствуют два элемента плана выражения. При субординативном билингвизме субъект владеет одним языком лучше, чем другим, т.е. наблюдается некая «субординация» между двумя языками.

Значительный интерес представляет лингвистическая типология билингвизма, предложенная Е. М. Верещагиным в работе «Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)».

С точки зрения видов речевой деятельности Е.М. Верещагин предлагает выделять несколько видов субординативного билингвизма: *рецептивный, репродуктивный, продуктивный*. При *рецептивном* билингвизме субъект способен понять прочитанные (услышанные) им речевые произведения на неродном языке и передать их содержание на родном языке.

Репродуктивный билингвизм состоит в том, что индивид может воспроизвести высказывания других лиц на том языке, на котором он их воспринял.

Продуктивный билингвизм заключается в способности выражать собственную мысль на разных языках. По мнению ученого, необходимо выделить три типа продуктивного билингвизма: *координативный, субординативный, медиальный*. *Субординативным* автор называет продуктивный билингвизм, в ситуации которого речевые произведения оказываются неправильными. *Продуктивный* билингвизм, обеспечивающий порождение правильной речи, т.е. таких речевых произведений, которые принадлежат вторичной языковой системе, Е.М. Верещагин называет *координативным*. Третий тип продуктивного билингвизма связан в одних случаях с правильным, в других - неправильным порождением речевых форм.

Известно, что в современной психолингвистике координативный, и субординативный типы билингвизма являются основными и языковая

личность всегда балансирует в зависимости от речевой среды между этими двумя типами. Идеальным же считается координативный, когда билингв свободно переключается с одной семантической базы на другую, то есть говорит на двух языках свободно.

Хотя Б. Хасанулы утверждает, что «абсолютно одинаковое знание двух и более языков теоретически возможно, но практически явление исключительно уникальное», тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что координативный тип билингвизма реально существует во многих странах. Общеизвестно, что некоторый процент людей в силу требований своей профессии обладают координативной формой двуязычия (переводчики-синхронисты, послы, дипломаты, ученые, писатели-билингвы). В частности, в нашей полиязычной стране, где широко распространено национально-русское двуязычие, данный тип билингвизма встречается довольно часто. Казахстан характеризуется наличием билингвов, свободно и в совершенстве владеющих как этническим (родным) языком, так и русским, используя знание двух языков в самых разных сферах жизни. Более того, в настоящее время мы становимся свидетелями самого желаемого типа билингвизма в лице русско-казахских билингвов, все чаще появляющихся в СМИ, тем самым упрочняя позиции казахского языка как государственного. Следует учесть, что координативный билингвизм предполагает одинаково свободное владение всеми функциональными стилями двух и более языков.

Субординативный тип билингвизма предполагает возникновение интерферентных ошибок, что объясняется вторжением сложившихся навыков и умений в процесс кодирования и декодирования речи на Я2. Е.М.Верецагин считает, что причина субординативного типа билингвизма кроется в интерференции речевых умений, которая наблюдается в «процессе выработки речевых механизмов».

Следовательно, с точки зрения обучения второму языку (обычно иностранному) смешанный билингвизм мешает прогрессии в овладении им. Психолингвистический аспект субординативного билингвизма - достаточно сложная и до настоящего времени актуальная проблема, решение которой бы Устранило вопросы влияния родного языка на изучение иностранного языка.

• **Массовый** (как по числу билингвов, так и по социальной значимости в обществе); **групповой** и **индивидуальный** (по количеству билингвов).

Массовый - знание и использование двух языков большинством этноса.

Групповой билингвизм подразумевает знание двух языков в определенной социальной, профессиональной и т.д. группе.

Индивидуальное знание и использование двух языков отдельными членами определенного этноса;

Рассмотрим каждый вид подробнее в отдельности. Пожалуй, Казахстан является единственной страной, где **массовый** билингвизм представлен так ярко. Это отмечают многие лингвисты: «В настоящее время сформированы и наблюдаются на территории РК следующие типы двуязычия: **массовое** казахско-русское, **национально-русское** двуязычие, т.е. знание и

использование двух языков большинством этноса...»; «В республике (Казахстан) преобладает одностороннее двуязычие с тремя разновидностями: общенародное, локальное (региональное) и, ... групповое. Самое распространенное - национально-русское. Среди казахов преобладает субординативное казахско-русское двуязычие». «Казахстан, исторически сложившийся как многонациональное государство, в языковом плане всегда характеризовался массовым казахско-русским билингвизмом, возникновение которого связано с политикой русификации в бывшем СССР, с популярностью русского языка как средства межнационального общения». Многолетнее внедрение русского языка в Казахстане и других странах СНГ сыграло свою роль в использовании им в той или иной мере львиной долей всего населения данных стран. Причем в Казахстане можно наблюдать случаи массового билингвизма не только в больших мегаполисах, но и в малых провинциальных городах и даже селах.

Е.М.Верещагин определяет групповой билингвизм как «способность некоторого количества членов определенной языковой общности, входящих по некоторому признаку в одну социальную группу, употреблять в общении не только первичную языковую систему, но и вторичную». Групповой билингвизм характеризуется малочисленностью субъектов общения на двух разных языках. Например, в Индии «для определенной социальной прослойки населения, а именно -- для индийского жречества и интеллигенции, получившей ортодоксально индуистское воспитание» характерно использование санскрита. Групповой билингвизм особенно характерен для профессиональных коллективов, где имеет место ежедневное общение на двух языках (например, преподаватели иностранных языков).

Индивидуальный билингвизм тесно связан с неконтактным культурным двуязычием, поскольку «индивидуальное двуязычие отдельных лиц направлено на то, чтобы одноязычные члены общества могли ознакомиться с достижениями культуры других народов». В настоящее время полиглотов и космополитов в среде безграничного обмена информацией в любой сфере жизнедеятельности человека через интернет такой тип билингвизма - редкое явление, связанное с профессиональной деятельностью (например, изучение какого-либо языка с целью ознакомления с памятниками Древней письменности).

• **Ранний, подростковый, юношеский** (по признаку возраста, в котором индивидом был усвоен второй язык).

Под ранним билингвизмом подразумевается детский билингвизм, когда ребенок осваивает два языка родной и неродной одновременно; подростковый билингвизм часто совпадает с юношеским, при изучении второго, обычно иностранного, языка в школе или в вузе.

Впервые детский билингвизм был исследован зарубежными учеными Ронжей (1913) и В.Леопольдом (1939-1950).

Ранний билингвизм, или иными словами, детский билингвизм, относят к проблемам особого рода. При этом высказывались противоположные доводы

«за» и «против» раннего билингвизма. Р.М.Фрумкина пишет, что одним из первых мнение о вреде детского билингвизма высказал представитель школы ассоциативной психологии И.Эпштейн, аргументируя свою позицию следующим образом: «Мышление это ассоциации между словами и понятиями. Если одному и тому же понятию С в одном языке соответствует слово А, а в другом языке слово В, то установившаяся ассоциация «слово-понятие» АС мешает установиться другой ассоциации – ВС. Когда же все-таки образуются две ассоциации АВ и АС (т.е. смысл С в двух разных языках представлен разными словами), то они конфликтуют друг с другом. Исследователь детской речи У.Стерн по тем же причинам придерживался как раз противоположной точки зрения. Он писал, что различия между языками представляют собой могучий стимул для сравнений и разграничений, для понимания смысла понятий...».

«Ребенок может осваивать несколько языков одновременно или же освоить один язык прежде другого. В научной литературе первый случай называется симультанным билингвизмом, второй – последовательным билингвизмом».

Ученые-языковеды, занимающиеся изучением детского билингвизма предлагают использовать следующие стратегии для формирования билингва:

1. Одна личность – один язык, т.е. каждый родитель общается с ребенком на своем языке;
2. Один язык используется дома, второй – вне дома;
3. Использование в детстве только родного языка с последующим постепенным вводом второго;
4. Постоянное попеременное использование обоих языков.

Стратегия «Одна личность – один язык» присущ смешанным бракам, когда родители обращаются к ребенку каждый на своем языке. Ребенок становится двуязычным, но не исключается возможность межъязыкового взаимодействия и взаимовлияния языков, т.е. интерференции и интеркаляции.

Стратегия использования одного языка дома, а другого вне дома предполагает общение дома на родном языке, а в детском саду или школе – на втором. При этой стратегии возможно равномерное развитие билингвизма у ребенка, но возможно и постепенное доминирование второго языка, следствием которого может быть языковой сдвиг.

На наш взгляд, стратегия использования в детстве родного языка с последующим вводом второго является наиболее правильной в свете имеющих место таких явлений, как замещаемый билингвизм, или утеря родного языка. Прежде чем вводить второй язык, у ребенка должна сформироваться довольно прочная языковая база, основанная на родном, этническом языке. Г.Алдабергенова экспериментально обосновывает свою позицию, согласно которой «билингвизм с доминирующим неродным языком может ощутимо отрицательно влиять на становление этнического самосознания личности, сохранение ею этнокультуры» и ссылается на

положение Потепни А.А. «о необходимости ознакомления учащихся с неродным языком лишь при условии достаточного знания родного языка».

К сожалению, в нашей стране нередки случаи, когда родители используют последнюю стратегию, т.е. используют оба языка вперемешку. Личный опыт позволяет утверждать, что данная стратегия является неправильной, поскольку ребенок также начинает смешивать в своей речи элементы обоих языков. Непосредственным результатом такой стратегии являются «интра-сентенциальное и интерсентенциальное переключения», когда билингв использует вкрапления одного языка внутри (интра) и между (интер) предложениями на другом языке.

В работе Алдабергеновой Г.Д. представлена общая модель в достижении билингвизма, заимствованная у Протасовой Е:

1-ая ступень длится до полных двух лет. В это время ребенок еще не способен отличать один язык от другого. Запас слов используется как часть одной глобальной языковой системы.

На 2-ой ступени ребенок может смешивать два языка, но они все больше различаются.

На 3-ей ступени ребенок редко путает языки.

Какой бы стратегией ни пользовались родители, важно помнить следующее: «Пробуждение самосознания и личностной памяти ребенка (обычно на 3, 4 году жизни) необходимо совершать на его родном языке. Не следует учить его чужим языкам до тех пор, пока он не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. В дальнейшем же в семье должен царить культ родного языка...».

• **Симметричный и асимметричный** (по характеристике социально-ролевой и функциональной равноправности двух языков).

Симметричный билингвизм развивается при «симметричных», т.е. равноправных отношениях между двумя различными языками, функционирующими в обществе. Разумеется, асимметричный билингвизм, напротив, имеет место при функционально неравноправных отношениях между языками и проявляется через формы пассивного и скрытого билингвизма.

Билингвизм - явление, в той или иной степени характерное для каждой страны. В силу коммуникативной природы человека и невозможности его существования вне общества, которое не всегда бывает одноязычным (особенно в настоящее время полиглотов), человек добровольно или насильственным путем вынужден овладеть вторым языком. В любом случае это происходит «по насущной необходимости в общении между разноязычными группами населения...». Так возникает «язык-посредник» который трактуется В.А. Чернышевым как «язык, используемый для целей коммуникации двумя и более национальными группами, ни для одной из которых он не является родным языком». Являясь, по сути, чуждым для значительной части населения, но выполняя максимальное количество общественных функций, языки-посредники становятся доминирующими

языками, порождая в стране ассиметричный билингвизм. «Если в стране один из языков является государственным, официальным, а другие языки низводятся на положение местных, разговорных, неофициальных, то такая языковая ситуация называется неравноправной. Так, языки индейцев в Латинской Америке низведены в ситуацию местных языков, хотя среди носителей их есть миллионные народы: кечу более 13 млн. человек, гуарани - около 3 млн., майя - около 1 млн. человек. Примером неравноправия языковой ситуации также может служить Бретань: бретонский язык, имеющий четыре диалекта, используется здесь крестьянами и моряками, а в школе и при ведении административных дел в области культуры используется французский язык». По мнению Г.Ю.Аманбаевой, «ассиметричное двуязычие предполагает двуязычие в одной части страны, где население владеет как миноритарным, так и мажоритарным языками и одноязычие в другой части, где жители используют в основном мажоритарный язык. Ассиметричное двуязычие ограничивает сферы употребления миноритарного языка и создает определенную угрозу для его будущего».

Ассиметричный билингвизм реальность сегодняшнего дня в Индии (английский язык и хинди), Нигерии (английский и языки ибo, йоруба и зауса), Квебеке (испанский и бакский, французский и английский), Бельгии (французский и нидерландский).

Ни для кого не секрет, что ассиметричный билингвизм присущ и Казахстану, хотя в последнее время наблюдается тенденция к повышению престижа казахского языка, как государственного. В этой связи утверждение Р.С. Гильмановой в статье «Языковая ситуация в РК»: «ситуация равноправия - особенность национально-языкового развития республик СНГ» нуждается в переосмыслении.

Б.Хасанулы определяет функциональное неравенство двух языков как «дидлингвизм» и считает, что это «естественное нормальное явление» и добавляет: «Однако ненормально то, что язык большинства непрерывно функционирует в качестве дублера де-факто мажоритарного языка - языка другого народа, который уступает по численности в стране». Проблема, которую затрагивает Б.Хасанулы, касается не только Казахстана и его современной языковой ситуации, но и многих других стран, борющихся за господствующее положение языков титульных наций. К ним относится и Индия, которая до сих пор не может добиться доминирующего статуса языка хинди, хотя он является официальным государственным языком наряду с английским.

Что касается симметричного билингвизма, обычно первым примером страны, где действует равноправная языковая ситуация, называют Швейцарию: в этой стране четыре языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) юридически и функционально равноправны. В качестве примера симметричного билингвизма также можно привести Финляндию, где официальными являются шведский и финский языки.

Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что среди данных языков и их носителей существует абсолютное взаимопонимание, так как на наш взгляд, симметричный билингвизм и полиязычное общество - явления, не всегда соотносимые.

• **Пассивный и активный** (по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва).

Активный билингвизм разновидность билингвизма, при котором говорящий свободно владеет как навыками порождения речи на Я2 (и в письменной, и в устной форме), так и навыками восприятия иноязычной речи. При активном билингвизме сфера применения индивидом обоих языков довольно широка.

При пассивном билингвизме индивид понимает речь на Я2, но не говорит на нем. В некоторых случаях человек обладает навыками чтения на Я2. Пассивный билингвизм представляет собой низшую ступень билингвизма.

Активный и пассивный типы билингвизма являются очень распространёнными и тесно взаимосвязаны между собой, так как пассивный билингвизм всегда может перерасти в активный и наоборот, активный в пассивный. В последнем случае речь будет идти о замещаемом билингвизме, который рассмотрим ниже.

Развитие активного и пассивного билингвизма зависит от таких факторов, как отношение ко второму языку (престижность - непрестижность); степень различия языков (структурная сложность); возраст обучения языку и языковая практика.

Казахстан, как полиэтническая и полиязычная страна, характеризуется наличием и активного, и пассивного типов билингвизма. Национально-русское двуязычие, сформировавшееся десятками лет, имеет под собой обоснованные корни. «Свободное владение русским языком, информированность в сфере русской культуры, знание и учет в речевом поведении менталитета русского народа являлись своеобразным ключом, открывавшим доступ к полноценному образованию, карьерному росту». Распространённость русского языка и обусловила появление активного национально-русского типа билингвизма в нашей стране.

Пассивным национально-казахским билингвизмом отличаются представители всех этнических групп в Казахстане.

• **Естественный и искусственный** (по способу освоения второго языка).

В условиях естественного билингвизма изучение языка связано с необходимостью обмениваться информацией с другими людьми, для которых данный язык является первичным в процессе жизнедеятельности. Изучаемый язык усваивается при непосредственном контакте с носителями Я2.

При искусственном билингвизме изучение Я2 часто является самоцелью, т.е. процесс усвоения осуществляется посредством учебных пособий, в отрыве от культуры изучаемого языка.

Особенности естественного и искусственного типов билингвизма подробно представлены А.Е.Карлинским. Проведенный С.Тулеповой анализ различий естественного и искусственного типов билингвизма позволил выявить факторы, обусловившие эти различия:

1. Различия в целях, т.е. при естественном билингвизме использование языка жизненная необходимость, связанная с потребностью индивида, находящегося в иноязычном окружении, в коммуникации. Цель овладения вторым языком при искусственном билингвизме не всегда обусловлена необходимостью обмена информацией.

2. Различия в способе усвоения второго языка. Естественный билингвизм характеризуется «стихийностью» и «неуправляемым характером». Второй язык усваивается при непосредственном контакте с его носителями. При искусственном билингвизме усвоение Я2 происходит в образовательных учреждениях без наличия языковой среды.

3. Различия в оценке речевой деятельности билингва. При естественном билингвизме речевая деятельность билингва направлена на обмен информацией с носителем второго языка и оценивается с точки зрения взаимопонимания, то есть наблюдается определенная терпимость к различным ошибкам билингва. В большинстве случаев данные ошибки могут просто игнорироваться. При искусственном билингвизме коммуникативная ценность речевой деятельности зачастую отходит на второй план, а основное внимание и преподавателей, и учащихся направлено на достижение грамматически правильной речи на Я2.

4. Различия в способах фиксации отношений фактов языка к фактам действительности. При естественном билингвизме познание языка происходит через его реальное использование, путем создания речевых произведений согласно фактической коммуникативной ситуации. В искусственных условиях язык усваивается в результате выполнения различных упражнений и тренировок, которые подготавливают билингва к реальной коммуникативной ситуации.

5. Расхождения в отношении язык + культура. Как известно, язык и культура явления неразделимые. В этой связи при искусственном билингвизме усвоение языка происходит в отрыве от культуры, которую он обслуживает. При естественном билингвизме происходит параллельное познание и языка, и культуры, что значительно повышает языковую компетенцию билингва.

6. Несовпадение результатов языкового взаимодействия. В естественных условиях могут иметь место следующие результаты контакта языков билингва: интерференция, интеркаляция в синхронном плане, трансференция, транскаляция в диахроническом плане. При

искусственном билингвизме отмечается исключительно влияние родного языка билингва на его речь на Я2.

В нашей стране примером рассматриваемых типов билингвизма являются широко распространенный естественный национально-русский, встречаемый реже русско-казахский билингвизм. В последнее время в связи с актуальностью знания английского языка наблюдается тенденция к быстрому развитию искусственного национально-английского билингвизма.

• **Односторонний и двусторонний** (виды коллективного билингвизма, выделяющиеся по признаку владения двумя языками обоими контактирующими коллективами или только одним из них).

При одностороннем билингвизме имеется в виду владение и использование какого-либо второго языка индивидом или группой индивидов в монологичном социуме, для которого данный язык является родным. Понятие односторонний билингвизм тесно связано с понятием язык-посредник, функционирующий во многих странах в естественных условиях (Индия, Западная Африка, Таиланд, Папуа Новая Гвинея, Камерун и др.).

Двусторонний билингвизм предполагает знание обоих языков обоими контактирующими сторонами. В искусственных, т.е. учебных условиях односторонний билингвизм (владение иностранным языком только преподавателем) постепенно перерастает в двусторонний, при котором происходит овладение данным иностранным языком и обучаемых.

• **Контактный и неконтактный** (по преобладающим ситуациям общения билингва).

Контактный наблюдается при поддержании билингвом связи с носителями языка и чаще всего имеет место при естественном билингвизме, в то время как неконтактный подразумевает отсутствие такой связи и приобретает в искусственных условиях. Интерференция родного языка может присутствовать как при контактном, так и при неконтактном билингвизме.

• **Национальный и региональный** (по этноязыковому признаку билингвов).

Национальный билингвизм означает знание двух языков в рамках одной страны.

Региональный знание и использование двух языков жителями определенного района страны. Признаки как национального, так и регионального билингвизма налицо в нашей полинациональной республике.

В Казахстане функционируют два основных языка: казахский как государственный и русский в качестве официального языка межэтнической коммуникации. Поскольку в стране живут и работают представители более 130 национальностей, здесь сформировались следующие виды национального билингвизма: национально-русское, казахско-русское, русско-национальное, русско-казахское.

Некоторые регионы (города или села) республики отличаются сконцентрированностью представителей других национальностей, например,

узбеков в Южно-Казахстанской области, уйгуров в Алматинской области. В этой связи в данных регионах возникло, соответственно казахско-узбекское и узбекско-казахское, казахско-уйгурское и уйгуро-казахское региональное двуязычие.

• **Сбалансированный и несбалансированный** (по уровню языковой компетенции билингва) – то же, что и равноценный, доминантный билингвизм.

В словаре социолингвистических терминов дается следующее определение понятия «доминирующий язык»: «(от латинского *dominans dominantis* - господствующий, каз. *басымды тіл*, англ. *primary language, dominant language*) иногда - первичный язык; один из языков при двуязычии, степень знания и использования которого превышает степень знания и использования другого языка. Доминирующий язык может совпадать или не совпадать с родным языком, первым языком, вторым языком. Д. я. подвижная категория, может меняться в течение жизни билингва». Исходя из этого, доминантный или другими словами, несбалансированный билингвизм - билингвизм, при котором один из языков билингва господствует над другим. Здесь следует подчеркнуть некоторое сходство данного типа билингвизма с субординативным типом, когда билингв недостаточно хорошо владеет вторым языком или одним из языков.

Соответственно, налицо факт сходства сбалансированного типа с координативным.

• **Функциональный и этнический** (по характеристике преобладающих сфер общения, в которых билингв употребляет второй язык).

В том же словаре находим следующую трактовку: «Функциональное двуязычие (от лат. *functio* исполнение), каз. *мақсатты қостілдік*, англ. *Functional bilingualist* - противопоставляется этническому, наблюдается в ситуации, когда два языка используются одним народом, при этом один - это этнический язык данного народа, другой надэтнический язык, который используется в специальных функциях или особых ситуациях общения».

В Казахстане присутствуют и функциональное, и этническое двуязычие, обусловленное использованием в одном социуме двух языков одним народом. В настоящее время в связи с расширением функций государственного языка наблюдается тенденция к изменению характера этнического билингвизма, который все более приобретает черты функционального.

• **Дополнительный и замещаемый билингвизм.**

При дополнительном билингвизме билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом;

При замещаемом - по мере овладения вторым языком теряет компетенцию в первом.

Замещаемый тип билингвизма - самый нежелательный из всех известных типов. Умение владеть несколькими языками - дар природы

человеку. Утеря одного из языков подразумевает утерю драгоценного свойства индивида воспринимать окружающую реальность более дифференцированно, означает утерю самоидентификации.

При конечном этапе замещаемого билингвизма вообще трудно говорить о каком-либо виде двуязычия, так как индивид, полностью утрачивая навыки использования первого языка, превращается в монолингва, тем самым обедняя свою духовную сущность.

Литература

- 1) Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Алматы: Қазақ университеті., 2005.
- 2) Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социоллингвистики). Л.: Наука, 1975.
- 3) Никольский Л.В. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. М.: Наука, 1965. –с. 111-124.
- 4) Ахметжанова З.К., Копыленко М.Я. Закон о языках и развитие двуязычия и многоязычия в Казахской ССР. Алма-Ата, 1990.
- 5) Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы. Экономика, 2006.

Вопросы для самоконтроля

- 1) Координативный и субординативный типы билингвизма.
- 2) Массовый, групповой и индивидуальный билингвизм.
- 3) Стратегии формирования детского билингвизма, плюсы и минусы.
- 4) Симметричный и асимметричный билингвизм.
- 5) Пассивный и активный билингвизм.
- 6) Естественный и искусственный билингвизм.
- 7) Односторонний и двусторонний билингвизм.
- 8) Сбалансированный и несбалансированный билингвизм.
- 9) Дополнительный и замещаемый билингвизм.

Языковая интерференция: основные факторы и типы

Хотя интерференция -- термин, заимствованный из области точных наук (Алимов В.В.), в лингвистике он означает почти то же самое - вторжение, препятствование, отрицательное влияние. Поскольку языковая интерференция является следствием языкового контактирования, в целях рассмотрения данного явления более подробно, нам необходимо исходить из теории взаимодействия языков. Наиболее полная картина теории языковых

контактов представлена А.Е.Карлинским в фундаментальной работе «Основы теории взаимодействия языков», где дается полное описание и характеристика языковых влияний, имеющих конечный результат и в речи, и в языке. Ученый проводит разграничение результатов языкового контактирования, которое может проявляться двояко: либо в речи билингва на любом из двух языков, которым он пользуется (речевая мутация), либо в силу влияния определенных причин - в языковой системе (языковая диффузия). «В первом случае речь идет о чисто синхронном взаимодействии, не затрагивающем языковую систему, во втором -- о языковом изменении, связанном с проникновением иноязычных элементов в языковую систему, которое может в конечном итоге привести к ее перестройке» и предлагает различать при речевой мутации интерференцию и интеркаляцию, а при языковой диффузии соответственно -трансференцию и транскаляцию.

Интересна точка зрения Б.Хасанулы: «Во-первых, когда мы говорим о преодолении интенференции, то это должно касаться не только родного языка, но и второго; во-вторых, понятие «интерференция» должно охватывать отрицательное влияние не только родного языка на второй, но и обратный процесс». Хотя для данного «обратного процесса» имеется термин «интеркаляция», автор не употребляет его, вследствие чего наблюдается сходство с позицией У. Вайнрайха: «Случаи отклонения от норм двух языков, которые наблюдаются в речи билингвов как результат языкового контакта, называются явлениями интерференции». Хотя данное определение интерференции принимается всеми учеными-лингвистами, на наш взгляд, оно слишком широко, так как здесь речь идет об отклонениях от норм и родного, и иностранного языков. Наиболее близкую к У.Вайнрайху позицию занимает В.Ю. Розенцвейг, отмечая, что «интерференция -- это нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы».

Лаконичная дефиниция, предлагаемая Л.М.Уман, также часто цитируется, однако не учитывает характера и направления языкового влияния: «Интерференция - объективный процесс, возникающий при языковом контакте независимо от воли и желания говорящих». К тому же, исходя из психологической основы возникновения интерференции, которое объясняется внутрисубъектным взаимодействием языков, едва ли можно считать его чисто объективным процессом.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н.Ярцевой интерференция определяется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка», но дается более точная трактовка - «выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного».

Мы придерживаемся позиций, выраженных в исследованиях таких казахстанских ученых, как Копыленко М.М., Карлинский А.Е., Кунанбаева С.С., Ахметжанова З.К., Абдигалиев С.А., Сабитова М.Р.и других, где

понятие интерференции рассматривается как синхронное явление в речи, причем явление, имеющее место при субординативном типе билингвизма и характеризующееся исключительно отрицательным влиянием родного языка. Хотя при координативном типе билингвизма также можно наблюдать влияние родного языка на иностранный, данное влияние не является отрицательным, а скорее, положительным (конструктивным, по В.В.Алимову). В частности, И.Н.Григорьев, исследуя синтаксическую интерференцию в произведениях В.Набокова, эмпирически установил связь между русскими текстами писателя и их английскими аналогами. Примечательно то, что при описании и анализе способов выражения художественного текста В.Набокова ученым не используется термин «фацилитация». Применяемый им термин «интерференция», на наш взгляд, никак не совместимо с уникальным билингвизмом писателя.

Мы считаем, что при рассмотрении интерференции необходимо не только четкое разграничение направления языковых влияний, но и уточнение ее лингвистического и психологического толкования, поскольку данное явление обусловлено как особенностями субстанциональных свойств языков в контакте, так и психическими процессами, связанными с внутрисубъектным сосуществованием данных языков и правилами их соотношения.

С точки зрения лингвистики «интерференция является функцией двух языковых систем, ее качество и количество в каждом конкретном случае зависит от субстанциональных свойств языков, находящихся в контакте. Отклонения от нормы Я2, наблюдаемые в тексте или в речи, лингвист объясняет только качественными различиями между единицами и правилами их функционирования в обоих контактирующих языках независимо от знаний, умений и навыков в сфере Я2 у конкретного билингва или группы билингвов, а также без учета социальных функций, выполняемых данными языками в обществе. Поэтому факторы, являющиеся существенными для психолингвиста и определяющие степень владения Я2 билингвом, оказываются несущественными для лингвистического понимания интерференции».

В.В.Алимов под лингвистической интерференцией понимает вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным, где под конструктивным вмешательством имеется в виду положительный перенос (фацилитация), а под деструктивным отрицательный перенос (интерференция).

Психологической основой интерференции В.В.Алимов считает «подмену перцептивных эталонов одного языка перцептивными эталонами другого языка, которые наблюдаются при отсутствии или недостаточной сформированности эталонов народном языке».

На наш взгляд, наиболее релевантной представляется психологическая трактовка С.Л.Рубинштейна: «Интерференция – это тормозящее

взаимодействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых, либо снижают их эффективность».

Схожее, но более детальное объяснение предлагает А.Е.Карлинский в другой работе: «Овладение неродным языком протекает не автономно, а во взаимодействии с родным языком. Как и при переходе к любой другой деятельности человек стремится использовать уже имеющиеся навыки для овладения другой схожей деятельностью. ...Установлено, что между родным и неродным языками имеет место взаимодействие, которое влияет на овладение последним. Это взаимодействие оказывает двойное влияние на речь двуязычного человека: либо положительное, либо отрицательное».

Определенный интерес представляет современный подход зарубежных лингвистов к рассмотрению психического механизма интерференции. Как известно, согласно бихевиористской теории понятие интерференции занимает центральное место в овладении Я2. Заслугой бихевиоризма является то, что он объясняет причины вторжения Я1 в речь на Я2 с психологических позиций. Считается, что интерференция является результатом проактивного препятствования (*proactive inhibition*). Это связано с тем, как предыдущие языковые навыки препятствуют созданию новых. Если значения элементов Я1 и Я2 совпадают, но их реализация происходит по-разному, возникает ошибка. Овладение Я2 требует развития нового навыка в каждом случае подобного расхождения. Для того, чтобы эти навыки сформировались, билингв должен преодолеть *proactive inhibition*. Билингву не требуется преодолевать *proactive inhibition* при идентичности элементов и форм их реализации в обоих языках.

В нашем понимании интерференция является результатом внутрисубъектного конфликта двух языковых систем, при котором доминирующая языковая система сознательно или подсознательно «навязывает» свои правила.

Как известно, с точки зрения психолингвистики основным фактором, влияющим на возникновение интерференции, является отрицательный перенос. «Характерной чертой актуализации навыков и умений является их взаимодействие. Если операция, выполняемая на основании одного навыка или умения, подобна операции, выполняемой на основе другого навыка или умения, то при выполнении первой операции в ее состав могут включиться компоненты второй. Такое явление в психологии называется интерференцией (или переносом, транспозицией) навыков и умений». Из данного утверждения трудно определить, идет ли речь только о переносе навыков родного языка или имеет место перенос навыков ранее изученных структур иностранного языка.

Например, билингв может научиться составлять предложения типа *He told him to come, He asked him to something* и по аналогии далее составляет ошибочные предложения типа **He made him to come (неправильно)* вместо *He made him come*.

Ошибки данного типа являются результатом косвенной интерференции, под которой Нгуен Тхьонг Ванн понимает «явления, вызванные фактором структурно-релевантных признаков изучаемого языка в результате их отсутствия в родном». К прямой интерференции автор относит «явления, обусловленные прямым переносом языковых фактов из родного языка в речь на изучаемом». Подробнее виды интерференции будем рассматривать ниже. В данном случае нашей целью было лишь уточнение направления языкового влияния: «...Отрицательный перенос навыка или интерференция связан с использованием в иноязычной речи своих единиц и правил вместо чужих, отсутствующих в неродном языке».

В зарубежной лингвистике существуют две точки зрения на отрицательный перенос и роль родного языка в овладении неродным: согласно первой овладению иностранным языком препятствует родной язык обучающегося, который является основным источником ошибок. «Мнение о сильном влиянии родного языка на овладение иностранным является общеизвестным. Общеизвестно также и то, что данное влияние является отрицательным». «Абсолютно очевидно, что интерференция родного языка или ранее выученных родных языков представляет одну из главных трудностей в изучении нового языка».

Сторонники второй позиции отводят главную роль стратегии обучения и сформированности навыков в применении правил Я2. Не отрицая важности родного языка вообще, они существенно преуменьшают его роль в овладении Я2. «Наши данные об овладении синтаксическими структурами Я2 в естественных условиях подтверждают, что интерференция не является единственной проблемой в данной сфере». Например, J.D. Patega, анализируя ошибки обучающихся, заключает, что отрицательный перенос является результатом недостаточного освоения Я2 и осуществляется сознательно или подсознательно (*conscious and unconscious transfer*). Билингв иногда сознательно переносит из родного языка единицы или правила их функционирования, чтобы восполнить недостаточно сформированные области Я2, тогда как при подсознательном переносе, опираясь на родной язык, он может и не осознавать о наличии определенных расхождений в контактирующих языках. Также ученый отмечает 4 типа ошибок при отрицательном переносе, т.е. при интерференции: 1) omission (элиминация); 2) addition (добавление); 3) malformation (несовершенство, искажение формы); 4) disordering (репласация).

Наиболее развернутая классификация типов ошибок представлена в работе Nada AbiSamra «An Analysis of Errors Arabic Speakers' English Writings», где автор описывает лексические, грамматические, синтаксические и орфографические ошибки в англоязычной речи 10-ти студентов-арабов и подразделяет их на внутриязыковые (*intralingual*), то есть не обусловленные влиянием родного языка; межязыковые (*interlingual*), обусловленные влиянием родного языка; двусмысленные (*ambiguous*), которые можно причислить и к внутриязыковым, и к межязыковым ошибкам; уникальные

(unique), которые невозможно причислить ни к внутриязыковым, ни к межъязыковым ошибкам.

J.Richards предлагает различать их следующим образом:

Межъязыковые ошибки вызванные исключительно отрицательным переносом навыков родного языка на изучаемый;

Внутриязыковые ошибки - те, которые отражают общую характеристику овладения Я2: а) сверхообобщение правил Я2 (over-generalisation). Например, *he can sing, we are here, it is occurs, he come from*. Причиной подобных ошибок считается попытка «снизить лингвистическую обузу», т.е. обобщить структуры настоящего времени. Элиминация флексии s в последнем примере объясняется тяготением использовать нулевое окончание под давлением других форм: *I come, you come, we come, they come*; б) неадекватное применение правил (incomplete application of rules). Например, **And violate the rights and freedoms of another people. (And vioate the rights and freedoms of other people)*. Подобные ошибки возникают в связи с недостаточной сформированностью навыков употребления правил Я2 в речи на данном языке; в) игнорирование ограничений в правилах (ignorance of rule restrictions). Примером могут послужить следующие ошибочные конструкции **I made him to do it* (по аналогии с *I want him to do it*), **hr explained me the book (he showed me the book)*, **follow with him (followhim)* и т.п.

P.Corder придерживается мнения, что развивающиеся ошибки - результат переноса имеющихся в наличии навыков Я1 на недостаточно сформированные области Я2. По его мнению, интерференция в данном случае является стратегией билингва заполнить пробелы в Я2, используя Я1. В случае совпадения формальных признаков в обоих языках ошибки может и не быть, в случае расхождения - налицо факт интерференции. K.Ellis вообще считает, что отличить неинтерферентные ошибки от интерферентных довольно трудно.

J.Edge рассматривает четыре фактора, способствующих возникновению ошибок при производстве речи на Я2: 1) влияние Я1; 2) неправильное применение правил; 3) абсолютное незнание правил; 4) человеческий фактор (или эмоциональный), обуславливающий возникновение ошибок под воздействием усталости, спешки, напряжения, возбуждения (такие ошибки известны преподавателям иностранных языков, как *slips of the tongue*. Данные факторы являются комбинацией всех вышеперечисленных, кроме *slips of the tongue*.

Существует гипотеза, схожая с гипотезой J.D.Parera. Это - гипотеза незнания, предлагаемая Ньюмарком и Рейбелом для объяснения ошибок билингва: «Взрослый человек может захотеть сказать то, что он еще не умеет говорить (на Я2), и он использует для этого все средства, имеющиеся в его распоряжении...». Необходимо учесть, что сторонники гипотезы незнания имеют в виду билингвов, вынужденных строить модели Я2 в естественных условиях. Нас же интересует ситуация незнания, когда билингв изучает Я2 в

дидактическом процессе. В данном случае его незнание объясняется недостаточным освоением учебного материала, следствием которого становятся внутриязыковые ошибки. К. Джеймс считает, что незнание - это не альтернатива интерференции, а в лучшем случае ее предварительное условие: если формальные средства для передачи некоторой функции в Я1 и Я2 тождественны, обучающийся попросту успешно перенесет единицу Я1 в Я2. И лишь в том случае, когда средства различны, а обучающийся тем не менее осуществляет перенос единицы Я1, возникает интерференция и вместе с ней ошибка.

Принимая во внимание противоречивость мнений самих зарубежных Ученых и некоторые наблюдения, сделанные в ходе освещения вопросов, касающихся характера ошибок, мы пришли к выводу, что подавляющее большинство ошибок возникает под влиянием родного языка билингва. В основном, все типы ошибок, рассмотренных выше, можно отнести к интерферентным, так как их изначальная природа кроется в различиях между Я1 и Я2, что находит отражение в неадекватном применении правил Я2 в речи на данном языке.

Вопросы для самоконтроля

- 1) Понятие интерференции.
- 2) Типы интерференции.
- 3) Формы интерференции.

Стереотипы

В современной науке доминирует представление о необходимости комплексного подхода к исследованию тех или иных фрагментов действительности, что позволяет выявить ряд пограничных понятий. К числу таких понятий относится стереотип, который требует изучения с позиции лингвокультурологии, лингвокогнитологии, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, психологии.

Вербальные стереотипы – неременный компонент языковой картины мира, под которой понимается отраженный в языке образ мира, сложившийся у представителей конкретного этноса.

В казахстанской лингвистике проблема стереотипов исследовалась Г.И.Исиной, в чьих трудах рассматривались стереотипы в языковой и концептуальной картинах мира, особо акцентировалось внимание на фразеологических стереотипах на материале английского языка в его британском, американском и австралийском национальных вариантах. В последующем изложении мы будем активно использовать исследование данного ученого.

Существуют разные дефиниции стереотипов. Психолог Шелли Тэйлор в рамках категориального подхода определяет стереотипы как атрибуты, которые приписывают индивидам, принадлежащим к определенным категориям (таким, как раса, возраст, пол).

Различают социальные стереотипы, ментальные стереотипы, этнические стереотипы, стереотипы общения и стереотипы поведения.

Стереотип рассматривается как суперфиксированное и суперустойчивое представление об объекте или категории объектов (явлений, процессов) действительности, содержащееся в общественном сознании [Прохоров, 73].

В работе В.Г.Крысько мы находим более подробную характеристику социальных стереотипов: «стандартизованные, устойчивые, ценностно окрашенные и эмоционально заряженные представления об окружающей действительности и других людях, которые формируются под влиянием определенных условий общественной жизни и деятельности или под воздействием других людей и которые распространяются посредством культуры и языка в конкретных социальных группах. Исследователь суммирует признаки социальных стереотипов следующим образом. Они:

- влияют на поведение, деятельность людей и на восприятие нового;
- формируются в большинстве случаев стихийно;
- служат защите сложившихся традиций и представлений;
- включают оценочный компонент (негативный/позитивный), отражающий эмоциональное отношение к объекту;
- экономят мышление и суммируют исторический опыт;
- не отражают действительность, а являются знаком действительности;
- характеризуется высокой степенью устойчивости, но в то же время и изменяемы;
- не являются абсолютно истинными, могут быть абсолютно ложными;
- в случае усиления социальной напряженности между группами становятся резко враждебными [Крысько, 134].

В данном представлении социальных стереотипов каждый из выделенных признаков требует отдельного комментария.

Так, такое свойство стереотипов, как экономия мыслительных усилий, отмечается всеми исследователями: люди не стремятся реагировать каждый раз по-новому на окружающий мир, они используют уже ранее сложившиеся

представления о тех или иных объектах действительности. Стереотипы позволяют упорядочить поток социальной информации.

Процесс стереотипизации осуществляется двумя способами:

- конкретизацией - абстрактные, трудно усваиваемые понятия поясняются через какие-то конкретные образы, понятные для всех членов данной группы. Каждый раз, когда используется понятие *религиозный экстремизм*, перед глазами казахстанцев встает образ бородатого мужчины (молодого или среднего возраста), который фанатично борется за насаждение религиозных канонов в его понимании, не считаясь с реалиями современной жизни;

- упрощением - выделением одного или нескольких простых признаков в качестве основополагающих для раскрытия сложных явлений. Например, в основе стереотипа *типичный узбек*, существующего в сознании большинства казахов, лежит признак *торгующий сухофруктами*, за пределами стереотипа остаются такие существенные признаки, как «трудолюбие», «экономность», «любовь к семье, детям», «умение работать на земле» и др.

Такой признак, как стихийное формирование стереотипов, объясняется тем, что социальные стереотипы закрепляются в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования сознания людей на тех или иных явлениях и событиях, обычно помимо воли самого человека, под влиянием определенных условий общественной жизни и деятельности. Поэтому частотность тех или иных явлений, значимость их для жизни самого человека, плюс акцентирование внимания общества на этих явлениях становятся благодатной почвой для формирования и закрепления и социальных стереотипов, и стереотипов общественного сознания.

Нужно иметь в виду, что формирование стереотипов иногда происходит целенаправленно под влиянием социума, через определенные институты, например, через СМИ. Неоднократное акцентирование внимания в российских теле и радиотекстах на участии в подготовке и проведении террористических актов на территории России представителей народностей Кавказа, использование клише *лица кавказской национальности* в данном контексте направлено на формирование отрицательного стереотипа, в котором такой признак, как *обостренное внимание к защите чести и достоинства*, исконно присущее горцам, преподносится как склонность к неоправданной агрессии, в конечном счете, к терроризму, частные случаи участия в террористических актах возводятся на уровень типичного. В стереотипизации механизм экономии усилий, структурирования предшествующего опыта представляется крайне важным. Г.И.Исина, опираясь на суждения А.П.Садохина и Т.Г.Грушевицкой, так характеризует этот механизм: «Каждое общество накапливает опыт взаимодействия со внешней средой, приобретение, хранение и передача которого является непременным условием существования коллектива. Естественно, что человек не в состоянии в течение своей жизни овладеть всей информацией, необходимо произвести ее упорядочивание и отобрать наиболее важные ее

фрагменты. На это и ориентирован механизм стереотипизации» [Исина, с.13]. И далее ученый приводит мнение А.П.Садохина и Т.Г.Грушевицкой: «...накапливаемая информация предстает не просто как сумма полезных знаний, но как определенным образом организованный опыт, которой благодаря своей структурированности может быть передан следующим поколениям. Кроме того, подобный стереотип позволяет сохранить рабочий объем передаваемой информации, легко заменяя ее отдельные фрагменты при появлении новых данных» [Садохин, Грушевицкая, 193-194].

Говоря о сверхустойчивости стереотипов и о истинности или ложности стереотипов, следует иметь в виду, что информация, на основе которой формируется стереотип, имеет неполный, урезанный либо устаревший характер и в силу этого стереотип неадекватно отражает реальную ситуацию.

Подобная ущербность особенно опасна в этнических стереотипах, человек, совершающий те или иные поступки, исходя из этнических стереотипов, заранее обречен на коммуникативный провал.

Этнические стереотипы представляют собой некий собирательный образ народа, в их основе часто лежит этнический предрассудок. Ученые, анализируя этнические стереотипы, указывают на необходимость исследования не только исторических предпосылок возникновения тех или иных стереотипов и предрассудков, но и также учет социальных условий их существования и конкретной ситуации, в которой они проявляются.

Этнические стереотипы выступают как средство поддержания существующего порядка, и как средство протеста против него. Все это находит отражение в художественных текстах.

А.С.Баронин пишет: «... украинские думы содержат в себе стереотипы, функционировавшие в сознании наших предков; русский былинный эпос донес до нас стереотипы «злого татарина»; в эстонском эпосе четко прослеживается стереотип безжалостного барона-немца; в восточных поэмах Байрона мы находим стереотип «жестокоего турка», каким представляли его порабощенные греки» [Баронин, 104].

Проблема «истинности» / «ложности» этнических стереотипов всегда волновала исследователей, разделившихся на две полярные группы. Одни трактовали стереотипы как широко распространенную ложную информацию, традиционную бессмыслицу [Наукава, 1962], как совокупность мифических признаков, приписываемых группам [Clark, 1949], другие же утверждают, что стереотип может быть абсолютно правилен [Lippman, 1922].

Большинство исследователей склоняются к мнению о том, что общий объем истинных знаний в стереотипе превышает объем ложных знаний.

Проблема истинности -ложности стереотипов тесно связана с так называемой «гипотезой контакта», суть которой состоит в следующем: чем глубже и дольше контактируют и взаимодействуют между собой группы, тем выше истинность стереотипов [Campbell, 1967]. Данная идея лежит в основе современной теории межкультурной коммуникации: чем глубже и полнее

наши знания о представителях другого этноса, культуры, тем легче достижение взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации.

Этнический стереотип содержит в себе устойчивое ядро, включающее представления о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни, традиционных видах деятельности. Помимо устойчивого ядра, стереотип включает переменный компонент, касающийся коммуникативных и моральных качеств данного народа [Баронин, 103]. Переменный компонент изменчив в зависимости от ситуации в межнациональных и межгосударственных отношениях. Так, психолог Д.Сиго в 1941 году фиксировал, что в стереотип восприятия японцев со стороны американцев включались такие черты, как «вежливость, честолюбие, следование национальным традициям». После нападения японцев на Пирл-Харбер из этностереотипа японцев исчезли такие характеристики, как «вежливые», «трудолюбивые», зато появились такие суждения, как «лживые», «коварные люди» [Smith, 123]. В.Г.Крысько изменчивость стереотипов под влиянием ряда факторов иллюстрирует следующим примером. До объявления США войны Германии в стереотип восприятия немцев со стороны американцев входили такие черты, как «трудолюбие, научный склад ума, флегматичность, националистичность. Но стоило США вступить в войну, и в этностереотипе немцев сразу появились такие характеристики, как агрессивность, жестокость, надменность».

Стереотипы могут выступать не только в качестве мнений, но и убеждений, различия между которыми весьма существенны. Мнение о предмете поверхностно, оно может изменяться при получении новой информации, мнение не обладает большой мотивирующей силой. Убеждение же – это устойчивая система представлений, способная мотивировать социальное поведение человека.

В зависимости от направленностей стереотипа на схематизацию образа своей или чужой этнической общности выделяют *автостереотипы* и *гетеростереотипы*.

Автостереотипы – это мнения, суждения, оценки, высказываемые людьми по поводу своей этнической общности. Исследователи отмечают в автостереотипах доминирование положительных представлений.

В автостереотипах прослеживается «стремления этнической общности внести ...черты идеала собственного этноса, подчеркнуть наиболее самобытные качества национального характера» [Садохин, Грушевицкая, 195].

Гетеростереотипы – это совокупность оценочных суждений, высказываемых по поводу другой этнической общности. Особенностью гетеростереотипов является то, что они бывают и положительными, и отрицательными или даже нейтральными. Говоря о различиях между авто- и гетеростереотипами, Г.У.Солдатова отмечает, что автостереотипы преимущественно представляют собой комплекс признаков культурно одобряемых, тогда как гетеростереотипы зачастую служат резервуаром для

отрицательных качеств, нежелательных в собственной культуре и потому отчуждаемых [Солдатов, 75].

В этнических стереотипах всегда находит выражение запас теоретических и практических знаний, которыми располагает человек о каждом народе, о каждом общественном классе.

Но при этом следует отметить зависимость стереотипных представлений от социально-демографических параметров человека. Р.М. Грановская пишет: «Поскольку опыт общения каждого человека оказывается детерминированным принадлежностью к определенному народу, возрастной группе, профессии, то оценочные стереотипы разных демографических и социальных групп наряду с чертами сходства включают в себя очень существенные и характерные различия [Грановская, 163].

Стереотипы мышления, стереотипы поведения можно рассматривать как индикаторы национального характера.

Терминосочетание *национальный характер* нами используется в следующем значении – это своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые традиции и привычки, формирующиеся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющиеся в специфике ее национальной культуры и языка» [Исина, 51].

В качестве иллюстрации положений о детерминированности поступков людей национальным характером, приведем пример из работы Л.Н. Гумилева: «Представим себе, что в трамвай входят русский, немец, татарин и грузин, ... одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и с одной и той же газетой под мышкой. Допустим, в трамвае появляется пьяный человек, который начинает некорректно вести себя по отношению к даме. Как будут действовать наши персонажи? Грузин, скорее всего, схватит обидчика за грудки и попытается выбросить его из трамвая. Немец брезгливо сморщится и начнет звать милицию, русский скажет несколько сакраментальных слов, а татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте».

Международные анекдоты обыгрывают аналогичные сюжеты: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота [Тер-Минасова]. Так, С.Г. Тер-Минасова отмечает: «...в русских международных анекдотах англичане предстают подчеркнуто пунктуальными, немногословными, сдержанными, любящими сигары, виски, конный спорт. Немцы практичны, дисциплинированы, организованны, помешаны на порядке и потому ограничены.

Французы – легкомысленные гуляки, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Американцы – богатые, самоуверенные, щедрые, прагматичные. Русские – бесшабашные рубахи-парни, непритворливые, алкоголики, любят водку и драки».

Стереотипы с позиции языкознания важны тем, что они всегда вербально выражены, воплощаясь в языковых формах, в поведенческих стереотипах, в ритуальных формах общения. Успех межкультурного общения во многом определяется знанием людьми стереотипов, точным знанием культурного денотата, обозначаемого тем или иным словом, словосочетанием, речевым клише.

Г.И.Исина приводит со ссылкой на работу Л.Виссон в качестве иллюстрации систему ориентирования во времени в английской и русской коммуникации. Отношение ко времени у россиян совершенно иное, чем у американцев.

В Америке существует так называемая концепция точного времени *dixed concept of time*. у русских *fluid* понятие растяжимое. Для американца минута - это в прямом смысле 60 секунд. И если он говорит *I'll be with you in minute*, то это означает, что может задержаться на пару минут, не больше. Русское «сию минуту» может растянуться на минут пятнадцать, а то и больше. Слово «момент» многозначно и семантически не покрывается полностью английским *moment*, хотя общим значением для обоих языков является короткий отрезок времени. равный минутам.

Иное понимание времени в обеих культурах отражается также во фразе «в ближайшем будущем». Дословный ее перевод *in the very future* звучит для американца расплывчато и уклончиво. Для ясности и уточнения в английском языке используются обстоятельства времени. Например: *I'll do it the next two weeks*.

Столь различное отношение ко времени в разных культурах соответственно накладывает отпечаток и на манеру поведения. Приглашенные в гости американцы, как правило, проявляют пунктуальность. Приглашение *come at six* означает именно это время. В случае опоздания гости обычно оповещают хозяйку по телефону. Неудивительно, что русское приглашение «приходите часов в семь» зачастую ставит американцев в тупик, для которых предпочтительно назначение точного времени.

Общение и взаимопонимание людей в значительной мере зависит от их отношения ко времени, и от того, каковы лексические средства его выражения. Отношение это настолько резко может отличаться в различных культурах, что порой становится причиной серьезных недоразумений.

Подобные несовпадения, как утверждает американский культуролог Эдуард Хилл, объясняются существованием двух концепций времени - монохронной или полихронной [Виссон, 2003: 119]. В странах монохронной культуры (США, Англии, Германии и Скандинавии) время жестко регулирует поведение людей и вместе с тем отношения между ними.

В других культурах (в арабских, латиноамериканских, в ряде азиатских) время воспринимается полихронно, т.е. внимание людей обращено одновременно на несколько событий. Кроме того, в планировании каких-либо дел акцент ставится больше на отношения людей, чем на интересы дела.

Разница между монохронным и полихронным отношением ко времени соответственно сказывается и на лексике, что нередко приводит к недопониманию в процессе межкультурных контактов. Так, например, «в США у людей нет надобности «созваниваться» за день или накануне для уточнения часа или места назначенной встречи, что до сих пор принято в России. Американцу же неясно, для чего его русский собеседник предлагает «созвониться» - то ли он еще не знает, когда можно назначить встречу то ли увиливает от точного ответа, оставляя за собой возможность маневра (Виссон, 2003: 120-121).

Обычно русские рассуждают следующим образом: «Ну, как я могу договориться о встрече за неделю или за месяц! Кто знает, что может случиться за это время. Чего только в жизни не бывает». За этими сомнениями стоит фаталистическая боязнь планировать будущее и неуверенность в завтрашнем дне, которые были характерны для России в течение столетий. У американцев противоположная философия жизни: он верит, что управляет событиями, а не они им, что будущее можно предвидеть и расписать. Как заметил в *New York Times* один американский журналист, в английском языке всегда пользуются популярностью слова с приставкой *pre*, означающей *in advance* – *precooked meals* («готовая еда»), *prepaid phone card* («заранее оплаченная карточка для телефонных разговоров»), *preboarding at the airport gate* - («предварительная посадка на самолет с детьми и пожилыми людьми»). В Америке даже существует специальное выражение: *plan ahead* («планируй заранее») [Виссон, 2003: 121].

Время, как и деньги, в США ценится дорого. Отсюда и фразы типа *time / money is saved, gained*. Если время заранее не запланировано (*unplanned*), то может быть даже «кубито» (*killed*). Нелегко найти идиоматичный английский эквивалент распространенному в России обычаю «заглядывать на огонек»: *to drop in on the on spur of the moment without calling*. Согласно американской этике заходить без предупреждения в дом считается дурным тоном, воспринимается как пренебрежение к распорядку жизни других.

Стремление американцев к независимости, желание противопоставить себя Старому Свету провоцировали появление многочисленных пейоративных высказываний в адрес американцев. Европейцы зачастую обвиняли их в отсутствии хороших стремлений, в стремлении к богатству в ущерб духовным ценностям: *«money-making and moneyadoring materialists, «intolerant conformists»*.

Стереотипы поведения во многом обусловлены образом мира, заложенным культурой в их сознании. Далее мы приводим отрывок из работы Г.И.Исиной, где она, обобщая сказанное Г.Гачевым, В.Веселовой, Л.Виссоном, характеризует стереотипы разных этносов. Известный исследователь «национальных образов мира» Г.Гачев выделяет такие характеризующие тот или иной этнос элементы, как Пространство и Время, Вертикаль и Горизонталь, Почему и Кто. Он пытался установить, что наиболее важно определенному народу и его культуре. К примеру, для

немцев – это время, для русских – «пространство: даже священное слово «страна» того же корня. Для России, страны бесконечного простора горизонтальные идеи Даль, Ширь, Путь – дорога превалирует в школе ценностей. Для Германии архетипы Глубь и Высь и структура Дома (How) усматриваются априори во всем.

Если же мы попытаемся в этом плане охарактеризовать казахов, то таким характеризующим казахский этнос элементом выступает Кто (человек) и каков Он.

Культуры и ментальности этносов различаются в зависимости от того, как они трактуют происхождение мира и всего сущего, и прежде всего от вопроса: порождается ли все это Природой или производятся трудом. Так, в Америке доминирует стереотипный образ человека, достигшего всего своим трудом (self-made man). В отличие от русского «как поживаешь? американцы при встрече задают вопрос «How do you do?» букв. «Как ты делаешь дело?» Даже в молитве фраза «Да будет воля твоя» по-английски звучит как «Твоя воля да будет сделана». Неудивительно, что такая стереотипная установка способствовала широкому распространению прагматизма на всем американском континенте.

Миропонимание и мировосприятие этноса во многом определяется тем, какой из основных вопросов существенен для него: Что? Почему? Зачем? Как? Так, для греков характерен вопрос о бытии «Что есть такое?»

Для немцев важнейшим является вопрос «Почему?», их интерес направлен на выяснение причин вещей. Для французов доминантен вопрос «Для чего?», для них цель важнее причины, сущность всего полагается где-то впереди, в будущем. Отсюда французские теории прогресса (Руссо, Кондорсе), эволюции (Ламарк, Тейяр де Шарден), социальные утопии (Сен-Симон, Фурье).

Для англичан и американцев главным вопросом является «Как?»: как вещь сделана, как работает? Принцип ноу-хау распространился по всему миру, этим объясняется огромное количество книг типа «Как добиться успеха?», «Как стать богатым?», «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей?» и др. В этом аспекте для казахов главным вопросом является *кто и какое место он занимает в системе связей-отношений человеческого общества.*

Менталитет этноса отражается в языке. Там, где отрицается контроль человека над реальностью, в языке наблюдается большое количество слов и фраз с фатальным содержанием, особенно наглядно прослеживается в пословицах и поговорках. Ср. итальянское *sera sera* (Чему быть, того не миновать), русск. «Человек предполагает, а Бог располагает», «От судьбы не уйдешь», арабское *in sha Allah* (на все воля Аллаха). Тогда как американцы предпочитают афоризмы, отвергающие провидение: *The lord helps those who help themselves; where there's a will there's a way.*

Для американской ментальности характерна позитивная установка, оптимистическое отношение к жизни. Существует стереотип, что человеку с

позитивным мышлением в жизни сопутствует успех. С.Фол приводит примеры, как даже явно отрицательные факты американцы стараются подать в позитивном ключе. Если человек едва не отправился на тот свет, то он прошел сквозь «жизнеутверждающее испытание» (a life – affirming experience). Товары, которые едва удастся продать за полцены, называют «не самым оптимальным ассортиментом» (minor flaws / imperfections / defects). Если после собеседования работодатель даст вам от ворот поворот, то это «не сложилось полного взаимопонимания» (failure to achieve / there was a lack of / mutual understanding), а любое массовое увольнение именуют «оптимизацией штатов» (rationalizing of the work force) [Fol, 71].

Позитивный настрой, активная жизненная позиция американцев проявляется не только в их образе жизни, но и в языке. Американский, английский изобилует сотнями конструкций, в которых подчеркнута выражен активный деятель, но беден неопределенно-личными и безличными предложениями. Активные языковые конструкции плюс позитивное мышление создают активный лингвокультурный обиход. С первого класса американцев учат использовать в устной и письменной речи активный, а не пассивный залог.

Позитивный настрой в целом характеризует и менталитет казахов. Даже будучи очевидцем неприятных действий кого-либо, казах старается не давать слишком категоричной отрицательной оценки, не имея полной информации о причинных, побудивших человека к таким действиям. Выражая сочувствие по поводу какой-либо тяжелой ситуации, казах обязательно добавит: *Арты жақсылыққа айналсын*. Любой тяжелый сон либо предчувствие казах стремится истолковать в лучшую сторону: *жақсыға жору*.

Язык фиксирует способы мышления, национальную ментальность, стереотипы поведения. В.Кочетков по этому поводу пишет: «По-английски мы можем написать на одной странице столько, сколько по-немецки на четырех страницах, так как английский язык более краток и деловой. Французский сердечнее и теплее, он лучше подходит для передачи чувств. В том, что по-английски можно выразить мысль почти в два раза короче, чем по-русски, отражается такая черта американского характера, как действенность (action). Длина, способ образования немецких слов, когда одно слово образуется из другого путем механического присоединения, малое число гласных отражает такие черты немецкого характера, как стремление к упорядоченности, педантичность, системность, конформизм» [Кочетков, 122].

Терминосочетание этнический стереотип используются также в значении «программа поведения» в рамках этнического коллектива, своеобразный механизм регуляции поведения личности. Основу поведения личности составляют ценностные ориентации. Ценностные ориентации понимаются как установка личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества. В них резюмируется жизненный опыт, накопленный личностью в процессе социализации в данном обществе.

Личность, усваивая социальные и этнические нормы, принятые в обществе, формирует свои ценностные ориентации. Ценностные ориентации человека обращены на выполнение норм, стандартов. К таким нормам относятся социальные и культурные ценности, способствующие регуляции поведения человека. Усваивая социальные и культурные нормы общества, человек в процессе их выполнения выражает по отношению к ним свое субъективное отношение, осмысливая и примеряя по отношению к себе культурные ценности, отражение в них.

Все культурные ценности подразделяются на две основные группы. К первой группе ценностей относится, во-первых, совокупность выдающихся произведений интеллектуального, художественного и религиозного творчества. В эту же группу включаются также выдающиеся архитектурные сооружения, уникальные произведения ремесла, археологические и этнографические проритеты. Во-вторых, к числу культурных ценностей были отнесены оправдавшие себя и доказавшие на практике свою эффективность принципы совместного существования людей: нравы, обычаи, стереотипы поведения и сознания, оценки, мнения, интерпретации и т.п., которые ведут к интеграции общества, к росту взаимопонимания между людьми, их комплиментарности, солидарности, взаимопомощи [Садохин, 44]. Этнические стереотипы представляют собой культурные программы поведения, проявляющиеся в эксплицитно-имплицитной форме. В объективированной форме реализуются обычаи, традиции, обряды, ритуалы, в которых в копировально-ритуальной форме демонстрируются образцы поведения, запечатленного в социально – культурном опыте прошлых поколений. Поведенческие реакции проявляются имплицитно, в скрытой форме в виде позитивных или негативных установок, направленных на защиту «своего» и неприятие «чужого».

Итак, стереотипы – это утвердившиеся в социуме психологические структуры общественного сознания, которые обязательно находят отражение в языке (в лексике, фразеологии, паремии, коммуникативном поведении). Они влияют на развитие самого этноса, на характер взаимодействия данного этноса с другими сообществами. Несмотря на внешнюю консервативность, стереотипы способны реагировать на внешние изменения.

Стереотипы являются одним из базовых компонентов языковой картины мира лингвокультурного сообщества в целом, которая формируется языком как средством воплощения тех или иных культурных установок, стереотипов, эталонов, организующих социум в сообщество.

Поскольку стереотипы характеризуются ярким национально-культурным своеобразием, то зачастую они затрудняют взаимное восприятие информации представителями различных лингвокультурных обществ, становятся причиной неудач при межкультурной коммуникации.

В теории и практике межкультурной коммуникации проблематика стереотипов занимает значительное место, при этом усилия специалистов по межкультурной коммуникации должны быть направлены, с одной стороны,

на выявление и изучение бытующих в общественном сознании того или иного этноса ментальных, этнических стереотипов, стереотипов общения, стереотипов поведения. С другой стороны, большое внимание должно быть уделено повышению истинности стереотипов, т.е. чем более полной информацией обладает человек, тем ближе к истинности стереотип.

Литература

1. Исина Т.И. Стереотип и национальная языковая картина мира. Караганды, изд-во КарГУ, 2007. – 396 с.
2. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Едиториал УРСС, 2003 – 224 с.
3. Крысько В.Г. Этническая психология. – 2-е изд. М.: изд. центр «Академия», 2004. – 320 с.
4. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М.: изд. центр «Академия», Высшая школа, 2000. – 304 с.
5. Баронин А.С. Этническая психология. – Киев: Тандем, 2000. – 264 с.
6. Соддатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 388 с.
7. Грановская Р.М. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб.: OMS, 1994. – 179 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
9. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. М.: Валент Р., 2003. – 190 с.
10. Веселова В.В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания. // Педагогика, № 8, 1999. – С. 91-99.
11. Фол С. Эти странные американцы. – М.: Эгмонт России, Лтд, 1999.
12. Кочетков В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕРСЭ, 2002. – 416 с.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое стереотип?
2. Виды стереотипов.
3. Отражение стереотипов в языке и коммуникации.
4. Истинность-ложность стереотипов.

Задания

Задание №1: проанализировать текст (отрывок из Ч.Абдуллаева «Закон негодяев», М.: ЭКСМО, 2011. – С.228-229).

Послушайте, дорогие мои друзья, – Багиров, как всегда, говорил спокойно, но явно волновался, – вам все равно, сколько будет идти война – год или два. Ваши люди, Гурам, занимаются рэкетом, угоняют автомобили, грабят квартиры. У них нет постоянного места жительства, они не платят налоги государству. Другое дело наши люди. Они стоят на базаре. Там каждый знает азербайджанца в лицо. Вы хотите, чтобы их начали бить? Достаточно Лазареву, если он не последний дурак, послать на базар пять-шесть человек, желательно женщин. Все, конец коммерции. Они начнут кричать, что «черные» их грабят, что захватили все базары. И тогда моих людей начнут просто выгонять. Помните, как в Москве улицу Горького перекрыли таксисты – не хотели работать, говорили: «азеры» убили таксиста. Потом выяснилось, что вообще азербайджанцы не причём. Но ведь слух пустили. Все станут сваливать на нас. Как только в Москве какая-то напряженность, я знаю: другие тут же пользуются моментом и все валят на нас. А для московского обывателя нет разницы, чеченец или азербайджанец. Все одно – черные.

Задание 2: дать социолингвистический комментарий приведенному тексту. [И.Абдуллаев. Дронго обличает или правила логики. М.: ЭКСМО. 2011. с. 7-8]. Диалог между представителями двух контрразведок – России и Израиля.

– Да, – сказала Офра, отводя взгляд от гор, – КГБ всегда готовил высококлассных агентов. Ты даже читал Ибсена. К моему стыду, я его не читала.

– При чем тут КГБ? – я даже немного обиделся. – Можно подумать, что у вас в МОССАДе готовят только идиотов. Просто я всегда любил много читать. А ты наверняка слышала об Ибсене, но сейчас прикидываешься дурочкой. Это, кстати, в традициях вашей разведки – делать вид, что знаешь меньше, чем на самом деле. По-моему, это вообще чисто еврейская черта.

– Ты антисемит, – с наигранным отвращением сказала Офра, – я ещё могу понять Гусейна, который считает всех евреев исчадием ада, но ты интеллигентный человек. Фу, какая гадость.

– Это тоже в ваших традициях. Достаточно сказать о вас что-нибудь плохое, как вы сразу приклеиваете ярлык «антисемит». Но ты могла бы мне этого не говорить. Ты ведь прекрасно знаешь, что это не так.

Задание №3: дать социолингвистический комментарий к нижеприведенным текстам [И.Абдуллаев. Любить и умереть только в Андорре. М.: ЭКСМО, 2011. – с. 8-9].

– У него [английского шпиона] всегда такие странные пустые глаза. А ведь английскую разведку считают одной из лучших в мире.

– Это он притворяется. Хочет выглядеть невозмутимым, как Джеймс Бонд. Они вообще снобы. Все английские шпионы в конце жизни начинают

писать мемуары или становятся писателями: Сомерсет Моэм, Грэм Грин, Ян Флеминг, Джон ЛеКарре – список можно продолжать долго. Они, видимо, настолько довольны собой, что хотят рассказать об этом всему миру.

Конечно, не обошлось без француза. Хотя если он француз, то я Галина Уланова. Каким вы обычно представляете себе француза? Правильно. Высоким, красивым и обаятельным. А этот маленький, лысый и скучный. Всегда сидит в углу и читает свои газеты. Как будто он не мог делать тоже самое дома [с. 12].

– А как меня обвиняли, как меня терзала полиция, – вспомнил Ли. – У вас у всех синдром белого человека. Если азиат, значит виновен...

Задание №4: *определить характер стереотипов, отраженных в следующих отрывках.*

1) – Владик, я не хуже тебя знаю эти тихие провинциальные городки. Тьмутаракань, гостиницы с клопами, горячей воды нет, туалет и душ в коридоре, один на весь этаж, чтобы чаю выпить, приходится воду греть кипятильником в стакане. [А.Маринина. Жизнь после жизни. Т1. М. : ЭКСМО, 2011 – с. 42].

2) – И куда ты меня посылаешь? В какой-то дом престарелых? Там кругом одни старики, немощь, болезни, страдания, одиночество, нищета... [А.Маринина. Жизнь после жизни. Т1. М. : ЭКСМО, 2011 – с. 42].

3) – А Тамара Николаевна Виноградова – моя четвертая жена.

– И кем она работает в усадьбе?

– А никем, – Бегорский беззаботно махнул рукой. Тамара – прекрасный парикмахер, победитель международных конкурсов, кроме того, она занимается дизайном одежды, разрабатывает модели, кроит, шьёт. У неё в усадьбе парикмахерский салон.

«Всё понятно, – с некоторой брезгливостью подумала Настя. – Четвёртая жена! Это ж надо! Наверняка путь от первой жены к четвёртой шёл по возрастной нисходящей, каждая следующая жена была моложе и красивее предыдущей. Знакомая картинка. Многие стареющие богачи, теряя мужскую силу, пытаются взбодрить её влечением ко всё более молодому телу. И разумеется, последняя жена, в отличие от первой, может позволить себе не зарабатывать на жизнь. Первая жена Вера Алексеевна сидит на зарплате, а четвёртая – молодая длинноногая красotka с грудью и аппетитной попкой – держит салон и занимается исключительно женской привлекательностью... [А.Маринина. Жизнь после жизни. Т1. М. : ЭКСМО, 2011 – с. 61].

3) Вчера начальник уголовного розыска предупредил его и Диму Федулова, что из Москвы приезжает какая-то фуфа, которая собирается учить их, как надо раскрывать преступления. И ладно ещё, если бы она

была мужиком, знающим и опытным опером из министерства, который помог бы им в деле о двух таинственных трупах, но ведь это не мужчина, а баба, и вовсе не из министерства, а вообще из частного агентства. Можно себе представить! Что эта баба будет здесь делать? Совать нос во всё подряд?.. Нарядами сверкать... будет разговаривать с ними сквозь зубы, глядеть свысока и нести такую ахинею, что уши завянут [А.Марьянина. Жизнь после жизни. Т1. М. : ЭКСМО, 2011 – с. 95].

Задание № 5.

На основе анализа приведенных отрывков из романа Б. Акунина «Алмазная колесница» определите характер японского менталитета и связанные с ним стереотипы поведения.

А) Сначала обсудили подробности покушения: у нападавших были револьверы, но стреляли они только в воздух, для острастки; несчастный Окубо закрывался от клинков голыми руками, отчего у него иссечены предплечья; смертельный удар расколол многоумную голову министра надвое. Сразу с места убийства заговорщики отправились в полицию сдаваться и передали письменную декларацию, в которой диктатор объявляется узурпатором и врагом нации...

Пораженный, Фандорин спросил:

- Они сдались? Не пытались покончить с собой?

- Теперь незачем, - объявил консул. Они свое дело сделали. Будет суд, они выступят с красивыми речами, публика будет смотреть на них, как на героев. Про них напишут пьесы, нарисуют гравюры. Потом, конечно, оттяпают головы, но почетное место в японской истории они себе обеспечили.

Б) В Японии почитается неприличным убивать врага пулей – по-ихнему это трусость. Заклятого врага, да еще столь именитого, как Окубо, нужно непременно зарубить мечом, в крайнем случае – заколоть кинжалом.

В) Я, разумеется, фехтовать катаной (японским мечом) не умею – этому нужно учиться с детства. Причем желательно *учиться по-японски*, то есть посвятить изучаемому предмету всю свою жизнь.

Г) Сирота-сан – настоящий японец. Человек чести, который знает, что долг перед Родиной превыше всего.

Д) Мы, яонцы, предсказуемы, мы всегда действуем по правилам. В этом наша сила и наша слабость. ... Отец с ранних лет говорил мне: «Поступай по закону, а все прочее не твоя забота. Так я до сих пор и жил, по-другому я не умею. Вы же устроены иначе... Ваш мозг не скован правилами.

Е) Свет лампы падал на несчастное лицо Асагавы. *Потерянное лицо*, подумал Эраст Петровч, и ему сделалось жалко инспектора, для которого потерять лицо перед иностранцем наверняка было вдвойне мучительно.

Ж) Вы начальник, я подчиненный, - хладнокровно сказал Асагава. — Мы, японцы, приучены к дисциплине и субординации. Сначала говорит старший, потом младшие.

З) Да что за синоби такие, - воскликнул Локстон.

- «Крадушиеся», - пояснил доктор, окончательно беря кормило беседы в свои руки. — Каста лазутчиков и наемных убийц — искуснейших в мировой истории. Японцы ведь любят всякое мастерство доводить до совершенства, достигают высших степеней и в хорошем, и в плохом. По-другому этих полумифических рыцарей плаща и кинжала называли раппа, суща или ниндзя.

Задание № 6. Сравните Ваши выводы, сделанные на основе анализа вышеприведенных отрывков из романа, описывающего события в Японии 1878 года, с отрывками из статьи С. Чугрова «О традиционализме в японском мышлении» // Мировая экономика и международные отношения. № 1, 1999. — с. 58-60, и работы В. Крысько «Этническая психология», М., 2004.

Три столетия самоизоляции Японии, вплоть до прибытия в 1853 г. «черных кораблей» commodора Пери в навань Симода, наложили исключительное сильное отпечаток на японский национальный характер. Страна с трудом выходила из своего состояния «куколки». Быстрая модернизация проходила в форме экспансии западных товаров и ценностей, оставляя у японцев смешанные чувства. На различных уровнях общения до сих пор чувствуются элементы ксенофобии, стремление некоторых японцев дистанцироваться от «гайдзин» («иных людей» - иностранцев).

Другая черта японского общества — его гомогенность. Гомогенность выражается в самоидентификации индивидов как частичек единого государства, нашедшей свое выражение в лозунге «одна нация — одно сердце».

До недавнего времени сурово действовала норма социальной ивнелировки («шляпка гвоздя не должна торчать»), не позволявшая талантам многих японцев раскрыться в молодом возрасте. Этим самым система стремится защитить себя от «еретиков» и аутсайдеров.

Сочетание самоизоляции и однородности привело к тому, что японское общество закрыто и в несколько другом смысле. Оно устанавливает правила поведения, вырабатывает такие стереотипы, которые становятся своего рода субкультурой, нормы которой понятны лишь членам этой группы. В настоящее время в Японии жестко сохраняется разделение на «ути» (внутри) и «сого» (вне). Ути — это внутренний круг, например, большая семья или сотрудники одной фирмы. «Сото» - это чужаки и аутсайдеры. Границы между «своими» и «чужими» обозначены достаточно четко и диктуют различные формы поведения по отношению к тем и другим. Отсюда же происходит известная клановость общества.

В Японии издавна сложилась своеобразная общественная система, первоосновой которой является понятие «иэ» (дом) или «измото» (дом как

основа). Толкование термина, естественно, шире, чем «семья». Это скорее можно назвать кланом. Так, например, компания Japanese Railways внедрила в сознание служащих принцип «служащие государственных железных дорог – единая семья». В таких объединениях господствуют не только принципы полной и беззаветной преданности индивидуума общему делу, но и обязательства корпорации перед личностью, проявляющиеся в повышенном внимании к его нуждам, семье.

Понятие «иэ» стало наиболее ярко выраженной константой японской цивилизации. Как известно, в общепубличной трактовке личности отрицается реальность индивидуального «я». В языке это нашло отражение. По мнению многих специалистов, слово «ватакуси» («я» европейское) стало достаточно широко употребляться в японском языке лишь в период модернизации страны и проникновении идей индивидуализма. Более широко используется слово «дзибун», означающее буквально «моя часть», «моя доля», т.е. личность стремится идентифицировать себя как принадлежность определенной среды. Примечательно, что хотя в японском языке существует несколько слов для обозначения «я», выражающих различные ролевые функции, японцы предпочитают безличные конструкции.

«Нет для японца более жестокой кары, чем оказаться выброшенным из группы в чужой мир, простирающийся за ее пределами. И такое наказание может последовать не за кражу или хулиганство, а за поступок, который расценивается группой как измена ее интересам» (Крысько, с. 214).

4) Какой культурный стереотип имеется в следующем отрывке?

Социальная идентичность и ее отражение в языке и коммуникации

Очень многие направления научно-исследовательских работ в рамках проблемы язык «личность» связаны с понятием социальная идентичность. Данное понятие находится на стыке интересов ряда наук: социологии, истории, культурологии, когнитивной психологии. Отличим, что понятие социальной идентичности и связанная с ним проблематика длительное время находилась на периферии научного анализа в психологии, хотя в зарубежной психологии это понятие и термин, связанные именами З. Фрейда, Э. Эриксона и Э. Фромма, популярно и давно является неотъемлемым атрибутом понятийного аппарата психологии.

На постсоветском пространстве понятие социальной идентичности становится актуальным в связи с осмыслением и исследованием кризисных явлений в условиях социальной нестабильности.

Идентичность возникает в ходе развития и значит чувство принадлежности к какой-либо целостной структуре, осознание человеком того, что он является частью данной структуры и занимает в ней определенное положение. Идентичность помогает человеку реализовать свою основную потребность к идентификации и самоуважению, самооценке,

отыскать свою социальную нишу и избежать полного одиночества и колебаний. Э. Фромм показал сложную взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также связь между чувством свободы и чувством одиночества, определенный баланс между которыми может быть достигнут лишь в процессе идентификации.

Понятие социальной идентичности включает в себя понятие личностной идентичности и социальной идентичности (я - член группы).

Х. Тэджфел свою теорию социальной идентичности основал на идее о существовании определенного социально-поведенческого континуума, на одном полюсе которого находятся формы межличностного взаимодействия, на другом - взаимодействие людей как представителей определенных общностей. Первый вариант предполагает актуализацию личностной идентичности, второй вариант - актуализацию социальной идентичности.

Х. Тэджфел считает, что главным мотивом деятельности человека является достижение положительной самооценки, поэтому актуализация личностной или социальной идентичности зависит от того, какая форма поведения (основанная на личностной либо социальной идентичности) позволяет быстрее достичь этой положительной самооценки.

Понятия личностной или социальной идентичности в определенной степени могут рассматриваться как функционально оппозитивные.

Существуют экспериментальные способы исследования личностной и социальной идентичности. Так, М. Яромовиц разработала особый «Опросник социальной перцепции» (Questionnaire of Social Perception) и особую процедуру обработки и трактовки результатов. Опросник состоит из 70 положительных черт, который предлагается испытуемому трижды со следующими заданиями:

1) в первый раз - отметить те свойства, которые, по мнению испытуемого, характерны для членов своей группы, а потом из них отобрать десять наиболее ярких свойств;

2) во второй раз - отметить из предложенного списка те свойства, которые, с точки зрения испытуемого, присущи представителям другой группы, а потом опять-таки из них отобрать десять наиболее встречающихся;

3) в третий раз - отметить из предложенного списка десять черт, характерных для себя лично.

Предполагалось, что социальная идентичность превалирует у тех, у кого высокий уровень различий при сравнении « Мы-Они » и маленький уровень в случае сравнения « Я-Мы ». И, наоборот, личностная идентичность превалирует у тех, у кого высокий уровень различий в случае сравнения « Я-Мы » и маленький в случае сравнения « Мы-Они ». Предполагается, что чем выше уровень различий, тем сильнее влияние фактора идентичности на поведение человека.

М. Яромовиц выдвинула гипотезу, согласно которой маленький уровень различий Я-Мы соотносится с недостаточно развитой способностью обдумывать нужды, состояние и цели других (Они) и, напротив, способность

обдумывать потребности и цели членов аутгрупп предполагает наличие развитого умения дифференцировать себя от членов своей ингруппы.

Указанная гипотеза в целом подтвердилась, что позволило исследователю сделать следующие выводы:

- эгоцентризм, либо ингрупповая ориентация – универсальное свойство человека;

- дифференциация когнитивной схемы « Я – Мы - Они » - нужная предпосылка для выхода за рамки эгоцентризма, для осознания различных социальных перспектив и понимания остальных;

- социальное Я и социальная идентичность вызывают синтонность и чувство ингрупповой включенности;

- нужной предпосылкой сосуществования с аутгрупповыми членами является способность разграничения « Я-Мы ».

Формирование социальной и личной идентичности нужно для формирования способности переключения внимания индивидуума с одной перспективы на другую. В современной социальной психологии соотношение личностной и социальной идентичности рассматривается несколько иначе: личностная и социальная идентичности являются сторонами одного и того же процесса, отображая социальный опыт человека, они являются взаимодополняющими элементами идентичности человека (Микляева, Румянцева).

Социальная идентичность человека проявляется в его языке (отбор лексем и фразеосочетаний, предпочтительное использование определенных синтаксических конструкций, определенные коммуникативные тактики) в его невербальном общении. А.К.Оналбаева, исследователь невербальных средств общения, подчеркивает, что понятие социальной идентичности важно для понимания причин того, как в разных коммуникативных ситуациях, в разной коммуникативной среде человек использует разные невербальные средства для выражения одной и той же семантики. Так, современная казахская женщина в официальной среде общения пользуется жестами интеркультурного характера, в неофициальной среде разговорно-бытового общения использует как нейтральные жесты, так и жесты с легким налетом национально-культурной самобытности, в ритуализованных ситуациях предпочитает пользоваться специфическими жестами с ярко выраженной национально-культурной окраской (Оналбаева, 124).

Понятие социальной идентичности может быть конкретизировано в зависимости от того, принадлежность к какой группе дает возможность человеку почувствовать себя защищенным в нашем мире. Это касается прежде всего этнической идентичности. Этническая идентичность - составная часть социальной идентичности, психологическая категория, которая относится к осознанию собственной принадлежности к определенной этнической общности.

Этническая идентичность и ее отражение в языке и коммуникации

Одной из примет второй половины XX века и начала XXI века является этническое возрождение. Различные социологические школы объясняют рост этнической идентичности:

- реакцией отставших в развитии народов на порождающую этнокультурное разделение труда экономическую и технологическую экспансию более развитых народов;

- мировой социальной конкуренцией, в результате которой интенсифицируется внутритническое взаимодействие, несмотря на унификацию материальной и духовной культуры;

- повышением влияния огромных социальных групп в экономике и политике и облегчением действий, их сплочение благодаря средствам массовой коммуникации.

Человеку постоянно нужно чувствовать себя частью «Мы», и этнос – не единственная группа, в принадлежности которой человек ищет опору в жизни. Это могут быть такие группы, как партии, церковные организации, объединения по интересам, неформальные объединения молодежи и т.д. Но эти группы нестабильны во времени, неустойчивы, могут быть агрессивны по отношению к отдельному человеку.

Всех этих недостатков лишена этническая общность, которую можно охарактеризовать как межпоколенную группу, устойчивую во времени, стабильную в своем составе. Каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его нельзя «исключить» из этноса. Благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки.

Однако в современном мире многие признаки этноса ослабевают: они не имеют столь непререкаемых традиций и стабильной картины мира, как это наблюдалось в прежние времена, многие элементы этнической культуры размываются, интернализируется хозяйственная деятельность, жилище, пища, искусство. Этноты в значительной степени утрачивают традиции, а поведение предков не рассматривается молодыми членами этноса как образец.

Известная американская исследовательница М. Мид назвала это префигуративной культурой, в которой формирование ценностно-нормативных ориентаций подростков происходит под влиянием не семьи, а сверстников.

Но несмотря на любые инновации, человечеству, чтобы самовоспроизводиться и саморегулироваться, нужно сохранять связи между поколениями.

Более того, в современном мире наблюдается психологический сдвиг в настроениях людей – возврат к корням, традициям и обычаям предшествующих поколений, что является следствием интернациональных конфликтов, угрозы экологической катастрофы, участвовавших военных действий между государствами. Человек чувствует нестабильность

окружающего мира, ослабевает его оптимизм и желание глядеть вперед. Все больше молодых людей склонны глядеть назад и вллубь, находить поддержку и защиту в стабильных ценностях предков.

Основой этнической идентичности является умение индивидуума различать своих и чужих. Это различение возможно лишь в том случае, если индивидуум будет обладать нужным объемом знаний о признаках собственной и чужих этнических групп, к которым относятся элементы материальной и духовной культур, исторические факты, антропологические признаки.

Исследователи подчеркивают, что онтологически формирование этнической идентичности происходило следующим образом. Вначале основанием для различения «своих» и «чужих» служило горизонтальное родство, т.е. родство по крови и по браку. Далее это понимание начинает трансформироваться в осознание общности происхождения, о чем свидетельствует множество легенд об общем предке, либо предках у большинства народов.

Далее это понимание этнической идентичности пополнилось фактором количества, границы общности, привели к территориальному пониманию этнических (живущие там-то, занимающие определенную территорию) группы. Огромную роль начинает играть язык, этнодифференцирующими признаками становятся этнокультура и этноязык.

Этническая идентичность включает в себя два компонента: когнитивно-рациональный и аффективно-эмоциональный.

В филогенезе этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. Ж.Пиаже выделяет три этапа в развитии этнических черт ребенка:

1) в 6-7 лет ребенок приобретает первые, пока фрагментарные и несистематичные знания о собственной этнической принадлежности;

2) в 8-9 лет ребенок уже верно идентифицирует себя с собственной этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык;

3) в младшем подростковом возрасте (10-11) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей различных народов ребенок отмечает неповторимость истории, специфику традиционной бытовой культуры.

Проведенные позже исследования других психологов подтвердили вывод Пиаже о том, что «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте (10-11 лет), когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение

В последние годы внимание исследователей обращено и на такой аспект формирования этнической идентичности, как появление у ребенка чувства неизменности и стойкости этнических характеристик – этническая константность.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что формирование этнической константности протекает аналогично процессам усвоения постоянства половых и расовых признаков: сознательное отнесение себя к определенному этносу и внедрение этнических ярлыков происходит ранее, чем ребенок начинает осознавать константность этнических характеристик.

Наблюдается четкая временная последовательность формирования трех главных констант. Осознание неизменности половых черт наступает в 2-2,5 года, расовых – в 8-9 лет, а этнических, в процессе которого нужно внедрение сложных устройств социо-культурной идентификации и межпоколенной передачи информации - не ранее 12-13 лет.

Знание этапов формирования этнической константности необходимо для обучения ребенка второму, третьему языкам. Если исходить из того, что язык – неотъемлемый признак этноса и средство формирования и межпоколенной передачи культуры, то имеет смысл вводить второй, третий языки после 10-11 лет, когда этническая идентичность ребенка сформирована, а система родного языка закреплена в сознании ребенка и функционирует в его речи.

Одним из проявлений этнической идентичности является язык, система языковых образных средств, устойчивых сравнений, коммуникативное поведение человека. Так, любой национальный язык характеризуется своей системой терминов родства, антропонимов, зоонимов, особыми типами фразеосочетаний. Все выше перечисленное является объектом особой науки – этнолингвистики. М.М. Копыленко характеризует этнолингвистику как этнос в зеркале языка. Давая высокую оценку этнолингвистической школе А.Кайдара, М.М. Копыленко перечисляет все то, чем занимаются исследователи данного направления: «Выявляется и тщательно исследуется все то в языке, в чем нашли отражение жизнь, современное бытие и история этноса, его материальная и духовная культура, притом не только непосредственно в «этнокультурной» лексике и во фразеологии, но и в ономастике, в фоносемантике, в соотношении однословных и перефразических выражений тождественного значения, в ассоциативных связях слов, в идиоэтнических пресуппозициях, фоновых знаниях, в паралингвистических явлениях» [Копыленко, 476].

Знание подобных языковых единиц, умение использовать их в общении является одним из признаков сформированной этнической идентичности.

Этническая идентичность является одним из мотивов, которыми руководствуются родители, выбирая имя ребенку. Имя собственное выполняет не только выделительную функцию, но функцию этнической идентичности, т.е. несет информацию о национальной принадлежности человека. Эта функция имен собственных в настоящее время становится актуализируется, о чем свидетельствуют статистические данные ЗАГСов. Участились случаи переименования людей, когда интернациональные, заимствованные имена заменяются исконно национальными.

Этническая идентичность проявляется в выборе вокативов-обращений на начальном этапе общения. Так, типично казахским является именование

собеседника с использованием первого слога имени с добавлением **-ка/-ке**: *Қаке* в м. Канаш, *Жәке* в м. Жастілек и др. Типично турецким является вокатив с добавлением к имени собственному *бей* либо *ханум*: *Әнес-бей, Якуб-бей, Юсуф-бей*. Типично русским является использование в качестве вокативов имен собственных: *Любочка, Ванюша*.

Этническая идентичность проявляется и в предпочтительном использовании определенных коммуникативных тактик. Так, для казахской коммуникативной культуры характерны тактика опоры на авторитет, тактика преувеличения значимости своего собеседника.

Основным этнообразующими признаками в настоящее время признаются язык и культура. Поэтому, говоря об этнической идентичности, мы вместе с тем соотносим её с языковой и культурной идентичностью. Этническая идентичность предполагает, что индивид разделяет ценности этноса, основные мирозренческие установки этноса, что является своеобразным стержнем, позволяющим человеку противостоять жизненным коллизиям. Утрата языка и культуры, потеря этнической идентичности зачастую ведёт к маргинализации.

Термин «маргинал» в «Словаре социолингвистических терминов» определяется как «человек, находящийся в промежуточном, пограничном положении между каким-либо языками, культурами, социальными группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни. Чаще всего маргиналы – это представители мигрантов, этнических меньшинств, сельские жители, перемещенные в город, бомжи, бродяги» [с – 161].

Содержание приведенной словарной статьи не нуждается в комментарии, она звучит как предостережение. Этническая идентичность (вкупе с языковой и культурной идентичностью) – один из важных параметров индивида.

Литература по идентичности:

- 1) Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб: изд. РГПУ им. А.И.Герцена, 2008, с. 8-47
- 2) Оналбаева А.Т. Невербальное общение: социальный и национально-культурный контекст. Алматы, 2010, с. 250
- 3) Копыленко М.М. Избранные труды по языкознанию. Т. II. Алматы: ИЯ им.А.Байтұрсынова, 2010, с.588

Вопросы для самоконтроля

1. Этническая идентичность – ваше понимание.
2. Как формируется этническая идентичность?
3. Что является основой этнической идентичности?

4. Маргинальность и космополитизм – как соотносятся эти понятия? Ваше мнение.

Задания

Задание №1: проанализировать два отрывка, определить, о какой идентичности идет речь. (Ч.Абдуллаев. Закон негодяев. М: Эксмо, 2011 – с.7, 8.)

1. «По городским понятиям он был очень старый человек, ему шел уже восьмой десяток. По понятиям гор, это был зрелый возраст мужчины. Его сосед Пири только женился в семьдесят два, а через девять месяцев у его сорокалетней жены уже пищал на руках младенец, сын Пири. В горах все относительно.

Стариками здесь называют людей, перешагнувших столетний рубеж. А в семьдесят лет здесь еще можно было стать отцом и сохранить все зубы во рту.»

2. «Теперь Курбану помогал совсем молодой соседский сын Али, которому шел лишь пятнадцатый год. Но в горах время – понятие субъективное, и по горским законам он был уже мужчиной, способным помогать Курбану в его трудном деле».

Задание №2

Гендерная идентичность и ее проявление в языке

Одним из главных компонентов социальной идентичности, наряду с этнической, выступает гендерная идентичность, т.е. осознание индивидуом своей принадлежности к мужскому или женскому полу и той социальной роли, которую в связи с этим возлагает на индивидуума общество.

Понятие гендера активно используется в социальной философии, социологии, истории, политологии и относится к междисциплинарным понятиям. Авторы «Словаря социолингвистических терминов» дефинируют терминосочетание *гендерные стереотипы* как «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, какие качества имеют и как действительно ведут себя мужчины и женщины, например, среди приписываемых мужчине и женщине гендерных стереотипов имеются логичность/интуитивность, абстрактность/конкретность, инструментальность/экспрессивность, сознательность/бессознательность, власть/подчинение, порядок/хаос, независимость/коллективность, активность/пассивность, непостоянство/ консервативность и т.п.»

А.Т.Оналбаева, обобщая сказанное по поводу гендера рядом исследователей, характеризует гендер следующим образом: «Понятие *гендер* означает совокупность социальных и культурных норм, ролей, которые

общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Гендер конструируется обществом как социальная модель женщин и мужчин, которая определяет их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре, образовании и др). Гендерные системы по своей сути асимметричны в том плане, что все мужское/маскулинное (свойства характера, поведение и прочее) считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все фемининное определяются как вторичные, незначительные с социальной точки зрения и подчиненные. Гендерная система воссоздает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. Гендер является одним из способов социальной стратификации общества, который в сочетании с другими социально-демографическими факторами формирует систему общественной иерархии».

Психологи выделяют несколько групп гендерных стереотипов. Первая группа стереотипов отражает нормативные представления о соматических, психических, поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Мужчины компетентны, доминантны, независимы, самоуверенны, склонны рассуждать логически, способны управлять своими чувствами. Женщины более пассивны, зависимы, эмоциональны, заботливы и нежны. Вторая группа стереотипов отражает различия в содержании труда мужчин и женщин: традиционной для женщины считается деятельность обслуживающая, исполнительская; для мужчин характерна деятельность инструментальная, творческая, они склонны организовывать и руководить. Третья группа стереотипов связана с закреплением семейных и профессиональных ролей. Для мужчин главные роли – профессиональные, для женщин – семейные.

Гендерная идентичность обязательно выражается как в системе языка, так и в его функционировании. Отношение социального коллектива к оппозиции мужчина – женщина находит отражение в лексике, фразеологических единицах, поговорках. Так, Т.Ж.Токтарова в результате анализа поговорок казахского, корейского и русского языков приходит к следующим выводам. Женщина в поговорках рассматривается как объект, ценность которого проявляется лишь через принадлежность к мужчине, вне которого самостоятельно, независимо она существовать не может и никакой значимости не имеет: *Курица не птица, баба не человек* (русск.). *Жена без супруга – Поле без дождя* (русск.).

Отражен в поговорках стереотип воспитания или перевоспитания женщин через физическое насилие: *Баба не бита, что ложка не мыта* (русск.). *Бери жену в руки, пока не сносила красной юбки* (корейск.) [Красная юбка – элемент подвенечного наряда невесты в Корее]. *Баланы жастан, әйелді бастан* (каз).

В поговорках казахского народа отражен стереотип четкого разделения обязанностей мужчин и женщин: *Әйел – үйдің көркі, Еркек – түздің көркі. Ердің жақсысы елімен ойласады, әйелдің жақсысы ер мен ойласады.*

Что касается отражения гендерной идентичности в том плане, как мужчины и женщины используют язык, то рядом исследований отмечена гендерная дифференциация на фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях языка, а также в использовании невербальных средств. Так, Н.Б. Мечковская отмечает: «... в некоторых русских говорах только в женской речи наблюдается так называемое «сладкогласие – произнесение вместо звука [р] звука [й]: *бйат* (брат), *бейоза* (береза). Для фонации мужчин в целом характерен меньший раствор рта, их гласные менее отчетливы и практически менее выразительны, чем гласные в женской речи, зато в речи мужчин более отчетливы и выразительны согласные».

На уровне лексики различия между языком мужчин и женщин наблюдаются довольно отчетливо. Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально-оценочной лексики, а мужская оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины склонны к интенсификации положительной оценки. Мужчины более активно используют отрицательную оценку, включая сниженную, бранную лексику и инвективы, они гораздо чаще используют сленговые слова и выражения, нелитературную и ненормативную лексику, в то время как женщины придерживаются слов с нейтральной стилистической окраской.

Ряд слов ориентирован на использование в отношении представителя только женского или только мужского пола. Например, *бойжеткен* (по отношению к девушке), *ержеткен* (по отношению к парню), *айттыру* (сватать невесту). Приветствие *ассалаумагалэйкум* используют только мужчины.

На уровне морфологии гендерная дифференциация языка наблюдается в сфере частей речи. По данным В.П. Белянина, мужчины в целом гораздо чаще употребляют абстрактные существительные, а женщины – конкретные (в том числе имена собственные). Мужчины чаще используют существительные и прилагательные, а женщины – глаголы. Мужчины чаще используют глаголы совершенного вида в действительном залоге.

В японском языке дифференциация языка на мужские и женские разновидности строго последовательна и охватывает систему местоимений, набор эмоционально-экспрессивных частиц, систему форм вежливости.

На уровне синтаксиса различия между речью мужчин и речью женщин проявляются в следующем. Мужские предложения короче женских. Мужская речь (естественно, при сопоставимости темы и условий общения) сложнее по синтаксису и более насыщена интеллектуально. Обычная (нейтральная) женская речь содержит больше эмоционально маркированных элементов и интонационно более разнообразна, чем нейтральная речь мужчин. Однако эмоциональная речь мужчин отличается от нейтральной речи сильнее, чем женская эмоциональная речь. Н.Б. Мечковская отмечает также, что женская речь более консервативна, особенно в части синтаксиса.

При использовании синтаксической связи мужчины чаще употребляют подчинительную, а не сочинительную связь, а также придаточные времени,

места и цели, тогда как у женщин в основном преобладают придаточные степени и уступительные.

Существенные различия между мужчинами и женщинами наблюдаются в невербальном общении.

В казахстанском языкознании проблематика невербального общения довольно активно разрабатывалась в последнее десятилетие. Гендерный аспект невербального общения на материале фактов казахской культуры был объектом специального исследования в казахстанском языкознании в трудах А.Т. Оналбаевой, материал последней использован в нашем пособии. В российском языкознании этой проблематике посвящена серия работ Г.Е. Крейдлина на материале фактов австрийской, американской, английской, русской, французской и других культур, автор рассматривает гендерное невербальное общение в нескольких ракурсах: а) невербальные гендерные стереотипы и гендерные стили невербального коммуникативного поведения; б) особенности гендерного невербального делового общения и др. Далее приведем гендерные характеристики невербатов.

Улыбка как невербальный коммуникативный сигнал гендерно окрашена, а именно: женщины-коммуниканты проявляют тенденцию к более частой ее экспрессивизации. Улыбка в коммуникации женского типа используется в большинстве случаев для установления взаимодействия с собеседниками, тогда как в мужском типе общения улыбка выражает положительные эмоции (радость, удовлетворение, удовольствие).

Н.Л. Грейдина выделяет и такую характерную черту женского типа коммуникации, как интенсивная частота визуального контакта (взгляда). «Возможно, одной из причин высокой степени релевантности визуального контакта в невербальном комплексе женщин является их способность качественного декодирования паралингвистических аспектов коммуникации. Другая причина интенсивного использования визуального контакта связана с ролевыми гендерными позициями участников коммуникативного процесса: собеседники женского пола ассоциируются в большей степени с потребителями коммуникативного продукта – слушателями, в то время как коммуниканты мужского пола – с производителями коммуникативного продукта – говорящими. В свою очередь, результаты психологических наблюдений показывают, что слушающий проявляет тенденцию к более продолжительному и интенсивному установлению визуального контакта, чем говорящий. Соответственно, это находит проявление в гендерной специфике использования невербального параметра «визуальный контакт» в коммуникативном процессе. Однако А.Т. Оналбаева подчеркивает что гендерный фактор нельзя воспринимать в отрыве от фактора национальной культуры. Так, в традиционной казахской культуре в коммуникативной ситуации «мужчина – женщина» частый и длительный визуальный контакт оценивается как нескромность, невоспитанность. Женщина не должна смотреть прямо в глаза собеседнику, это допустимо в редких случаях, когда,

например, женщина имеет высокий статус (начальник), либо налицо ситуация противостояния, конфликта между собеседниками.

Довольно четко гендерный фактор прослеживается в группе эмотивных кинем – жестов. Так, в мужском типе коммуникации используются кинемы:

- *саньин согу* (удар ладонью по бедру), выражает досаду, сожаление, очень часто сопровождается междометием «Эттеген-ай»;

- *от басын сабау, ошақ қамшылау* (избивать плетью очаг), выражает гнев, ярость по поводу учиненного над говорящим насилия, оскорбления.

В женском типе коммуникации используются такие эмотивные кинемы:

- *бетін тырнау* (царапать свое лицо до крови), *шашын жаю* (распутить волосы) при выражении горя по случаю гибели, кончины близкого человека;

- *бетке түкіру* (плюнуть в лицо коммуниканту), выражает чувство презрения;

- *бетін шымыц* (уцелпнуть себя за щеку), выражает стыд + ужас + порицание за чье-то поведение, поступок.

В группе регулятивных кинем, т.е. жестов, действий, направленных на коммуниканта и рассчитанных на определенную реакцию с его стороны, типично мужскими являются следующие кинемы:

- *біз шаниар* (воткнуть шило), выражает желание стать сватами, ныне уже не используется;

- *ат құйрығын кесісу* (укоротить хвосты коням) символизирует прекращение всяческих отношений с коммуникантом;

- *қамшыны тастау* (бросить перед собой камчу), символизирует желание выступить, высказать свое мнение при обсуждении спорных дел.

Гендерный фактор в разных культурах и языках проявляется в разной степени, что дало основание для вывода о неодинаковой степени андроцентризма различных языков и культур. Заслуживают внимания и результаты исследований ученых МГЛУ, свидетельствующие о том, что в коммуникации, речевом поведении гендер предстает как «плавающий» параметр, то есть фактор, проявляющийся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций.

Литература по гендерной идентичности:

1) Словарь социолингвистических терминов Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аханова Д.Х.: «Арман – ПВ», 2008. – С. 74.

2) Оналбаева А.Т. Невербальное общение: социальный и национально-культурный контекст. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2010 – С. 123.

3) Сафонова М.В. Гендерные стереотипы и их влияние на поведение человека. // Практикум по гендерной психологии. Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.

- 4) Токтарова Т.Ж. Основные аспекты исследования гендерной лингвистики. // Язык: система, функционирование и моделирование. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2007. – С. 86-97.
- 5) Мечковская Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001.
- 6) Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты). Алматы: «Арда», 2007.
- 7) Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2003.
- 8) Алпатов В.М. Женский язык. /Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 153.
- 9) Грейдина Н.Л. Основы коммуникативной презентации. М.: АСТ, Восток – Запад, 2005. – С. 15.
- 10) Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1989.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое гендер?
2. Гендерные стереотипы – группы.
3. Привести примеры пословиц, где отражены гендерные стереотипы.
4. Как отражается в языке гендер (в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике)?
5. Гендерные табу

Задания:

Задание №1: сравните использование одного и того же жеста-действия в художественных текстах.

1. «Вода между тем в судне умножалася... Человек ... рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда» (А.Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

2. «Қарт ана оқыс есін жинап алды.

- Ойпырм-ай! ... деп өкіріп, жас жуган бетіне тырнақ салып, қанын ағыза осып-осып жіберді. Қанша кісі жабылса да, күйік көтерген әйел қолда тұрмай, жұлқып шықты. Ажал шенгелі жалғыз баласын бүрші алып, жұпыны жер үйдің бір жағын омсырайтып ойып әкетіп бара жатқанын көрді. Қара шашы жайылып кеткен. Үрей қаптаған көздерінің ағы айналып, ұясынан шыға ақшандап: «Жан ботам-м!» – деп зарлап, қос қолын созып ұмтыла берді де, құлап түсті. Үй ішінде жыламаған жан жоқ. Еламан да жылады.

(Ойпырм-ай! ... – рыдая, ногтями разодрала омытое слезами лицо. Люди пытались остановить ее, но женщина вырвалась из рук и выбежала. Она будто увидела, как смерть забирает ее единственного сына и ее бедная лачуга скривилась набок. Расширенные от горя глаза закатились, с воплем «Мой верблюжонок» она протянула обе руки вперед и упала. В доме все плакали. Плакал и Еламан). [Ә.Нұрпейісов. Қан мен тер].

Задание №2: определить, о каком явлении идет речь в следующем отрывке.

Сноха никогда не называет имени своего свекра, свекрови, деверей и вообще родственников мужа. Имена свекра и свекрови для нее абсолютно табуированы, для остальных же она обязана сочинить подобающие рангу каждого ласкательные и уважительные имена – прозвища. В этом – не только приверженность традиции почитать род своего мужа, но прежде всего непреложное условие иметь добрую репутацию и быть на хорошем счету.

Задание №3: дайте социолингвистический комментарий к следующему тексту.

Но вот наступает осень 2005 года, и Европа ставится перед фактом распространения беспорядков по территориям стран ЕС. Тот факт, что это произошло в 2005 году, не является предопределяющим моментом, так как подобные события могли произойти на год раньше, или в следующем году. При этом стоит отметить, что недовольство среди иммигрантов не обязательно должно быть связано только с безработицей или бедностью. Оно также вызвано болезненным осознанием того, что представления о жизни, с которыми приезжали иммигранты, не соответствовали их уровню жизни в Европе. Второй немаловажный фактор заключается в том, что приезжие из других стран не приняли демократические ценности, которые являются совершенно естественными на территории Европы (но по многим параметрам неестественными для восприятия бывших граждан африканских и ближневосточных стран), и предпочли сохранять собственную – национальную, культурную, религиозную идентичность. Как следствие этого иммигранты стали селиться более компактно, создавая целые кварталы. При этом данные гетто существовали изолированно.

Таким образом, формирование маргинальных слоёв населения постепенно от незначительной составляющей переходит в новое качество – влиятельную силу, которая постоянно пополняется безработными. Данный протестный потенциал накапливает в себе разочарование, обиду на то, что европейская страна, в которую они (их родители) переселились в поисках лучшей жизни, не в состоянии решить все их проблемы. [Р.Ушаков. Невыученные уроки французского. Литер., 16.11.2005, взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007. – с.24-25].

Задание №4: определить, какие факторы, ведущие к формированию маргинальности, отмечены в отрывке. [Казак әдебиеті, №10(3226), 11-17 наурыз, 2011 жыл. – 16.]

Енді дәстүршілдіктен біртіндеп маргиналды топқа ығысып бара жатқан, қазақша білмейтін қазақ жастарын көрсек те таңқалмайтын дәрежеге жеттік.

Возрастная идентичность и ее отражение в языке

В социолингвистике, социальной психологии, насколько можно судить по имеющейся в нашем распоряжении научной литературе, понятие возрастной идентичности малоразработано. А.В. Микляева, П.В. Румянцева объясняют это рядом причин. «С одной стороны, возраст – это индивидуальная особенность человека, которая характеризует онтогенетически обусловленные закономерности его развития («возраст развития»). С другой стороны, возраст – это набор нормативно-ролевых характеристик, производных от системы разделения труда и социальной структуры общества, которая определяет обязательность и доступность различных форм социальной активности для людей того или иного хронологического возраста («социальный возраст»). Кроме того, еще один исследовательский ракурс сосредоточен на том, что каждый человек в большей или меньшей степени разделяет ценности той или иной возрастной категории на основе субъективно переживаемого возраста.

Долгое время в психологии различные возрастные периоды (детство, юность, зрелость, старость) рассматривались как инвариантные этапы жизни, четко зафиксированные в соответствующих демографических категориях и физиологически обусловленных закономерностях развития. В реальности же каждая возрастная ступень представляет собой уникальный культурно-исторический феномен, содержание которого может быть понято только посредством анализа системы возрастного символизма соответствующей культуры, отражающего способы осмысления жизненного пути человека и возрастной стратификации общества, что наглядно показано результатами многочисленных культур-антропологических исследований.

В современной психологии в основе анализа феномена «возрастная группа» лежит представление о возрасте как социальном явлении, при этом появляется возможность рассматривать возрастные группы в качестве субъектов социальной жизни, занимающих определенное место в системе общественных отношений, обладающих определенным набором социальных ролей и статусов.

Возраст – это неотъемлемое качество человека, обязательный признак человеческого существования, отражающий процесс человеческого бытия во времени.

Понятие возраст включает в себя биологический, психический и социальный возрасты, которые рассматриваются в современной науке либо в плане онтогенеза, либо жизненного пути человека.

По Л.М. Белозеровой, биологический возраст определяется как соответствие морфо-функционального уровня некоторой среднестатистической норме данной популяции, отражающее неравномерность развития, зрелости и старения различных физиологических систем и темп возрастных изменений адаптационных возможностей человека. В связи с таким пониманием биологический возраст оценивается как центральный компонент адаптационного механизма человека и эффективности функционирования человеческого механизма.

Биологический возраст отражает онтогенетический аспект развития человека.

Психический возраст - конкретная, ограниченная во времени ступень психического развития человека и его развития как личности, которая определяется совокупностью закономерностей физиологических и психологических изменений, не связанных с различием индивидуальных особенностей.

Социальный возраст понимается как набор нормативных ролевых характеристик, производных от возрастного разделения труда и социальной структуры общества, что определяется через соотнесение уровня владения индивидом определенными социальными ролями с тем, что является статистически нормальным для его сверстников в конкретной общности. Освоение социальных ролей происходит в процессе социализации, поэтому периодизация социального возраста характеризует жизненный путь человека, а не его онтогенетическое развитие.

Биологический, психический и социальный возрасты взаимосвязаны. В.А. Микляева на основе анализа и обобщения результатов исследований по отдельным видам возраста делает вывод, что на начальных этапах онтогенеза человека наблюдается прямая связь между биологическим и психическим возрастaми. По мере взросления человека в его возрастном развитии одну из важнейших ролей начинают играть социальные факторы, которые значительно воздействуют на процессы биологического развития, влияя на траектории взросления и старения. В частности, это доказано в исследовании А.И. Минаева по увеличению верхней границы детородного возраста женщин более чем на 10 лет в сравнении со средневековьем на фоне развития медицины и трансформации взглядов на проблемы материнства.

Примером влияния социальных факторов на психический и биологический возрасты является феномен долгожительства, которому способствует целый набор социальных признаков, регулирующих отношение к пожилым людям в обществе, а также их самоотношение.

Ключевым моментом для понимания социально-психологической сущности возрастных отношений является понятие возрастной идентичности.

Возрастная идентичность - это процесс и результат отождествления индивидом себя с определенной возрастной группой, сопровождающееся принятием норм поведения данной группы в качестве регуляторов

собственного поведения. Возрастная идентичность формируется в процессе интерпретации человеком своего хронологического возраста посредством возрастных социальных конструктов, составляющих систему возрастного символизма культуры. Ее содержанием является система авто- и гетеровозрастных стереотипов, которые определяют характер взаимодействия человека с представителями своей и других возрастных групп. Возрастная идентичность основана на знаниях человека о социальной реальности и формируется в процессе их приобретения.

Фактор возрастной идентичности культурно и исторически обусловлен, поэтому он обычно выступает в тесной связи с этнической и гендерной идентичностью.

В социологии существуют два основных направления в исследовании проблемы возрастных отношений: стратификационная и социокультурная.

Система возрастной стратификации делит людей на «старших» и «младших», причем понятие старшинства имеет не только описательное, но и статусное значение, обозначает асимметрию прав и обязанностей. В рамках теории возрастной стратификации предполагается, что возрастные группы в целом обладают различным социальным статусом, поскольку разновозрастные группы различаются такими параметрами, как социальная значимость деятельности, образ жизни и материальное положение. Как указывает И.С.Кон, элементами системы возрастной стратификации общества являются возрастной состав и структура населения (социально-демографический аспект), возрастная структура общественной деятельности (социально-экономический аспект), возрастная структура общественных организаций. На их основе формируются формальные и неформальные возрастные роли, т.е. предписываемые обществом функциональные нагрузки каждого этапа, организующие «социальное расписание» жизни человека. Каждая возрастная роль сопряжена с соответствующим возрастным статусом, т.е. положением в обществе, которое человек занимает в соответствии со своим возрастом.

Таким образом, оказывается, что возраст человека определяет доступность или недоступность тех или иных функций.

Социокультурное направление исследования возрастных отношений основано на представлении о том, что каждый человек организует свой жизненный путь посредством возрастных социальных норм и предписаний, существующих в обществе. Предполагается, что возрастные нормы и предписания закреплены в культуре и являются отражением возрастной стратификации общества в обыденном сознании. И.С.Кон предлагает использовать термин «*возрастной символизм культуры*», обозначающий систему представлений и образов, в которой культура воспринимает и осмысляет возрастную стратификацию общества. Возрастной символизм является подсистемой культуры и включает в себя несколько взаимосвязанных элементов:

Нормативные критерии возраста – терминологию, обозначающую периодизацию жизненного цикла с указанием длительности и задач его этапов;

Возрастные стереотипы;

Символизацию возрастных процессов, т.е. представление о том, как происходит переход из одной возрастной группы в другую;

Возрастные субкультуры - специфические наборы признаков и ценностей, по которым представители данной возрастной группы осознают и утверждают себя в качестве «мы», отличного от остальных возрастных общностей.

Таким образом, в рамках социокультурной парадигмы исследования возрастных отношений предполагается, что человек конструирует свое собственное развитие в соответствии с распределенными в обществе представлениями о содержании тех или иных возрастных этапов. Возраст рассматривается как основание для совокупности институционализированных или традиционных ролей, сложившихся в общественной практике относительно разных возрастных групп.

Логично, что специфика возрастных отношений отражается в языке. Существует номинативная парадигма, включающая названия возрастных групп. Исследователи отмечают, что название возрастной группы часто предшествует ее реальному формированию и структурированию отношений к ней. По мнению Н.В. Крючковой, концепты возраста (детство, отрочество, молодость, зрелость, старость) принадлежат к числу базовых концептов в картине мира социума и обладают значительным оценочным потенциалом. Согласно результатам лингвистических исследований, в современной европейской культуре устойчиво закрепилась оценочная оппозиция «молодость-старость», причем первый полюс сопровождается позитивными коннотациями (красота, здоровье, энергичность, перспективность и т.д.), а второй – негативными (болезнь, беспомощность, слабоумие и т.д.). Аналогичные оценочные существуют и в других культурах. Например, в языке индейцев нампиквара есть слово со значением «молодой и красивый» и другое слово, которое обозначает «старый и уродливый».

Однако это явление не является исторической и культурной универсальной. Так, М.Э. Елютина исследуя этимологию слова «старость» в европейских языках, пишет, что первоначально оно не было сопряжено с отрицательными коннотациями: в русском языке слово «старость» восходит к славянскому «старый» в значении *крепкий*, в английском языке «ageing» означает *старение и взросление*, немецкое «altern» – тесно связано со словом *eltern - родители*. И, наоборот концепт «детство» в русском языке этимологически окрашено отрицательными коннотациями. Как указывает В.В. Абраменкова, этимология слова «ребенок» восходит к слову «раб».

Оценочный потенциал возрастных концептов проявляется в определениях более дробных этапов жизненного пути человека, характерных

для конкретной общности, причем в названиях отражается не только модальность, но и статус в структуре возрастных отношений. Тюгашиев Е.А., Попкова Т.В. приводят в качестве иллюстрации поморов русского севера, в общности которых возраст является критерием при дележе добычи, где детей называли «зуйками» по аналогии с птицами, питающимися отбросами. Слово «отрок» в праславянских языках буквально означает «не имеющий права говорить», т.е. не имеющий права участвовать в принятии важных для семьи или общины решений. Отражение в языке возрастных отношений национально-культурно обусловлено.

Фактор возраста в языке, как и гендерный фактор, отражен двояко: в системе языка как отражение восприятия обществом возрастных характеристик индивида и в коммуникативном поведении индивида, когда он использует вербальные и невербальные единицы общения в соответствии с его представлением о своем возрасте, с какой возрастной группой он себя идентифицирует.

Первый аспект проблемы условно назовем «отражение возрастных параметров человека» в языке. Будучи тесно связанным с номинативной антропонимической парадигмой, данный аспект проблемы разрабатывается в ряде исследований, посвященных антропонимам. В казахстанском языкознании можно указать на работы С.К. Смат, А. Жанабековой и др.

Смат С. приводит следующие однословные номинации возрастных периодов жизни человека в казахском и русском языках: *русск. младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, несовершеннолетие, совершеннолетие, преклонность, престарелость, старость; в каз.: сәбилік, балалық, жасөспірімдік, жастық, қамелеттік, ересектік, балғаттық, азаматтық, қарттық, кәрілік.*

Приведенные слова-обозначения возрастных периодов интересны тем, что временная сема, наличествующая в их семантике и четко ощущаемая носителями языка, характеризуется определенной размытостью. Вряд ли кто из носителей языка может достоверно указать временные границы периодов жизни человека, ибо эти границы, во-первых, детерминируются уровнем развития общества, во-вторых, велика доля субъективизма в восприятии этих границ; в-третьих, определенную роль играют национальные традиции, национальная психология, восприятие. Поэтому в словарях при толковании этих слов используют как дополнительную точку отсчета и такой параметр индивидуального времени, как хронологическая определенность, выражающаяся в указании на предыдущий и последующий возрастные периоды. Например, в МАС слово «детство» определяется как *детский возраст, детские годы* [I, 396], в ТСРЯ слово «молодость» характеризуется как *юный возраст, возраст от отрочества до зрелых лет* [II, 249], а «отрочество» как *переходный возраст между детством и юностью* [III, 980].

Аналогично состоит дело с дефинированием приведенных слов и в лексикологических источниках по казахскому языку. Так, в 10-ти томном

толковом словаре казахского языка слово «балалық» определяется как *кәмелетке толмаған балғын шақ* [II,73], «кәрілік» как *қарттық, жасы асқандық* [IV, 528]. В ҚТС слово «сәбилік» определяется как *буыны бекімеген бүлдіршін кез, бөбектік* [IV, 562], слово «ересектік» - *өсіп ер жеткендік, мосқалдық* [IV, 179].

Исключение составляет словарь Вл. Даля, в котором в семантических определениях этих слов содержатся указания на более или менее точные временные границы возрастных периодов: «младенчество» - пора и «возраст человека до семи лет» [II,332], «старчество» - старческие лета, престарелость, конечные годы жизни. Старчество считают съ 70-ти леть [III,317].

В языке имеется значительное число агентивных существительных, именующих человека в соответствии с его возрастом: *новорожденный, младенец, младенчик (разг.), грудничок, пеленашка (разг.), дитя, малыш, малютка, ребенок, малышка (разг.), девчонка (разг.), юноша, девица, девушка, парень, молодка, молодняк (прост.), дед, дедушка, бабушка, старик, старуха, старец* и др. Каз.: *шарана, шақа, бөпе, нәресте, бөбек, ересек бала, балғын, жеткіншек, балауса, бозбала, қыршын, жасөспірім, бойжеткен, ұлан, естияр, жігіт, ересек, дүр жігіт, ер түлегі, жігіт ағасы, есейген, қырма сақал, егде, отағасы, қарасақал, кексе, сары қарын, можа, мосқал, кәрі, қария, ақсақал, кейуана, қарасақал, көк сақал, қақса, жасамыс, қартамыс, кемпір, шал* и др.

А.А. Жанабекова, подвергнув мотивационному анализу ряд таких агентивных существительных, как *бүлдіршін, шақа, шарана, балдырған, емшек баласы, бозбала, жігіт, жігіт ағасы, ақсақал, қарасақал, қырмасақал, сарықарын* и др. отмечает, что в основе наименований лиц по возрасту лежат следующие признаки:

- a) отличительные признаки внешности человека: цвет, борода;
- b) физиологическая сила: наличие или отсутствие; способность/неспособность к самостоятельным действиям;
- c) способность мыслить
- d) общественный статус.

Второй аспект проблемы «возраст - язык» касается функциональной стороны языка. В языкознании этот аспект активно разрабатывается российскими учеными. В частности, можно отметить труды Р. Потапковой, В.В. Потапова и др. Фонетисты отмечают, что такие фонетические параметры, как темп, паузация, тон, мелодика, позволяют определить возрастную группу говорящего. Так, замедленный темп речи, частые паузы hesitation свидетельствуют о том, что говорящий относится к старшей возрастной группе, а указанные характеристики отражают такие психофизиологические особенности людей пожилого возраста, как ослабление психической и физической активности, ослабление памяти, в результате человек предельно концентрирует силы на подборе нужных слов. Более низкая тональность голоса, несколько нивелированная мелодика речи также указывают на старшую возрастную группу говорящего. В лексическом

отношении можно указать на специфические вокативы – обращения, которые используют коммуниканты старшего поколения: *айналайын, құлынишақ, балапаным, алтыным* и др., а также на меньшую приверженность людей старшего возраста к использованию неологизмов – заимствований, жаргонизмов. Речь коммуникантов старшей возрастной группы более нормативна по сравнению с речью коммуникантов младшего возраста.

А.Т. Аналбаева подчеркивает, что на отбор и характер средств невербального общения оказывает влияние и параметр возрастной идентичности. Так, кинема *басынан сипау* (погладить по голове) обычно используется человеком старшего возраста по отношению к младшему, проксема *төрге отырғызу*, кинема *қолтығынан демеп ұстау* выполняются по отношению к старшему по возрасту.

Возрастная идентичность актуализируется в ситуациях ролевого взаимодействия, обычно в семейной сфере, сфере профессионального взаимодействия. Особого внимания заслуживают межпоколенные возрастные отношения, которые в каждой культуре регулируются своими нормами поведения.

Термин *нормы поведения* мы используем в трактовке В.Карасика, в социальном плане нормы поведения представляют особый механизм оптимальной регуляции межличностных и статусных отношений в обществе. В интерактивном плане такие нормы позволяют индивиду вести себя в соответствии с ожиданиями партнеров по общению, с принятыми (и положительно оцениваемыми в обществе) стереотипами поведения.

Нормы поведения эксплицируются обычно через коммуникацию и находят отражение в языковых единицах, особенно ярко они отражены в корпусе паремий, представленном в толковом словаре пословиц и поговорок А.Қайдара «Халық даналығы» [Алматы: Толғанай Т., 2004 – 559с.].

Как указывает автор словаря, казахский язык насчитывает около 15 тысяч паремий, толковый словарь А.Қайдара охватывает свыше 2-х тысяч паремиологических единиц, раскрыты их внутренняя форма, мотивация, переносное значение, указаны ситуации и параметры их использования (по отношению к кому и с какой целью используют ту или иную пословицу).

Анализ материалов словаря А.Қайдара позволяет в обобщенном виде нормы взаимодействия между разными возрастными группами представить в следующем виде.

Для казахской культуры нормой поведения является уважительное отношение младшего поколения к старшему поколению, поскольку у старших по возрасту людей жизненный опыт побольше, багаж знаний, умений и навыков также побольше, чем у молодых. Поэтому в любой коммуникативной ситуации окончательное решение принимает старший, и это решение не подлежит обсуждению со стороны младших: *Ата көрсеткен жолымыз бар, Ана тоқыған тонымыз бар. Аналар сөзі – ақылдың көзі.*

Резко осуждаются случаи несоблюдения данной нормы: *Әке тұрғанда сөйлеген баладан без, шеше тұрғанда сөйлеген қыздан без.*

Старшие обязаны заботиться о младших, отец о сыне. Сыну пользу приносит не только материальное наследство, оставшееся от отца, но и его авторитет, его доброе имя, остающиеся в памяти людей после его смерти: *Әкенің еккен ағашы – ұрпаққа сая.*

С другой стороны, паремии предупреждают, что собственное благополучие и авторитет не передаются по наследству, а зарабатываются собственным трудом: *Әкенің төріне сенбе, Маңдайыңның теріне сен. Атаңда болғанда, алақаныңда болсын.*

В обобщенном виде связь между поколениями в паремиях предстает как непрерывная связь, обеспечивающая преемственность: *Алдағыны көр де пікір ет, Арттағыны көр де шүкір ет. Алдыңғы арба қайда жүрсе, соңғы арба сонда жүрер.*

Если старшее поколение воспринимается младшими как назидающее начало, источник мудрости, указывающий направление жизни последующему поколению, то младшее поколение воспринимается старшим как остающийся после них в жизни след, обеспечивающее их бессмертие: *Адам ұрпағымен мың жасайды. Бала – артта қалған із. Бақыт – ұзатылған қыз. Әкeden ұл туса игі еді, Әке жолын қуса игі еді.*

Еще одна сторона взаимоотношений старшей и младшей возрастных групп -- это терпимое отношение, понимание слабостей людей как молодых, так и преклонного возраста: *Алтыға дейін бала ерке, Алтыстан кейін шал ерке; Жаста бір бала, қартайғанда бір бала. Адам жасында тойшыл болады, Қартайғанда ойшыл болады.*

Нормы поведения могут быть зафиксированы в паремиях с разной грамматической и коммуникативной структурой.

Как видно из приведенного иллюстративного материала, паремия может иметь форму директивного высказывания, предписывающего единственно верное поведение в рамках стереотипной коммуникативной ситуации: *Анасына қарап қызын ал, Аяғына қарап, асын іш. Алдағыны көр де пікір ет, Арттағыны көр де шүкір ет.*

Паремия может содержать констатацию ситуации в другой сфере, например, предметная ситуация с транспортом: *Алдыңғы арба қайда жүрсе, соңғы арба сонда жүрер.* В данном случае для выявления нормы поведения, заложенной в паремии, носитель языка должен осуществить метафорический перенос со сферы транспорта в сферу родственных отношений: речь идет о старшем ребенке либо старших родственниках (*алдыңғы арба*) и о младшем ребенке либо младших родственниках (*соңғы арба*), отношения соотнесенности движения двух транспортных средств в метафорическом виде как подражание, которое часто существует в семьях с несколькими детьми. Далее носитель языка должен обобщить: роль старшего ребенка либо старших родственников в формировании младшего ребенка либо младших родственников велика. И, наконец, выводится норма поведения: особое внимание должно быть уделено воспитанию и формированию характера, образованию старшего ребенка в семье, поскольку далее он будет помогать

родителям в воспитании младших детей своим примером, служа образцом для подражания.

Итак, возрастная идентичность находит отражение как в единицах разных уровней языковой системы, так и в коммуникации.

Результаты исследований, посвященных отражению гендерной, этнической, возрастной идентичности в языке и коммуникации, активно используются в лингвокриминалистике. Так, М.А. Грачев отмечает: «По интонации, тембру, акценту, сбивчивости фраз можно определить, волнуется ли человек, является ли его звонок ложным и т.п. Можно идентифицировать человека по его фонетическим особенностям (например, азербайджанец может использовать в речи длительное да-а-а; украинец-[г] фрикативное), по лексическим особенностям (например, в лексике ученых часто используются вводные слова и характерные штампы (*следовательно, по-видимому, по всей вероятности, можно сделать вывод и т.п.*)), по специфическим морфологическим ошибкам (например, Нижегородской области часто можно услышать фразы с характерными ошибками: «Сколько время» – «Без десять восемь»).

«... лжец (обманщик, мошенник) нередко начинает свои фразы со следующих речевых оборотов *честно говоря, откровенно говоря, если честно, то..., на самом деле, по правде сказать* и т.п. Нередко он может апеллировать к собеседнику со следующими фразами: «Ну, точно я тебе говорю», «Верняк, все будет о'кей!» и задавать вопросы: «Ведь вы согласны со мной?», «Согласитесь, ведь это так?» При этом нередко будет кивать головой, как бы приглашая согласиться с его доводами. Это один из психолингвистических приемов, когда собеседник непроизвольно (а может и из чувства вежливости) кивает головой. Но в этом случае он уже подтверждает правоту мошенника [69-].

... При волнении речь может убыстряться или, наоборот, замедляться, быть прерывистой, фразы часто становятся незаконченными; резко увеличивается количество существительных и глаголов по отношению к другим знаменательным частям речи; в синтаксическом плане также происходят изменения – наблюдаются многочисленные повторы, лексически речь становится упрощенной выбираются короткие слова с наиболее высокой частотностью в языке», увеличивается количество слов-паразитов, неологизмов и ошибочных употреблении лексем; появляются слова со значением семантической безысключительности – *вечно, всегда, никогда, никто.*

Речь, речевая деятельность человека (манера говорения, используемый словарь, выражения, жесты и многое другое) создает определенный образ человека в глазах окружающих. Этот образ обозначается термином языковой паспорт человека.

Языковой паспорт человека – это та информация, которую человек непроизвольно передает о себе, когда он говорит.

Языковой паспорт человека несет информацию о его половой принадлежности, возрасте, откуда он родом (город – село), насколько он эмоционален, о его физическом состоянии на момент говорения (бодр, устал). По речи можно определить, иностранец ли, об уровне его общей культуры, о его профессии.

Современные исследования позволяют по голосу реконструировать многие внешние признаки человека. Сейчас в силовых ведомствах есть специальные компьютерные устройства, определяющие по голосу «телефонного террориста» многие его черты, включая даже форму лица.

Литература:

1. Микляева А.В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 8–47.
2. Белозерова Л.М. Онтогенетический метод определения биологического возраста человека // Успехи геронтологии. – М., 1999. – Вып.3 – С. 108–112.
3. Илющенко В.Г. Современные подходы к оценке биологического возраста человека // Валеология. – М., 2003. – №3. – С. 11–19.
4. Минаев А.И. География населения. – Горно –Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 170 с.
5. Микляева В.А. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. Монография. – СПб.: Речь, 2009. – 160 с.
6. Снат С.К. Представленность понятия «время» в лексико-семантических группах русского и казахского языков. – Дисс... канд.филол.наук, Алматы, 2002.
7. Жаңабекова А. Қазак тіліндегі «уақыт» ұғымының тілдік парадигмасы.-Филол. ғылым. док.дисс. авторефераты, Алматы, 2010.
8. Смелзер Н. Социология. /перв. с англ. Яз – М., 1998. – 689 с.
9. Кон И.С. Ребенок и общество. – М., 1988.-336с.
10. Крючкова Н.В. Концепт «молодость» в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического языкознания (Казань, 23-25 мая 2006г.).- Казань, 2006.-т.1.-С.86-88.
11. Рудакова О.И. Концепты «молодость» и «старость» как динамические явления (на материале словообразования)// Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки.- 51/2007.-С.247-252.
12. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Питер, 2001.- 518 с.
13. Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова «старость» // Российский журнал Социальной работы. – 1998. – №3/7. – С.88-92.

14. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. – Мю: ПЕР СЭ, 2008. -431с.
15. Тюгашиев Е.А., Попкова Т.В. Семейное воспитание. – Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2003 – 180с.
16. Толстых А.В. Возрасты жизни. – М.: Молодая гвардия, 1988. -221с.
17. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: «Гнозис», 2004. -386 с.
18. Оналбаева А.Т. Невербальное общение: социальный и национально-культурный контекст. – Алматы, 2010.
19. [З.Д.Попова, И.А.Стернин. Общее языкознание. Изд 2., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – с. 59-60]
20. Грачев М.А. Изучение основ автороведческой экспертизы при подготовке лингвокриминалистов // «Вестник» Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова 2011, № 3-4. –С 67-72 –С. 68).
21. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М, 1999 – 128с.

Вопросы для самоконтроля:

- 1) Что такое возрастная идентичность?
- 2) Как взаимодействуют биологический, психический и социальный возраст?
- 3) Как проявляется возрастная идентичность в языке?
- 4) Как отражается фактор возраста в коммуникации?

Задания

Задание №1: какая лингвометодическая и социолингвистическая одновременно проблема раскрыта в следующем тексте.

–Вы знаете несколько языков, скажите, как и при каких условиях выучили их? Что, на ваш взгляд, самое трудное в изучении языков?

–Я знаю английский, но не могу сказать, что в совершенстве им владею. Но моих знаний английского языка достаточно, чтобы без проблем общаться с носителями языка, решать какие-то проблемы рабочего характера и, конечно же, во время путешествий. Уйгурским языком я владею достаточно хорошо, с легкостью общаюсь с носителями языка и много читаю на нем. Я уже говорил о том, что мои знания уйгурского языка помогают понимать и другие языки тюркской группы. Во время посещения Алматы я понимал содержание вывесок на улицах. И мне это было очень приятно. ... Я думаю, что интересное и трудное одновременно в изучении иностранного языка – в культуре народа, язык которого мы изучаем. Однозначно: не понимая культуру, образ мышления народа, невозможно в совершенстве овладеть его языком. [Ф. Даулетова Ван Мэн о времени и о себе. // Мегалополис, 23.12.2004 – взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007-с.59]

Задание №2: дайте социолингвистический комментарий нижеприведенному тексту

Идея создания образа «мы – казахстанцы» и до этого времени высказывалась в разных работах наших философов, историков, литераторов. Но все озвучивали ее очень осторожно. Дело в том, что американская шляпа очень плохо смотрится на голове казаха. Она просто ему не идет. Я не возражаю против того, что мы будем говорить о себе как о казахстанской нации только в двух случаях: если имеется в виду географическое положение и если в основе лежит патриотизм. Я лично 63 года живу в Казахстане и считаю себя казахстанцем. Говорю об этом открыто, с гордостью, но не имею в виду этническую сторону. ... когда дело касается этнического происхождения человека, то я категорически против. Нет такой нации – казахстанская нация. И если даже в будущем в графе национальность мы будем писать казахстанец, я обязательно в скобках напишу немец. Потому что от немецкой своей сути уходить не желаю. Думаю, что остальные будут еще более настойчивыми и не откажутся от своего этнического происхождения [Г. Бельгер. Американская шляпа не смотрится на голове. // Мегполис. 14.10.04., взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007-с. 31]

Коммуникативное поведение

Проблематика коммуникативного поведения человека нами вводится в число проблем, которыми должна заниматься социолингвистика, по ряду причин.

Во-первых, коммуникативное поведение как совокупность норм и традиций общения обязательно должно рассматриваться в неотъемлемой связи с народом, с социумом как субъектом общения.

Во-вторых, коммуникативное поведение не является гомогенным, оно всегда вариативно и обусловлено рядом факторов национально-культурного, социально-возрастного, гендерного характера. З.Д.Попова, И.А.Стернин определяют коммуникативное поведение как совокупность норм и традиций общения и подчеркивают, что изучение национального коммуникативного поведения позволяет выявить и описать национальную коммуникативную культуру как компонент его национальной культуры.

Поскольку понятие *коммуникативное поведение* основывается на понятии *общение*, считаем логичным остановиться на нем более детально.

З.Д.Попова и И.А.Стернин определяют общение как осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью.

На наш взгляд, некоторые из признаков, указанные в приведенной дефиниции, нуждаются в определенной коррекции.

Так, в комментарии к признаку «обмен информацией» авторы пишут: «Нельзя считать естественным, полноценным общением такие ситуации: один «выговаривается», а другой выступает только как слушатель; один кричит на другого, а другой молчит». Мы согласны с тем, что общение – это процесс двусторонний, но это не значит, что общение обязательно должно проходить в вербальной форме. Молчание в коммуникативной ситуации всегда значимо, оно несет определенную информацию.

Так, Б.Хасанулы отмечает, что молчание может выражать утверждение, согласие, отрицание, обещание, просьбу, оценивание, ожидание, растерянность, раздражение. Демонстративное молчание может служить сигналом к завершению разговора. Молчание может быть необходимым для выяснения социально-ролевых отношений. Функция молчания в структуре беседы зависит от речевой ситуации. Коммуникативно значимое молчание расценивается В.Г.Почепцовым как знак, В.В.Богдановым – как нулевой акт речи.

Второе наше возражение касается *осознанности информационного обмена*. На наш взгляд, общение, в котором наличествуют имплицатуры, а информация передается косвенным путем, имеет место быть и в некоторых культурах подобное общение считается более уместным в ряде коммуникативных ситуаций. Так, в казахской культуре существует традиция *астарлап сөйлеу*, т.е. говорить иносказательно, что свидетельствует о знании коммуникативной культуры, одним из принципов которой является максимально тактичное отношение к коммуниканту, боязнь обидеть, оскорбить его грубым словом, неуместным замечанием. Степень осознанности в этом случае может быть различной и зависит от лингвокультурной компетенции коммуникантов.

Относительно признака *индивидуализация собеседника*, который мы всецело поддерживаем, необходимы конкретизация и дополнение. А именно: *индивидуализация собеседника* прежде всего осуществляется через экспликацию его основных социально-демографических и национально-культурных характеристик, и лишь затем – формирования эмоционально-оценочного отношения к нему.

Дополнение касается того, что в определенной степени характер и степень индивидуализации собеседника зависит еще от цели коммуникации. А сам признак индивидуализация собеседника находит отражение прежде всего в вокативе – обращении как начальном компоненте коммуникативного поведения. Под функцией понимается целевое назначение объема, используемого субъектом/субъектами. Выделяем, вслед за Б.Д. Парыгиным, следующие функции общения в современном обществе:

- **социальные функции общения**, связанные с потребностями общества в целом (*функция обмена информацией*, позволяющая координировать деятельность членов общества и управлять совместной

деятельностью людей; *функция передачи знаний, опыта, способов действия*, на этой функции общения основано обучение; *функция формирования норм общественного поведения*);

- **социально-психологические функции**, связанные с реализацией общественных потребностей отдельной личности. Сюда относят: 1) *функцию коммуникативного самовыражения личности, коммуникативной самореализации*;

- 2) *функцию оценки деятельности человека*;
- 3) *функцию подавления агрессии*;
- 4) *функцию отождествления себя с группой*;
- 5) *функцию познания людьми друг друга*;
- 6) *функцию формирования и развития межличностных отношений*;
- 7) *функция распределения /заполнения времени*;

- **индивидуально-психологические функции общения**, связанные с удовлетворением индивидуальных потребностей человека как конкретной личности, как социального и биологического индивида:

- 1) *функция формирования и поддержания сознания*;
- 2) *функция поддержания работоспособности, эмоционального равновесия*;
- 3) *функция поддержания физического здоровья*;
- 4) *функция усиления психических процессов*.

Из приведенных выше трех групп функций общения социальные функции общения, связанные с коммуникативной и регулятивной функциями языка как главного средства общения, достаточно широко известны. Так, различают: а) общие функции языка как общественного явления; б) функции языка как системы знаков; в) частные функции языка, связанные с конкретными ситуациями общения людей.

Функция языка как общественного явления одна – *коммуникативная*, которая может выступать в трех формах: как *узконаправленная* коммуникация (непосредственный диалог один на один, устный или письменный), как *широконаправленная* коммуникация (непосредственное общение одного человека с большой группой людей – урок, лекция, митинг, собрание), как *массовая коммуникация* (опосредованное общение человека с невидимой аудиторией через СМИ).

Такие функции, как называние явлений (*номинативная*), как функция выражения мысли (*экспрессивная*), как функция накопления в словесной и текстовой форме знаний и опыта человека (*аккумулятивная*), как познавательная, позволяющая людям знакомиться с помощью языка с результатами познания мира другими людьми (*когнитивная*) – все они являются проявлением свойств языка как системы знаков.

Такие функции, как *эмотивная* (выражение чувств и переживаний человека в процессе его речи), *побудительная* (выражение воли, желания говорящего), *фатическая* (контактная – для установления и поддержания

контакта с собеседником), *дейктическая* (указательная) и другие относятся к частным функциям языка, проявляющимся в отдельных конкретных ситуациях общения.

Такие же функции общения, как социально-психологические и индивидуально-психологические функции общения обычно в лингвистической литературе не акцентируются, между тем при разработке как социолингвистического, так и психолингвистического аспектов проблемы «язык – личность» указанные функции общения представляют большой интерес.

З.Д.Попова и И.А.Стернин пишут о функции коммуникативного самовыражения личности, коммуникативной самореализации следующее: «Человеку необходимо, чтобы обществу было известно о его взглядах, мнениях, позиции по тому или иному вопросу. Общение выступает средством такой коммуникативной самореализации – человеку нужно, чтобы его услышали, его мнением поинтересовались, поняли его позицию – это ему приятно, доставляет ему положительные эмоции».

Лишение возможности сообщить свои мнения другим может очень переживаться человеком и даже приводить к тяжелым последствиям для личности, особенно в пожилом возрасте. Потребность писать мемуары, желание выступать перед молодежью определяется у пожилых людей необходимостью реализации именно названной выше функции общения-функции самовыражения личности.

Человеку хочется, чтобы с ним поздоровались, к нему подошли, проявили внимание, выделили из других, спросили его мнение, обратились за советом и т.д. Общение удовлетворяет эту потребность.

Э.Берн писал, что человек в общении удовлетворяет жажду ощущений и жажду признания, получает символические «поглаживания» от других».

Функция подавления агрессии общением используется в лингвоконфликтологии. При отсутствии общения, когда человек теряет контакт с людьми, общество воспринимается человеком враждебно. Агрессивное поведение можно предотвратить общением, дав возможность человеку выговориться, излить эмоции, посочувствовать ему, таким образом перевести агрессию в общение.

Функция отождествления себя с группой реализуется у человека путем общения с себе подобными. Человеку нужно общение с людьми своей группы (по возрасту, по этнической принадлежности, по профессии, по интересам и т.д.), чтобы подтвердить свою принадлежность к группе. Это придает человеку чувство опоры, сознание того, что его понимают, ему сочувствуют и в случае необходимости могут оказать помощь советом, делом.

Функция познания людьми друг друга реализуется в общении через индивидуализацию друг друга, через выявление дифференциальных черт собеседника, что дает возможность для эмоционального восприятия

человеком своего собеседника, для оценки его личностных человеческих качеств.

Из индивидуально-психологических функций общения особого внимания заслуживает функция формирования и поддержания сознания. Общение является одним из обязательных факторов, необходимых для формирования сознания человека. Речевое общение стимулирует развитие сознания ребенка. Недостаток общения тормозит умственное развитие ребенка. В Домах младенца дети хуже умственно развиваются, чем их сверстники в нормальных семьях, поскольку с ними мало общаются.

В процессе общения человек получает, накапливает и корректирует знания, через общение он получает образование.

Общение необходимо для поддержания функций сознания, для устойчивого функционирования психики. У людей лишенных общения, наблюдается психическая деградация, это происходит, например, с одинокими людьми, к которым никто не приходит, с ними не разговаривают. Полноценное межличностное общение способно длительное время поддерживать психическое здоровье человека.

Общение также способствует сохранению эмоционального равновесия, физической работоспособности человека. Отсутствие либо недостаточность общения ведет к снижению интереса к работе, перепадам настроения. В конечном счете – к возникновению депрессии, поскольку общение – это приток новых впечатлений, возможность путем общения повысить свою самооценку, получить новые стимулы для работы, для жизни.

Недостаточность общения, утрата связи с людьми своего круга, своей референтной группы приводят к частым болезням, одинокие люди становятся мнительными, заикленными на своих недугах.

Итак, коммуникативное поведение – это совокупность норм и традиций общения народа.

З.Д.Попова и И.А.Стернин, авторы серии исследований по коммуникативному поведению, выделяют три основных аспекта:

- теоретический (теория коммуникативного поведения, терминологический аппарат);
- описательный (конкретное описание коммуникативного поведения того или иного народа на фоне другого);
- объяснительный (объяснение выявленных закономерностей и особенностей национального коммуникативного поведения).

Коммуникативное поведение делится на вербальное и невербальное.

Вербальное коммуникативное поведение – совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях.

Невербальное коммуникативное поведение – совокупность норм и традиций, регламентирующих использование невербальных средств общения: жесты, мимика, взгляд, телодвижения, поза, пространственное расположение в процессе общения, тактильные контакты и др.

Для более глубокого понимания сущности коммуникативного поведения приведем постулаты коммуникативной лингвистики в формулировке В.И.Карасика:

«1. Важнейшей характеристикой языка как коммуникативного феномена является его органическая встроенность в ситуацию общения. Коммуникативное поведение ситуативно. Речевое поведение является разновидностью как такового, т.е. проявления мотивированной символически опосредованной на поддержание контакта, эмоционального взаимовлияния, обмена информацией и самовыражения... Для понимания смысла в любой коммуникативной ситуации необходим учет всех значимых параметров этой ситуации. Текстуальная сторона общения является лишь одним из аспектов общения, *при этом в устной речи вербальное отношение в информативном плане выступает как дополнительное по отношению к невербальному. Словесный способ общения вторичен по отношению к указательному, и поэтому дейктики различного типа в явном и неявном виде пронизывают любой акт коммуникации* (выделено нами – З.А.).

2. Коммуникативное поведение детерминировано культурой. Множество осознаваемых ориентиров поведения, концентрированного опыта, прецедентных явлений лежит в основе любого коммуникативного действия. Культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивидуума. Любой акт коммуникации есть подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества.

3. Единицей коммуникативного поведения является транслируемый смысл, т.е. символически выраженное переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе. Это отношение может быть квантом переживаемого знания, коммуникативным стереотипным рефлексом, значимым отсутствием поддержания контакта. Транслируемый смысл может передаваться вербально и невербально в соответствии с культурными сценариями, усвоенными представлениями соответствующего коммуникативного сообщества.

4. Транслируемые смыслы допускают множественную интерпретацию.

5. Естественное общение характеризуется синкретичностью рационального и эмоционального содержания.

6. Коммуникативное поведение многомерно и партитурно. Оно реализуется как совмещение нескольких планов общения – поддержания контакта, воздействия, информативного обмена, самопрезентации и др. С исследовательской целью эти планы общения можно условно разделить и проанализировать отдельно, в таком случае каждый отдельный акт общения будет представлен как партитура, одновременное выражение нескольких коммуникативных партий. Естественное общение представляет собой органическое сочетание разных коммуникативных планов, каждый из которых имеет свои доминантные средства выражения, при этом только информирование о ненаблюдаемых событиях или явлениях имеет принципиально текстовой характер, остальные коммуникативные линии

выражаются преимущественно невербально, но могут получить и словесное выражение.

7. Важной характеристикой общения является его функциональная подвижность (лабильность).

8. Коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе – формате общения, обусловленном культурно-ситуативными нормами, и конкретизируется в виде определенных речевых жанров – исторически сложившихся ситуативных форм речевого поведения.

9. Коммуникативное поведение характеризуется как регулярными моделями передачи смыслов, так и отклонениями от этих моделей.

10. Интерпретация реального общения строится на основе экзегетики, т.е. развернутого ситуативно-культурного толкования, а не декодирования текста.

11. Исследовательские модели коммуникации основаны на учете трех параметров общения – личности, концептов и дискурса».

В коммуникативном поведении условно можно выделить несколько компонентов. Первый компонент – это начальный этап общения, когда в полной мере реализуется фатическая функция общения – установление контакта с собеседником через вокативы-обращения.

Система вокативов любого национального языка ситуативно обусловлена и характеризуется национально-культурной самобытностью.

Второй компонент коммуникативного поведения – это презентация собеседника. формы данной презентации также обусловлены типом коммуникативной ситуации и национально-культурной характеристикой собеседника.

Третий компонент коммуникативного поведения – коммуникативные тактики, используемые в процессе общения, выбор которых зависит от ряда факторов: от иллокутивной цели общения, от социально-демографических характеристик собеседников (социальный статус, пол, возраст, уровень образования, эмоциональное состояние на момент общения и др), от типа коммуникативной ситуации, сферы общения.

Четвертый компонент – невербальные средства общения, к которым относятся:

- проксемическая дистанция;
- персональное пространство;
- коммуникативная организация пространства;
- эмотивные кинемы;
- тактильные контакты (такесика);
- контакт глаз (визуальное взаимодействие);
- мимемы (мимика лица).

Поскольку в казахстанской лингвистике имеется серьезное монографическое исследование А.Т.Оналбаевой по невербальному общению,

в последующем изложении по данному компоненту коммуникативного поведения мы будем основываться на материале указанного исследования.

Для каждой культуры характерна своя проксемическая дистанция, которая варьируется в зависимости от ряда факторов. Так, для североамериканской культуры исследователями выделены четыре расстояния приближения человека к человеку.

а) интимное расстояние, используемое при общении самых близких людей, составляет от 0 до 45 см;

б) персональное расстояние, используемое при обычном общении со знакомыми, равное от 45 до 120 см;

в) социальное расстояние, используемое при общении с незнакомыми людьми при официальном общении;

г) публичное расстояние от 400 до 750 см при выступлении перед различными аудиториями.

Российские психологи выявили факторы, влияющие на изменение проксемического расстояния. Это фактор *возраста*, а именно: при общении с лицами старше по возрасту расстояние увеличивается, при общении с лицами намного младше по возрасту расстояние уменьшается; это фактор *знакомства-незнакомства*: при общении с незнакомыми людьми мы стараемся держаться от них подальше, при общении со знакомыми людьми дистанция уменьшается.

В проксемике казахской коммуникации важную роль играют понятия *тер*, *босага*. *Тер* в однотомном толковом словаре под редакцией Т.Жанузакова определяется как *уй ішіндегі ең құрметті орын, уйдің босағаға қарама-қарсы жоғарғы жағы* (букв, самое почетное место в доме, расположенное напротив входа). Приведены в иллюстративной части фразеологизмы: *төрге озды, төрден орын алды*.

Тер - самая почетная часть юрты, обладает наивысшей культурной ценностью. Н.Ж.Шаханова отмечает, что расположение почетного места *төр* практически во всем тюркоязычном мире всегда маркировано противоположным положением от входной двери и стопкой постельных принадлежностей. Также характерна последовательность складывания постельных принадлежностей: деревянная или каменная подставка или сундуки, затем войлоки или ковры, верхняя одежда (шубы, тулупы), верхние ряды состоят из одеял и завершают, как бы венчают эту вертикальную конструкцию подушки. Отмечается и особенность складывания постельных принадлежностей: свертывания вещей в валик (особенно войлоков, ковров) и складывание их в несколько слоев, но не простым складыванием / сгибание вдвое, вчетверо и т.п., а закладыванием по типу «вперед-назад».

Н.Ж. Шаханова связывает столь устойчивое сохранение четкой маркировки почетного места *төр* постельным вещевым комплексом, вертикальной ее структуры, строгой последовательности ее слоев и особого способа складывания с представлением о понятиях «плодородие (плодовитость) - богатство - счастье». На эту мысль наводит и существование

запретов, связанных с жук: *жүктің устіне шықпа, бақ кетеді, обал болады* и др.

В исследованиях, посвященных традиционному мировоззрению тюрков Южной Сибири, отмечается, что «весь предметный набор, связанный с постелью, подчеркивал соотнесенность зоны *төр* с рождающим лоном». Н.Ж. Шаханова предполагает, что это положение можно распространить на тюркский мир в целом, начиная от самых западных его границ (гагаузы), включая поволжские, кавказские, среднеазиатские ветви и османских турок.

В современной культуре казахов *төр* воспринимается как почетное место в жилище, наиболее удаленное от входной двери. Символическая соотнесенность с понятием «плодородие (плодовитость) - богатство - счастье» утеряна, так же как и маркированность *төр* стопкой постельно-вещевых предметов.

Төр - самое почетное место, далее гостей рассаживают в зависимости от их места в иерархии социальных и родственных отношений.

Возможность располагаться на указанном почетном месте предоставлялась не всем. Во-первых, это люди, пользующиеся уважением, имеющие определенные заслуги перед народом, во-вторых, люди старшего возраста, в-третьих, люди, занимающие высокое место в иерархии родственных отношений, в-четвертых, гости.

Традиция усаживать на самом почетном месте в жилище наиболее уважаемых и почетных людей сохраняется у казахов до нашего времени.

Известный казахстанский тюрколог В.У.Махпиров утверждает наличие ряда культурных констант, определяющих специфику той или иной национальной культуры: «В каждой национальной культуре имеется целый ряд базовых понятий, которые оказали самое существенное воздействие на формирование данной культуры, которые аккумулируют в себе суть данной культуры, восходят к самым ее истокам и составляют основу данной культуры во все времена ее существования.

В современной культурологии, а через нее и в лингвистике эти базовые понятия обозначаются термином *концепты*.

Под термином *константа* в культуре понимается концепт, который существует постоянно или, по крайней мере, очень долгое время.

К таким базовым понятиям В.У. Махпиров относит *төр* «почетное место»: «В социально-культурной организации общества в тюркском мире данный термин имеет чрезвычайно важное значение: в жилище - *төр* - самое почетное, даже сакральное место, занимать которое имеют право старейшины дома и наиболее почетные гости и доступ куда запрещен членам семьи, занимающим в социальной структуре более низкое положение».

Особую роль играет понятие *жол*, которое выступает как лексико-семантический вариант слова *жол* - *дорога, путь*. Лексема *жол* в словаре казахского языка дефинируется как «порядок, очередность, месторасположение». В шестом томе пятнадцатитомного словаря казахского литературного языка данное слово поясняется более точно и подробно:

жасы, дәрежесі үлкен, сыйлы, қадірлі адамдардың белгілі бір жағдайда бірінші болып жүру этикалық норма туралы (букв. Этическая норма, согласно которой людям старшего возраста, пользующимся уважением и почетом, в определенных обстоятельствах предоставляется право быть первым). С этим понятием связано этнографическое фразеосочетание *жол беру*, которое в том же словаре поясняется следующим образом: казак халқының дәстүрлі әдеп нормалары бойынша, жасы кіші адамның үлкенге жол босатуынан бастап, үлкеннен бұрын төрге өтпеу, отырмау, астан дәм татпау, сөйлемеу; жекпе-жек кезінде жебемен ату кезегін беру, аңшылықта бірінші оқ шығармау, т.б. әдет-ғұрыптармен сипатталатын этикалық жоралғысы (букв. этическое предписание, по которому младший по возрасту человек уступает старшему право первому начать разговор, первому садиться за стол, первому начать трапезу, занимать почетное место за столом; в состязаниях младший не может первым начинать пускать стрелы; во время охоты старший имеет право первым стрелять по дичи и т.д.). Отсюда возникли фразеосочетания *жолы үлкен*, т.е. человек согласно своему социальному, демографическому, родственному статусу имеет право на приоритет в чем-либо; *жол білмейді*, т.е. невежественный по части национальных традиций и обычаев; *жолдан жығылмайды*, т.е. хорошо осведомленный о национальных традициях и обычаях и твердо их придерживающийся; *жолы кіші*, т.е. человек, который будучи даже старше других по возрасту, в силу своего статуса в системе родственных отношений (зять, невестка) обязан уступать место, очередность более младшему по возрасту человеку.

Антонимом к слову *төр* в проксемическом отношении выступает понятие *босага* (два вертикальных деревянных бруска, составляющие основу деревянной рамы, дверной косяк), однако здесь следует иметь в виду, что *босага* в казахской ментальности воспринимается как сакральное место, это место, которое отделяет внутренний мир от внешнего мира. *Босага* защищает семью от враждебного внешнего мира, сохраняет тепло, уют семьи. Поэтому в пожеланиях на свадьбе, на новоселье всегда присутствует клише — *босага берік болсын!* пусть дом ваш будет прочным, семья - крепкой!

Однако в слове *босага* присутствует коннотация, которая указывает на то, что *босага* — это место у входа, которое во время застолья, приема гостей занимают либо младшие по возрасту, либо имеющие низкий социальный статус.

«Жиырма шакты баланың ең кішісі алты жасар мен едім, маған орын *босагадан* тиді» (Я был младшим из двадцати детей, поэтому мне досталось место у порога) (Ғ.Мүсірепов).

Данная коннотация проксемического характера легла в основу ряда фразеологизмов: *босагада журді* - быть прислугой, *босага сығалады* - не иметь собственной крышки, собственного угла.

«Ауғанбайдың үйі жоқ болатын, көрінгенің босағасын сығалап жүретін» (У Ауғанбая не было своего дома, поэтому он вынужден был скитаться по чужим домам) (Б. Соқпақбасв).

«Сен де оқу оқыр едің, Балалармен бірге барып. Босағасында әркімнің жүрмес едің жүдеп-арып» (Ты бы тоже мог учиться вместе с другими детьми, а не обивать пороги чужих домов) (С. Сейфуллин).

Отметим, что проблематика коммуникативного поведения в настоящее время целенаправленно исследуется представителями теоретико-лингвистической школы Воронежского университета под руководством З.Д. Поповой и И.А. Стернина, результаты сопоставительного исследования коммуникативного поведения русских и американцев, проведенного воронежцами, мы приводим далее.

Оба народа — русские и американцы — позволяют общительность и коммуникативный демократизм, что сближает две описываемые коммуникативные культуры. Однако американцы при этом демонстрируют в общении большую по сравнению с русскими коммуникативную приветливость, улыбочивость, жизнерадостность и шумность.

Русские проявляют большую по сравнению с американцами коммуникативную доминантность, искренность и эмоциональность в общении, не любят пауз в общении, любят разговор по душам, высказывают много оценок, любят спорить, поднимать в бытовом общении серьезные вопросы, лучше информированы по многим вопросам.

Русские не любят незэмоциональности, сдержанности, светских разговоров, задают незнакомым или малознакомым людям глубоко личные вопросы и легко рассказывают о себе личную информацию.

Русские склонны к скромности при самопрезентации и к коммуникативному пессимизму (на вопрос «Как дела?» обычно отвечают «Ничего», а не «прекрасно», как обычно отвечают американцы), не склонны хвалиться своими успехами; американцы предпочитают агрессивную самопрезентацию для них характерен коммуникативный оптимизм и демонстрация своих успехов.

Американское общение более деловито, прагматично, американцы более правдивы в сообщаемой собеседнику информации. При этом они нелюбопытны, менее информированы по вопросам, не затрагивающим их лично. Официальное общение в американской коммуникативной культуре гораздо более эффективно, чем в русской, в деловом общении официальные лица демонстрируют приветливость и доброжелательность. Предпочтение отдается устной договоренности.

Всемирно известный американский драматург Артур Миллер, сравнивая американцев и русских, говорил, что американцев, в отличие от русских, не интересует, что вы действительно чувствуете и думаете.

Русские стремятся регулировать поведение окружающих, американцы стараются этого избегать. Юмор в русском коммуникативном поведении не

является частью бытового повседневного общения, как у американцев, а входит в развлекательное общение.

Американская дистанция общения гораздо больше, чем русская, американцы менее склонны к физическим контактам с собеседником, чем русские. Русская мимика и жестикуляция более интенсивна и разнообразна, чем у американцев.

Существенными оказываются и многие конкретные различия в общении русских и американцев.

Например, американцы в большинстве случаев поддерживают достаточно большую дистанцию общения – слишком короткая дистанция у американцев связывается с посягательством на личное пространство, агрессией или сексуальным домогательством. Сокращение дистанции в американской коммуникативной культуре не свидетельствует о дружеском расположении, как в русской коммуникации.

Американцы намного больше улыбаются в общении, чем русские. В Америке улыбка является неотъемлемой частью разговора, при этом американцы улыбаются незнакомым людям в транспорте, на улице и в других местах. Улыбка в американском общении прежде всего выражает вежливость и доброжелательность, а также личное пресуеживание; всех этих функций у русской улыбки нет, улыбка русского человека более ситуативна и адресуется в первую очередь личным знакомым, демонстрирует личное положительное отношение к собеседнику. Улыбка в русском общении обычно не выражает благодарность, в то время как в американском общении такая функция у улыбки есть.

Приведенная характеристика коммуникативного поведения слишком обща и носит констатационный характер.

Для придания объяснительной силы подобным исследованием необходим учет социально-демографических параметров коммуникантов и особенностей менталитета в соответствии с их этнической, гендерной, возрастной идентичностью.

Проблемы коммуникативного поведения начинают разрабатываться и в казахстанском языкознании, при этом в исследованиях казахстанских лингвистов особое внимание уделяется специфике общения казахстанцев, подчеркнем, что не акцентируется внимание на национальной принадлежности коммуникантов, ибо длительное контактирование, неагрессивный характер общения между представителями этнических групп в рамках казахстанского общества привело не столько к адаптации либо ассимиляции, либо к исчезновению одной и экспансии другой культуры, как это описывается в учебниках по межкультурной коммуникации, а к формированию общих культурно-языковых черт, особо четко прослеживающихся в коммуникативном поведении.

Д.З.Габбасова, чье исследование посвящено анализу коммуникации в рамках ток-шоу немецкого и казахстанского телевидения, сопоставляя аргументативный стиль немецких и казахстанских участников, приходит к

следующим выводам: «По результатам нашего анализа в аргументационном стиле немецких участников содержится большее количество речевых актов, направленных на ущемление коммуникативного пространства собеседника и на побуждение его к определенным речевым актам. Так, например, языковое действие *утрекать*, которое используется в ходе немецкой дискуссии 11 раз, в казахстанской – 1 раз, побуждает собеседника к речевому действию *оправдываться, защищаться, объяснять*. Речевой акт *противоречить* (мнению, утверждению собеседника) производится немецкими участниками 14 раз, казахстанскими только 3 раза. Итак, аргументационный стиль немецких участников ток-шоу можно охарактеризовать как жесткий и агрессивный, казахстанские участники придерживаются более спокойного стиля ведения дискуссии.»

Тематика казахстанских и немецких ток-шоу различается тем, что в немецких ток-шоу на публичное обсуждение могут выноситься темы очень интимного характера, которые являются табуированными для казахстанских телепередач данного жанра.

Необходимость в аналогичных исследованиях по коммуникативному поведению разных этносов возрастает в условиях многоязычного и поликультурного общества, каким является Казахстан, ибо знание и учет особенностей коммуникативной культуры контактирующих этносов и этнических культур есть одно из неперемных условий формирования толерантности.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебные пособия. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007.
2. Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития. Алматы, 2007.
3. Парыгин Б.Д. Научно – техническая революция и личность. М., 1978.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
5. Шаханова Н.Ж. Символика традиционной казахской культуры. Алматы: Қазақ университеті, 2004.
6. Махпиров В.У. Древнетюркские этнолингвистические этюды: Төг .Türk. Talas. // Қазақстан Республикасы ғаламдық мәдениет және тілдерлік қауымдастықта (қазақ және әлем тілдері). - Алматы, 2006. – с. 192-203.
7. Габбасова Д.З. Телевизионный диалог ток-шоу немецкого и казахстанского телевидения как социокультурный момент в коммуникации. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Алматы, 2005.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое общение?
2. Функции общения
3. Постулаты коммуникативной лингвистики
4. Компоненты коммуникативного поведения

Задания

Задание №1: дайте социолингвистический комментарий к следующему тексту.

Что касается [французского – З.А.] языка, то честно признаться, когда-то я горела идеей выучить его, такой необычайно красивый, но, несмотря на все старания, в голове остались только тривиальные “шерше ля фам” и “лямур”. Собственно, с этими познаниями во французском и несколько более обширными в английском языках и начался мой вояж. Каково же было моё удивление, когда я поняла, что английский язык во Франции вовсе не является международным. Многие французы говорят на испанском, немецком и даже знают некоторые русские слова, но на английском они не говорят. Со временем выяснилось, что французы просто игнорируют язык американцев и англичан: по-английски многие понимают, но говорить не хотят “из вредности”. [Н.Малышева. Париж – это всё, что ты захочешь. // Страна и мир, 31.03.2006. – взято из Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007. – с. 26]

Задание №2: какая социолингвистическая проблема затронута в данном тексте?

- Другое дело, что в 90-е годы стало очень тяжело русскоязычным казахам в Казахстане. К нам ведь относились как к “пятой колонне” собственной нации и постоянно упрекали в манкуртизме. И что интересно, ввел это слово в оборот Чингиз Айтматов, который также оказался не востребованным в собственной стране: он и сейчас живет за рубежом. Лично я считаю это явление искусственным понятием. Не может такого быть, чтобы у человека напрочь отшибла память, и всё родное стало для него абсолютно чуждым. Наоборот, русскоязычные казахи, насколько я знаю эту прослойку, являются наиболее патриотичной частью казахов. Видимо, существование между двумя культурами, отторгнутость от родной среды рождали в них тоску по ней, стремление постичь её суть, которая и заставляла их изучать историю казахского народа, его язык. Была такая традиция в среде русскоязычной казахской интеллигенции, и жаль, что её объявили чем-то восторженным, ненужным и даже опасным. И у меня осталось с тех времен это ощущение отторгнутости от казахской интеллигенции. [М.Кондыказакова. Манкуртизм – понятие искусственное. Интервью с

Ауезхан Кодаром //Столичная жизнь, 28.07.2005 – взято у Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике Алматы, 2007. – с.36]

Задание №3: сформулируйте правила коммуникативного поведения, изложенные в отрывке.

Владей искусством беседы, ибо в беседе сказывается личность. Когда пишешь письмо, есть время на размышление, беседа же требует мгновенного ума! Чтобы в беседе быть приятный, приравнивайся к характеру и уму собеседников. Будь осторожным в беседе: с соперником – из приличия. Выпустить слово легко, да поймать трудно. Разговаривая о пустяках, прощупывай почву для дел поважней. Помни, кто в беседе легко открывается, того легко убедить – и победить. Благоразумие в беседе важнее, чем красноречие. Скороговорки пауза – дороже. [Столичная жизнь. 04. 10. 2004. – взято из. Сарыбай М.Ш. Хрестоматия по социолингвистике. Алматы, 2007 – с.21]

Содержание

1. Предисловие.....	3
2. Витальность языка и языковое взаимодействие.....	4-24
3. Общее понятие о билингвизме.....	24-34
4. Языковая ситуация, языковое планирование (на примере Республики Казахстан)	35-45
5. Типология билингвизма	45-58
6. Языковая интерференция: основные факторы и типы	58-64
7. Стереотипы.....	64-76
8. Социальная идентичность и ее отражение в языке и коммуникации ...	77-79
9. Этническая идентичность и ее отражение в языке и коммуникации... ..	79-83
10. Гендерная идентичность и ее проявление в языке.....	84-90
11. Возрастная идентичность и ее отражение в языке	90-102
12. Коммуникативное поведение	102-115